91 (с)
С-56
Ж160055

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2—3

1937

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

10/X – сч Журнал в сокр-ии

Содержание

СТАТЬИ

Стр.

И. М. Лекомцев. Социалистическое строительство среди народов Поволжья 3

Е. А. Рыдзевская. О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы 15

МАТЕРИАЛЫ

Е. Н. Студенецкая. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в. (по некоторым архивным документам) 45

В. Г. Тан-Богораз. О работе Е. Д. Стрелова «Одежда и украшения якутки в половине XVIII в.» 73

Е. Д. Стрелов. Одежда и украшения якутки в половине XVIII в. (по археологическим материалам) . 75

Н. В. Кюнер. Коллективные охоты у формозских племен (у племени атаял) 100

ЗАМЕТКИ

А. И. Андреев. Буляши. (Одно из эвенкийских объединений XVII в.) 111

ХРОНИКА

По СССР

В. В. Храмова. Издание труда Гильфердинга А. Ф. «Онежские былины» 114

В. В. Храмова. В кабинете Европы и Кавказа (Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР 114

М. О. Шахнович. Выставка «Революционная Испания в борьбе с фашизмом» (Музей Истории религии АН СССР) 115

Е. Крупнов. Северо-Кавказская экспедиция Государственного исторического музея 1936 г. 119

И. М. Лекомцев. Центральный музей краеведения Удмуртской АССР 122

Sommaire

MÉMOIRES

Pages

I. Lekomcev. La construction du socialisme chez les peuples du pays de la Volga 3

E. Rydzevskaja. Sur les survivances du matriarcat chez les Scandinaves d'après les données de la littérature nordique ancienne . 15

MATÉRIAUX

E. Studeneckaja. Sur le féodalisme et l'esclavage au Karatchaï au XIX-e siècle 45

V. Tan-Bogoras. Sur le travail de E. Strelov «L'habillement et les parures de la femme iakoute au milieu du XVIII-e siècle» 73

E. Strelov. L'habillement et les parures de la femme iakoute au milieu du XVIII-e siècle 75

N. Kühner. Les chasses collectives chez les aborigènes de Formose (Atayals) 100

NOTES

A. Andreev. Les Bouliaches, une des unions des tribus evenki au XVII-e siècle 111

CHRONIQUE

En URSS

V. Chramova. Une nouvelle édition des «Légendes d'Onéga» de A. Hilferding. 114

V. Chramova. Le Cabinet de l'Europe et du Caucase à l'Institut d'Anthropologie, d'Archéologie et d'Ethnographie 114

M. Sachnovič. L'exposition «L'Espagne révolutionnaire dans sa lutte contre le fascisme» (Musée d'histoire des religions de l'Académie des Sciences de l'URSS) 115

E. Krupnov. La mission nord-caucasienne du Musée Historique de l'Etat 119

I. Lecomcev. Le musée régional de la République Oudmourte . . 122

91(с)
П
С 56
1941

Ответственный редактор издания директор Института антропологии, археологии и этнографии академик В. В. Струве

Редакционная коллегия:

Председатель редколлегии акад. И. И. Мещанинов
Ответственный секретарь Е. Г. Кагаров

Члены редколлегии:

М. К. Азадовский, М. О. Косвен, В. И. Равдоникас

Секретарь редакции В. В. Храмова

Технический редактор О. Г. Давидович. — Корректор А. В. Сорокина

Сдано в набор 22 июня 1937 г. — Подписано к печати 24 января 1938 г.

132 стр. + 7 вкл.

Формат бум. 72 × 110 см. — 8¼ печ. л. + ⅞ печ. л. вклеек. — 63 840 печ. зн. в л. — 12.68 уч.-авт. л. — Тираж 2500

Ленгорлит № 493. — АНИ № 108. — Заказ № 779

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СТАТЬИ

И. М. Лекомцев

Социалистическое строительство среди народов Поволжья

„Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты".

И. В. СТАЛИН.

(Из доклада о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 г.).

1

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревни от железных дорог . . . Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость».[1]

Это высказывание В. И. Ленина прежде всего относилось к бывшим Вятской, Пермской, Казанской губерниям, основным населением которых были удмурты, пермяки, марийцы, татары, чуваши, мордва и ряд других забитых народов царской России.

Политика царского правительства, направленная на угнетение малых национальностей, особенно ярко проявилась в отношении многонационального Поволжья. Произвол царских чиновников, непосильные подати, взяточничество, скупка за бесценок продуктов сельского хозяйства и пушнины, поповский дурман и кулацкое засилье, бездорожье, постоянная нужда, голод и холод — так можно характеризовать состояние коренного населения Казанской, Пермской и Вятской губерний.

Для общей характеристики экономического состояния достаточно указать на Казанскую губернию, которая была наиболее отсталой колонией царского самодержавия с разоренным хозяйством, сотнями тысяч нищих и голодных людей. Из всего татарского населения, занимающегося сельским хозяйством как единственным источником существования, 40% было безлошадных. «Гордостью» промышленной буржуазии были кустарные мастерские с примитивной

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXVI, стр. 338. Партиздат, 1932 г.

техникой. В 1913 г. во всех промышленных предприятиях Казанской губернии насчитывалось не более 13 тысяч рабочих, в том числе татар не более тысячи. «Техническое вооружение» татарского земледельческого населения до революции состояло из сох и борон с деревянными зубьями. Соха составляла 83% всех почвообрабатывающих орудий. Такая же «техническая вооруженность» была и у соседних с татарами народов — удмуртов, чувашей и марийцев. Как наследство царского самодержавия Марийская Автономная ССР получила сотни тысяч сох; так, в 1928 г. насчитывалось 58 тысяч сох. Обрабатывая примитивной сохой землю, большинство народов Поволжья даже не видало таких «сложных» сельскохозяйственных машин, как жнейка и сенокосилка.

Царское правительство меньше всего было заинтересовано в развитии промышленности в районах, заселенных невеликорусским населением. Еще меньше оно было заинтересовано в создании национального пролетариата, примером чего могут служить районы, заселенные марийцами. На территории Марийской АССР до революции в границах б. Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов и южной части Вятской губернии вся промышленность исчерпывалась тремя полуразвалившимися стекольными заводами и несколькими десятками лесохимических, деревообрабатывающих и кожевенных кустарных предприятий с примитивной техникой. Весь основной фонд этой промышленности составлял 930 тысяч рублей. На всех промышленных предприятиях было занято менее одной тысячи человек, среди которых марийцы насчитывались единицами.

Процесс капиталистического разорения поволжской деревни шел очень быстро. Иллюстрацией этому может служить следующий пример: в мордовской деревне Сыросево, ныне Кувакинского района, было до революции 56 семейств с общей численностью населения 942 человека. Из общего числа населения грамотных мужчин было 133, женщин — 0. Сдатчиков земли — 25, арендаторов — 30, безземельных — 7, безлошадных — 75 (48.1%), бескоровных — 54 (34.5%), безлошадно-бескоровных — 44 (около 30%). Во всей деревне не было ни одного плуга. Торговцев — 2, отхожих рабочих — 87. В этом же отношении очень показателен пример марийской деревни Урем-Сола Токтай-Белякской волости, сдавшей в аренду землю кулаку соседней русской деревни Демину. Жители Урем-Сола превратились в батраков или бежали с насиженных мест: из 23 хозяйств, имевшихся в 1910 г., через несколько лет осталось только 8. Такой же участи подверглась деревня Курак-Сола.

Оставляя семьи, массы разоренных крестьян шли на заработки в казенные леса. О положении отходников, занятых в лесной промышленности, характерно следующее сообщение одного из земских начальников Чебоксарского уезда казанскому губернатору в 1905 г.: «Благодаря малоземелью крестьяне вынуждены пополнять свой бюджет работами, и главным дателем работ является казна, которой разрабатывается масса лесных материалов... Крестьяне обыкновенно берут работы артелями, заключают с лесничими домашние условия, во всех отношениях оберегающие интересы казны и тяжелые для крестьян... Так, например, за несвоевременный выход на работу — штраф, за несвоевременное окончание работы — штраф, и так все условия пестрят штрафами и неустойками... Иногда в виду отказа лесничих в выдаче заработанных денег крестьяне бросают работы, не докончив их. И лесничий дает предписание полиции взыскать известную неустойку или по его мнению переполученную сумму административным путем без суда... Взыскание с крестьян неустоек и штрафов вызывает неудовольствие среди народонаселения; как бы все эти данные в связи с исключительными событиями настоящего времени не повели к крупнейшим недоразумениям».[1] Таково было экономическое положение трудящихся Поволжья.

[1] Пятнадцать лет Советской Чувашии, Чебоксары, 1935, стр. 22.

Не лучше были и бытовые условия. Экономическая, историческая, антропологическая и этнографическая литература дореволюционной России примерно одинаковым языком описывала бытовую сторону этих народов. Вот что говорят старые этнографы: «Живут вотяки грязно. . . В избах у них нечистота, неопрятность, дурной, тяжелый воздух; в зимнее время тут и телята, ягнята и птицы. . .»[1] Или: «Мрачна и жалка жизнь этих чуваш. Жилища в большинстве их убогие, темные тесные избенки с соломенными крышами, а то и без крыш, с одной или двумя дырами вместо окон. . . В переднем углу закоптелая икона с ликом какого-то святого, о котором обитатели ничего не знают. . . На стенах бесчисленные тараканы, а в щелях стен клопы».[2] Доктор Жуков пишет, что «как правило, жилищем чувашина, мари и проч. является изба-хижина в одно-два окна, с 96 куб. арш. содержания воздуха на семью в 5 человек. Таким образом, на одного человека приходится, за вычетом 24 арш. печи, лишь 14 куб. арш. воздуха, что втрое меньше средней гигиенической нормы (40 куб. арш.). Если принять во внимание, что зимой здесь в избе ютится подрастающее поколение скота, сушатся прелые онучи и детские пеленки-тряпье, вентиляция отсутствует, — то станет понятным качественный состав воздуха, который можно характеризовать одним словом „вонь".[3] Если к этому прибавить еще равнодушное сообщение Казанского статистического бюро за 1914 г. что «в большинстве деревень нет бань», то перед нами встанет полная картина бытовых условий многонационального Поволжья царской России.

Полуголодное существование, в котором царское самодержавие держало народы Поволжья, несло с собой высокую смертность и широкое распространение острозаразных и социальных болезней. Особенно высокой смертностью и низкой рождаемостью отличалась Казанская губерния. Средняя цифра рождаемости по 40 губерниям Европейской России (по сведениям 1912—1914 гг.) составляла 44.1 на 1000 человек, а по Казанской 42.0; смертность по Европейской России 27.3 на 1000 человек населения, а по Казанской губернии — 29.3. По заболеваемости чесоткой и трахомой Казанская губерния по данным 1914 г. занимала первое место в России. Достаточно привести тот факт, что только в двух уездах Казанской губернии, заселенных марийцами, на территории Марийской АССР, «в наследство» от царского самодержавия освобожденный марийский народ получил 10 000 слепых, потерявших зрение от трахомы. Среди удмуртского населения процент больных трахомой доходил до 50 по отношению ко всему населению. Среди чуваш процент заболеваемости трахомой доходил до 90. Преподаватель миссионерских курсов И. В. Никольский 30 лет назад «успокоительно» сообщал: «Трахома ныне у немногих чуваш Ядринского уезда. Самое большое— 50 %». Такой процент больных трахомой в одном уезде для царской России — это считалось «немного».

Больницы, доктора, фельдшерские пункты — все это было недоступно коренному населению Поволжья. Запуганные царскими сатрапами народы Поволжья относились с недоверием даже к врачам и избегали обращения к ним за медицинской помощью. По этому поводу И. К. Лукьянов[4] пишет: «В силу многих причин *они* (народы Поволжья. *И. Л.*) не имели до самой Октябрьской революции особенного основания верить в безвозмездную «альтруистическую» помощь кого бы то ни было, а особенно в благодеяния, исходящие от их поработителей — помещиков, чиновников и попов. Это недоверие перенесено и на земских врачей, зачастую являющихся к ним в образе «уплута» (барин) с кокардой и на тройке». Об этом свидетельствуют и старые врачи. Доктор Жуков рассказывает, что их (врачей) встречали «в Цивильском уезде не как добрых людей, а как злых духов, несущих с со-

[1] Г. Е. Верещагин. Вотяки Сосновского края. СПб., 1887, стр. 3—4.
[2] С. Чичерина. У Приволжских инородцев. СПб., 1905, приложение, стр. 150.
[3] Жуков. Трахома и ее распространенность в Казанской губ. Казань. 1934.
[4] И. К. Лукьянов. Трахома в Волжско-Камском крае. Чувашгиз, Чебоксары, 1925, стр. 85.

бой что-то загадочное и таинственное». «В деревнях многие прятались от меня, убегали в лес . . .» — дополняет доктор Алянчиков. Избегая врачей, едущих в деревни «с кокардой и на тройке», население Поволжья доверяло свое здоровье бабкам. Об этом правдиво пишет один из корреспондентов: «Вследствие полуголодной и грязной жизни является необычайное распространение внутренних и накожных болезней и ужасающая смертность детей. В нашей деревне Манял, Ядринского уезда, за посление 2—3 года ослепло более 10 женщин, в нашей деревне три юмзи, одна из них Анна-Акка пользуется величайшим авторитетом, к ней приезжают чуваши за 50—60 верст, просят совета, помощи и указаний в случае заболеваний и вообще домашнего неблагополучия». Помимо бабок трахому лечили и сами женщины. Способ «лечения» был очень прост: поплевать на глаза, пососать их ртом и отереть их грязным подолом. Такое «лечение» широко известно в этнографической литературе дореволюционного периода, посвященной описанию занятий и быта отдельных народов Поволжья.

Народы Поволжья, подвергавшиеся жестокой эксплоатации в царской России — «тюрьме народов», — стояли на грани деградации. Так, доктор Кондаратский, обследовавший 50 лет назад марийцев, пишет: «Если в ближайшие 50—100 лет не произойдет коренного изменения социально-экономического уклада жизни, то народ мари обречен на физическое вырождение и вымирание».[1] В 1896 г. Казанское земство в изданном им «Общем своде данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии», отмечая возрастающую смертность среди коренного населения и особенно среди чувашей и мари, с цинизмом писало: «Вот если бы культура высшего сорта проникла в чувашские и черемисские трущобы и улучшила домашний быт туземцев, тогда без сомнения они сумели бы утилизировать имеющиеся у них средства для умножения населения. Но в конце концов кому бы это доставило удовольствие?» (Разрядка моя. *И. Л.*).

В каком состоянии при самодержавии находилось «народное просвещение»? Для выяснения этого вопроса достаточно привести несколько показательных примеров. У марийского народа, например, грамотными являлись 16% мужчин и 2% женщин. Известен и тот факт, что за все время существования Казанского университета до революции в нем получило образование . . . 6 татар. Не лучше было и у чувашей: грамотность среди мужчин не превышала 18—20%, а среди женщин — не было 3—4%. Около 150 учителей и попов, выпущенных за 50 лет чувашской учительской школой, подбирались главным образом из кулачества и зажиточной части деревни, готовились к выполнению строго определенной задачи: руссификаторской, православно-миссионерской обработке чувашского населения. Литературы на языках народов Поволжья, кроме религиозной и «урапатриотической», не издавалось.

Царское правительство было заинтересовано лишь в подготовке тех кадров, которые призваны были воспитывать население Поволжья «в духе православия и самодержавия». С 1870-х годов начинает применяться в Поволжье пресловутая миссионерская обрусительная «система просвещения инородцев» Ильминского. В основу этой «системы» были положены: «Молитва и богослужение на понятном народу языке» «Родной язык как основа воспитания и как орудие для изучения русского языка», и «Церковно-славянский язык как связь всех православных, к которым должны примкнуть и инородцы», «Слияние всех без различий религий инородцев в одну семью», «Горячая мечта о счастьи, которого достигнут инородцы, когда они войдут в лоно православной церкви». Издание на языках отдельных народов Поволжья литературы наталкивалось на бешеное сопротивление царских чиновников. В этом отношении характерен следующий факт. Очередное заседание Ядринского земства в 1903 г. вынесло постановление отпечатать для местного населения на чувашском и марий-

[1] Цитируется по журналу «Марийская Автономная Область», Йошкар-Ола, 1936, № 5—6.

ском языках брошюры по вопросам сельской агрономии, животноводства и санитарии. Эта, казалось бы, безобидная затея встретила решительный протест со стороны земского начальства, позднее товарища министра в белогвардейском колчаковском «правительстве» — Н. А. Мельникова, который в «Казанской газете» за этот же год в № 15 писал: «От многих священников и учителей приходилось слышать, что книги на чувашском языке развивают только сепаратизм и сомнения крайне несимпатичные и даже вредные. Все это невольно заставляет думать: не напрасное ли увлечение — доклады и постановления, подобные вышеупомянутым. Не полезнее ли было для самих чуваш всеми средствами и как можно скорее учить их русскому языку; давать им для чтения исключительно русские книги, в церквах, школах, на народных чтениях говорить с ними только по русски». Заканчивая свою статью, Мельников в ярости восклицает: «Чувашской культуры не бывало и не будет». О том, что издание разного рода литературы на языках малых национальностей развивает только «сепаратизм», питали и говорили сотни казенных руссификаторов. Бичуя их, В. И. Ленин указывал: «А в общероссийской политике господствуют Пуришкевичи и Кокошкины. Их идеи царят, их травля инородцев за «сепаратизм», за мысли об отделении, проповедуется и ведется в Думе, в школах, в церквах, в казармах, в сотнях и тысячах газет. Вот этот, великорусский, яд национализма отравляет всю общероссийскую политическую атмосферу».[1] В другом месте В. И. Ленин замечает, что «Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречья», на которых говорят до 60 % невеликорусского населения России».[2]

«Забота» царского самодержавия о культурных нуждах народов Поволжья может быть наглядно показана и на следующем факте: в 1877 г. Чебоксарская уездная земская управа рассматривала вопрос об открытии почты. Почта открыта не была по той причине, что «уезд населен почти исключительно инородцами — чувашами и черемисами, которые не ведут переписки и получают письма от солдат-родственников в самом ограниченном размере — не более 300 писем в год. Газет и журналов совсем не получают» . . .

Для полноты данной нами характеристики экономических, политических и культурных условий народов царского Поволжья приведем заявление начальника 5 корпуса жандармов 11 августа 1836 г. в г. Симбирске: «Опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение». И несколькими строками ниже более конкретно: «На основании сего правила начальствующие над чувашами всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества». Эта циническая фраза была скреплена собственноручной подписью Николая I: «сообщить Стрекалову на особое внимание», а следовательно и для проведения в жизнь.

Такова жизнь в прошлом малых национальностей Поволжья. Таковы факты.

2

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. под руководством большевистской партии Ленина — Сталина освободила трудящиеся массы от гнета эксплоататоров. Для народа многонациональной России кончилась их «предистория» и начинается история освобожденных людей. Путь, пройденный народами Поволжья с Октября 1917 г. до вступления в период социализма, есть путь, пройденный российским пролетариатом и трудящимися массами крестьянства, через годы гражданской войны и интервенции, годы голода и хозяйственной разрухи, годы восстановления всего народного хозяйства и годы упорного насту-

[1] Ленин. Соч. Партиздат ЦК ВКП(б), 1929, т. XVII, стр. 472.
[2] Там же, стр. 179.

пления социализма в нашей стране. Социализм наступал, преодолевая бешеное сопротивление классового врага, меняющего свою тактику в зависимости от политического, хозяйственного и культурного роста Советского Союза.

Достижения и успехи республик Поволжья, как и всех национальных автономий СССР, это одно из подлинных свидетельств торжества ленинско-сталинской национальной политики.

Нет больше забитых и темных «инородцев» — есть активные и сознательные строители социализма, люди, беззаветно преданные делу Ленина — Сталина.

Нет больше Казанской, Вятской и Пермской губерний с полуразвалившимися кустарными предприятиями, с сохами и деревянными боронами, с сотнями тысяч голодающих.

Есть цветущие республики: орденоносные автономные советские социалистические республики — Татарская и Чувашская; автономные ССР — Марийская, Мордовская и Удмуртская.

Прошлая мрачная жизнь правдиво выражена трудящимися Коми-Пермяцкого национального округа в письме к товарищу Сталину:

Мы прожитое горе проклинаем,
Мученье беспросветной нищеты.
Когда и где — не помним мы, не знаем,
Чтоб зацветали радости цветы. . .
. . . Мы спины гнули перед кулаками,
И, в гневе уходя от их дверей,
Мы ненависть лелеяли веками
За слезы наших жен и матерей.

О громадных победах нашего социалистического строительства национальных автономий Поволжья можно судить по росту промышленности, широко развившейся за время революции в Поволжье. В этом отношении характерна орденоносная Татарская АССР, в которой за годы первой и второй пятилеток построено 26 крупных фабрик и заводов, заново реконструировано свыше 20 старых предприятий. В орденоносной Татарии имеются: механическое производство, производство пишущих машин, фанерное производство. На месте мелких кустарных мастерских выросли крупная кожевенная промышленность и меховой гигант, в котором вырабатывается около 50 % всех мехов, производимых в СССР. Имеется химическая и тяжелая промышленность, развитие которой усиливается с пуском таких гигантов, как Казмашстрой, завод синтетического каучука, фабрика пленок. В промышленности Татарии занято 68 000 рабочих, среди которых татар — 23 тыс. Капиталовложения в промышленность Татарии только за 1935 и 1936 гг. выразились в 295 млн. рублей. Таков же размах индустриализации и в Удмуртской АССР, где заново реконструирован Ижевский стальной завод и строятся десятки новых. В Чувашии за период первой пятилетки построен ряд новых крупных предприятий: дубильно-экстрактный завод, Шулярминский и Козловский деревообрабатывающие комбинаты, фосфоритный завод, канифольно-мыльный завод. Работают 3 кирпичных завода и т. д. и т. п.

Громадные успехи коллективизации ярко выражены в таблице, составленной по данным земельных органов на конец 1936 г.

Республики и национальные округа	Количество колхозов	Количество дворов в них	% коллективизации	Количество МТС	Количество тракторов
Татарская АССР	3829	419 560	90.1	76	3496
Чувашская АССР	1683	149 906	81.8	14	570
Удмуртская АССР	2922	128 329	95.5	32	1543
Мордовская АССР	1457	—	82.0	43	1721
Коми-Пермяцкий нац. окр.	501	25 523	87.0	6	292

Итак, в национальных республиках Поволжья к концу 1936 г. колхозов насчитывалось 10 392, техническое вооружение которых состоит из 7669 тракторов и десятков тысяч сложных и полусложных сельскохозяйственных машин. Колхозы имеют и свои собственные грузовые автомашины, которых только в колхозах одной Татарии насчитывается 1139. Еще недавно марийская женщина боялась трактора, бегала от него, а сейчас десятки бригад трактористок имеет марийский народ.

О колхозе и тракторе распеваются сотни песен и частушек. Марийский народ поет:

Мӱндӱр вэр гыч кэчэ лэнтеш
Мэмнам пэш чот ырыкта
ЦЭКа партийын ойжо дэнэ
Мэ колхозым чонэна

Издалека солнце всходит
Нас оно греет хорошо,
Под руководством ЦК партии
Мы построили колхоз.

Ломбо пэлэдыш гай ощо укэ.
Мкаэ пэлэдыш гай чэвэр ука.
Колхоз илыш гай сай укэ
Ышкэт озацлык гай уда укэ.

Нет белее цвета черемухи,
Нет красивее цвета мака,
Нет лучше жизни колхозной,
Нет хуже жизни единоличной.[1]

Женщины многонационального Поволжья благодарят Советскую власть за радостную, зажиточную свободную жизнь:

Иӧра лэктын трактыржэ,
Колхоз пасум куралаш.
Иӧра шочын совэт власть,
Ӱдырлаклан вольалан.

Хорошо, что вышел трактор
Пахать колхозные поля.
Хорошо, что родилась Советская власть
Для вольной жизни девчат.[2]

Этих побед национальные республики добились под руководством партии Ленина — Сталина, завоевывая их в ожесточенной классовой борьбе. Пытаясь подорвать колхозный строй, воспрепятствовать социалистическому переустройству сельского хозяйства, кулачество пустило в ход все средства: от хищнического убоя скота и агитации за выход из колхозов вплоть до открытого террора против работников советских органов и передовых колхозников.

Кулачество ликвидировано как класс. Преодолевая бешеное сопротивление остатков классового врага, колхозники Поволжья радостно и успешно строят зажиточную жизнь. Поволжская деревня стала неузнаваемой, изменился быт колхозников.

Председатель Кольцовского колхоза Вурнарского района С. К. Коротков рассказывает: «Десятки новых домов построили колхозники. Клуб, как дворец, в нем колхозные артисты, обученные в Чувашском академическом театре, хоро-

[1] Советский фольклор, 1936, № 4/5; стр. 90.
[2] Там же, стр. 91.

шая читальня, фото-лаборатория. Столовая, медицинский пункт, скотные дворы, как крепость. У каждого дома новый палисадник. На каждой улице 2—3 новых колодца. Деревня опутана телефонными, электрическими и радиопроводами». Наш односельчанин, — продолжает С. Коротков — Храмов Василий, ныне летчик, служил в Красной Армии и не был в Кольцовке 5 лет. Недавно он прибыл в отпуск. И что же? Он не узнал своей деревни, в которой прожил 22 года и пошел в соседнее селение. И только там ему растолковали в чем дело и направили обратно.[1]

Как зажиточная, культурная жизнь с каждым днем все больше и больше входит в колхозы Поволжья, можно хорошо проследить на колхозе «Красное Сормово» Татар-Косинского района. До организации колхоза железных кроватей эта деревня совсем не имела — теперь колхозники отдыхают на хороших и чисто убранных железных кроватях. Одеял в деревне было 58, теперь — 152. Количество сапог и ботинок с 53 пар увеличилось до 126. Самоваров в деревне было 25, теперь — 38, часов было 20, теперь — 42. Швейных машин 9, — стало 19. Умывальников было 28, теперь — 49, и т. п.

Например, в семье С. Сорокина (Чувашия) изба содержится чисто, опрятно; семья имеет 3 железных кровати и одну деревянную; каждый член семьи имеет отдельное полотенце, зубную щетку, комплект постельных принадлежностей. Есть в семье и музыкальные инструменты: двухрядная гармонь, 2 гитары, имеются шашки и шахматы, 3 велосипеда, выписываются газеты «Правда», «Известия», журналы «Наука и техника», «Есхерараме» и др.

Колхозник Морозов говорит: «Я очень люблю музыку, поэтому, может быть, первым из наших колхозников купил себе патефон . . . Я имею на это право, потому что честным трудом в колхозе зарабатываю по 130 и более пудов хлеба в год. Я купил умывальник, самовар, велосипед, приобрел железную кровать и отштукатурил свой дом, а на будущий год думаю поставить новый.[2]

Бывшие беднота и батрачество, не имевшие прежде и понятия о сытой жизни, в колхозах становятся зажиточными. Ф. Наумов — бывший батрак, отец его тоже всю жизнь работал у кулаков. Федора и по имени то звали прежде редко, больше по кличке «Луконя». Теперь у него новый дом со всеми надворными постройками, корова, овцы, свиньи, куры. . . Ежегодно получает по 150 пудов хлеба, сыт, обут, хорошо одевается, выписывает книги, журналы, газеты.[3]

Новая культура в быту чувствуется во всем, вплоть до мелочей.

Колхозники, работающие на тракторе, комбайне, сложных и полусложных молотилках, на грузовых машинах, в молочно-товарных фермах, в хатах-лабораториях, усиленно работают над повышением своей грамотности. Вот что по этому поводу рассказывает тракторист Рыбно-свободской машинно-тракторной станции (Татария) тов. Гайнулин «Я был отстающим трактористом, потому что до 1935 г. был совершенно неграмотным, не мог читать и писать. Я прошел школу ликбеза, усиленно продолжаю учиться. Сейчас стал грамотным. Легче мне стало овладевать трактором и сейчас я выдвинулся в ряды передовых трактористов, стал стахановцем».

В колхозах Поволжья растут сотни тысяч новых людей, для которых труд является «делом чести, доблести и геройства». На колхозных полях только одной Татарии работает 54 орденоносца-колхозника. Бездорожная ранее Чувашия превратилась в республику образцовых дорог, построенных при широком участии колхозных масс. В Чувашию приезжали делегации со всех концов Советского Союза для ознакомления с успехами в дорожном строительстве. Делегации Башкирии и Западной области в книге впечатлений записали: «Мы с восхищением слу-

[1] 15 лет Советской Социалистической Чувашии. Чувашгосиздат, Чебоксары, 1935, стр. 206.

[2] Там же, стр. 227—228.

[3] Там же, стр. 204.

шали информации председателей РИК-ов, колхозов и сельсоветов о громадном перевыполнении намечавшихся планов, о том что население выходило на работы в порядке трудового участия не как на отбывание трудовой повинности, а как на праздник — со знаменами, оркестрами и песнями». Для иллюстрации этого достаточно привести один пример: Н. Ситников 78-летний колхозник, не был включен колхозом и сельсоветом ни в одну бригаду. Сельсовет, сообщая в район о том, что несмотря на это Ситников принимает участие в работах, пишет: «Запретить мы ему не можем, он ежедневно выходит на работу. Не только работает сам, но как хороший специалист — плотник руководит бригадой». В хороших дорогах нуждаются прежде всего колхозы. Это хорошо выразил 66-летний старик — колхозник деревни Лудошур, Глазовского района, Удмуртской АССР. Горбушин, С. Н., который говорит: «Раньше о дорогах почему-то меньше думалось. Придется ехать куда, всю жизнь проклянешь. Всю дорогу или по грязи или по ухабам. Иной раз или на веревках или без колеса приедешь. Сгоряча покричишь на собрании. Разбредемся по домам — и опять некому о дорогах заботиться. Разъединены были как тараканы по щелям и всяк гнул свое. Не тону я в своей хате, а кто едет, как хочет — я сам, дескать вчера тоже тонул. При колхозе другое дело. Теперь у нас один интерес — получше да побольше сделать. Плохие дороги много сил и времени отнимали. Вот мы в колхозе прямо спасибо говорим, что удумали дороги строить. На что я старик, мне уже 66 лет, а я не хвалясь говорю, в это лето 286 куб. м земли на дорогах перекопал и еще поработаю. Видишь, какая хорошая дорога стала. Наложишь все 30 пудов, сидишь на возу, только песенки распеваешь, и лошади легко, и сбруя не рвется, и телега не ломается, и тебе весело».[1]

Женщина Поволжья на протяжении столетий являлась собственностью мужа, была предметом торговли и объектом насилия. Великая Октябрьская социалистическая революция полностью раскрепостила женщину. Колхозный строй делает женщину активнейшим борцом за новое бесклассовое общество. Женщина руководит колхозами, дает образцы стахановской работы на тракторе, комбайне, в молочно-товарной ферме. По данным земельных управлений Марийской АССР, число женщин, членов правлений колхозов, составляет 1700 человек, заведующих молочно-товарными фермами — 362 и т. д. Женщин-трактористок в Марийской АССР в 1936 г. было 362. Среди трактористок есть такие, как Чемоданова, выработавшая за 1935 г. 479 трудодней и деньгами 1137 рублей. Председателем одного из лучших колхозов Марийской АССР работает тов. Шишкина (колхоз «Победитель» Ляжмятинского района, Косолаповского сельсовета). В Марийской АССР в выборных органах советов работает до 3052 женщин.

Колхозная женщина пользуется громадным уважением за ее труд и высокие показатели в производстве.

Успехи в области промышленности и сельского хозяйства в общем росте национальных автономий Поволжья в значительной мере обусловлены успехами в области культурного строительства, как и самое культурное строительство расширялось и развертывалось благодаря хозяйственному росту этих автономий. Развитие народного образования, как и достижения в области промышленности и сельского хозяйства, настолько огромны, что невозможно в нескольких строках передать их. Сотни тысяч детей учатся в школе на родном языке. По отдельным республикам Поволжья показательны в этом отношении следующие данные: в Удмуртской АССР из общего количества детей, обучающихся в начальных, неполных средних и средних школах (116 736 человек) детей удмуртов учится 65 338. Количество школ к концу 1936 г. (декабрь) равнялось 894. Об охвате детей школой в других национальных автономиях Поволжья можно судить по количеству школ (1936 г.). Так, в Татарской АССР количество неполных средних и средних школ — 3358. В Чувашской АССР — 1033 и т. д. За годы первой пятилетки

[1] Журн. «Революция и Национальность», 1934, № 10, стр. 46—47.

осуществлен 100 % охват детей начальным образованием. Во второй пятилетке осуществляется обязательное семилетнее образование и проводится большая работа по введению всеобщего десятилетнего образования. Завершается ликвидация неграмотности среди взрослого населения.

Громадное количество техникумов, вузов, учительских институтов ежегодно выпускает сотни квалифицированных работников как в области промышленности и сельского хозяйства, так и в области культурного строительства. Одна только орденоносная Татария имеет 12 вузов, 8 научно-исследовательских институтов. Ассигнования на народное образование Татарии на 1936 г. выразились в 151 млн. рублей. О развитии политико-просветительной работы национальных автономий Поволжья можно судить по количеству клубов, домов социалистической культуры и изб-читален и красных уголков. Татария, например, насчитывает 974 колхозных клуба, 629 красных уголков, 1638 изб-читален, 149 библиотек и т. д. Каждый колхоз выписывает десятки газет. В Марийской АССР одна газета приходится на два двора, тогда как еще в 1921 г. она приходилась на 12 дворов. Деревня Черемушка Чебоксарского района (Чувашская АССР) выписывает до 200 экземпляров газет. Ежегодно почта и газета доставляются в районы на самолетах. Подписчик получает все местные газеты в день их выхода.

Ярким показателем роста культуры народов советского Поволжья, национальной по форме и социалистической по содержанию, является развитие литературы и искусства. Выросли десятки талантливых писателей, поэтов и композиторов. В национальных автономиях Поволжья помимо создания национальной литературы проводится огромная работа по переводу трудов основоположников марксизма, по переводу классической русской литературы. В одной только Марийской АССР за последние годы выпущено 2263 названия книг и брошюр общим тиражом 6 млн. экземпляров.

Рост национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов Поволжья проходил под знаком последовательного проведения ленинско-сталинской национальной политики, под знаком жестокой борьбы с великодержавным шовинизмом и буржуазным национализмом, с вредительством и контрреволюцией в различных формах. В этом отношении характерным является развитие удмуртской литературы. «На протяжении ряда лет в удмуртской литературе хозяйничали националисты-гердовцы. . . Острие „произведений“ буржуазных националистов было направлено против диктатуры пролетариата, против пролетарского города, против линии партии на индустриализацию и коллективизацию, против интернационального воспитания трудящихся крестьянских масс. Кулацкие поэты и писатели ратовали за национальную замкнутость, за сохранение и нетронутость удмуртской самобытности — навыков, обрядов, традиций. Они идеализировали натуральные формы производства, разжигали национальную рознь, натравливая удмуртские трудящиеся массы против русского пролетариата . . . И даже призывали удмуртов (кулачество) к открытой борьбе против советской власти, держа ставку на присоединение Удмуртии к финской буржуазии».[1]

В области этнографии буржуазные националисты под видом «научных изысканий» проводили ту же контрреволюционную политику, что и в литературе. Этнографическая работа проводилась буржуазными националистами под лозунгом: «Этнография всякого народа может быть точно и детально изучена лишь представителями этого народа».

Фашистские выродки — троцкистско-зиновьевско-бухаринские бандиты, пробравшиеся к руководству этнографической работой, как в центральных учреждениях Академии Наук, так и в местных научно-исследовательских институтах республик Поволжья, устраивали экспедиции, ставящие своей задачей сбор антисоветского материала явно клеветнического характера, направленного

[1] Журн. «Революция и Национальность», 1936, № 5, май, стр. 14.

против укрепления колхозов, против строительства социализма. Ожесточенную классовую борьбу в поволжской деревне эти бандиты-агенты гестапо пытались объяснить некультурностью местного населения.

О достижениях национальных автономий Поволжья в деле здравоохранения можно судить из следующих данных, отображающих успехи в этой области социалистического строительства на 1936 г.

Республики и округа	Число больниц	Количество				Примечание
		родильных домов	трахоматозных пунктов	врачей	среднего медперсонала	
Удмуртская АССР . . .	40	25	500	256	2469	Из них удмуртов: врачей—28, среднего медперсонала — 132
Татарская АССР	122	114	—[1]	1282	2689	Врачей татар — 239, средн. медперс. — 613
Чувашская АССР . . .	46	34	685	219	1604	
Мордовская АССР . . .	47	23	—[1]	148	853	
Коми-Пермяцкий нац. округ	12	19	16	29	179	Средн. медперс. коми-пермяк.—127

Врачи, работающие в колхозах, отмечают громадный культурный рост поволжской деревни. Больные трахомой охотно идут к врачу. На VI пленуме ОК ВКП(б) Чувашии приводилось множество фактов, говорящих о большой активности масс в деле борьбы с трахомой. «Хозяин сам просит осмотреть своих ребятишек, боится, что их не осмотрят. Если при посещении врача бывают гости из другой деревни, то они также просят осмотреть их глаза. Мы имеем такие случаи, когда на трахоматозный пункт приходят для проверки своих глаз: не больны ли они трахомой».[2]

Народы Поволжья в общей братской семье народов СССР успешно строят новое бесклассовое общество. От победы к победе, сметая все препятствия, стоящие на пути, народы советского Поволжья под руководством испытанной партии большевиков, под руководством великого Сталина идут уверенным шагом к коммунизму. И никакая сила не может остановить этого движения вперед, никакие фашистские псы не в состоянии помешать бурному росту культуры и благосостоянию широких масс трудящихся Советского Союза, объединившего народы в дружную братскую семью.

[1] Сведениями о количестве трахомотозных пунктов в Татарской и Мордовской АССР автор не располагает.

[2] На путях ликвидации трахомы. Мат. VI пленума Областного Комитета ВКП(б). Чебоксары, 1933.

Résumé

I. Lekomcev

La construction du socialisme chez les peuples du pays de la Volga

La grande révolution socialiste d'octobre 1917 a délivré les peuples du pays de la Volga de l'oppression politique, nationale et économique. Au sein de la famille étroitement unie des peuples de l'Union soviétique, sous la direction du parti communiste et du camarade Staline, ils édifient avec succès la nouvelle société sans classes. Dans les fermes collectivisées travaillent des centaines de tracteurs, de moissonneuses-batteuses et d'autres machines agricoles perfectionnées. On construit par centaines maisons, écoles, crêches enfantines, salles de lecture, maisons de culture socialiste. Une nouvelle culture se développe, nationale par sa forme et socialiste par son essence. Des milliers de livres et de brochures, des centaines de journaux sont publiés dans les différentes langues du pays de la Volga. L'art populaire et les théâtres sont en plein épanouissement.

Е. А. Рыдзевская

О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы

Введение

Вопрос о пережитках матриархата у древних скандинавов до сих пор очень мало исследован. В отношении германцев вообще им занимались неоднократно многие немецкие историки права — К. v. Amira,[1] A. Heusler,[2] A. Lamprecht[3] и целый ряд других; их труды относятся к 80-м и 90-м годам XIX в. На основании изучения германских «правд» (Lex Salica и др.) они единогласно говорят о наличии у германцев пережитков материнского права, постепенно вытесняемых патриархальным началом. Германским материалом пользуются также Бахофен в своих «Antiquarische Briefe» (1881—1886 гг.) и Даргун в «Mutterrecht und Raubehe» (1883 г.) в связи с общей концепцией матриархата у этих авторов как универсальной стадии развития человеческого общества, а не как явления, характерного для каких-нибудь отдельных племен. Оба они уделяют немало внимания в частности и скандинавскому материалу; его касались также и указанные выше авторы, но лишь в ограниченной мере, останавливаясь почти исключительно на соответствующих их задачам и интересам юридических памятниках.

Несколько позднее в отношении буржуазных ученых к этому вопросу наступает регресс, выражающийся в отрицании следов матриархата у германцев, а если и не в полном отрицании, поскольку действительно, как говорит A. Heusler, «keine Interpretationskunst vermag das wegzuschaffen»,[4] то в объяснении наличных фактов как наследия автохонного «доиндогерманского», «доарийского» населения Европы и как явления, по существу якобы не свойственного «индогерманцам».[5] С таким взглядом встретился, впрочем в свое время еще Даргун и опровергал его.[6] Такой взгляд на пережитки матриархата у древних германцев мы находим в соответственных сводках у O. Schrader, M. Ebert, J. Hoops в их Reallexicon'ах. Регресс этот объясняется, с одной стороны, развитием колониальной экспансии и усилением эксплоатации «низших рас» в эпоху империализма. Этому соответствует стремление буржуазных ученых отмежеваться от «низших рас» в доисторическом прошлом; расовая «теория» и шовинизм являются, как известно, идеологическим обоснованием импе-

---

[1] См. H. Paul, Grundriss der germanischen Philologie, изд. 2-е, т. III, стр. 156—165.

[2] Institutionen des deutschen Privatrechts, 1885—1886, т. II, стр. 272 сл. и 522 сл.

[3] Deutsche Geschichte, т. I, 1891 г., стр. 81 сл.

[4] Ук. соч., стр. 272.

[5] См., напр., B. Delbrück, Das Mutterrecht bei den Indogermanen. Preuss. Jahrbücher, 1895, т. XXIX, стр. 19; — H. Hirt, Die Indogermanen, т. I, стр. 43 и 205, т. II, стр. 418. 1905—1907.— S. Feist. Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen, стр. 117, 282, 329, 1913.

[6] Ук. соч., стр. 75—76.

риалистической политики колониальных захватов и эксплоатации. С другой стороны, усиление реакционных тенденций в буржуазной науке объясняется страхом перед нарастающим революционным движением, великие теоретики и практики которого рассматривали матриархат, о котором мы здесь в частности говорим, как одну из стадий в общем ходе социального развития, неизбежно и последовательно ведущем в конце концов к гибели капиталистического строя.

Вполне понятно, что в фашистских «научных» кругах отношение к проблеме матриархата, первобытного коммунизма и т. д., как стадии, пережитой когда-то и германскими племенами, носит такой характер, какого только и можно ожидать в этих кругах, где многие выработавшиеся раньше положения буржуазной науки доведены до абсурда, до исчезновения всяких следов научности, вытесненных самой беззастенчивой фальсификацией истории. Свойственное фашистской идеологии глубоко реакционное отношение к женщине и к ее участию в общественной деятельности, конечно, менее всего мирится с признанием высокого, более того — господствующего, положения ее в доклассовом обществе на определенном этапе его развития.

Такова в самых общих чертах история данного вопроса в буржуазной науке — от признания и изучения его до тенденции сделать с ним то, что по-английски называется to explain away, т. е. разъяснить его так, чтобы от него ничего не осталось.

Среди новой заграничной литературы мне известна лишь одна специальная работа на эту тему, а именно, доклад шведского ученого N. Lithberg на V Международном съезде по истории религий в Лунде в 1929 г. «Mutterrechtliche Züge in der altnordischen Götterwelt».[1] Приводя целый ряд весьма показательных фактов, N. Lithberg с самого же начала отзывается о них лишь как об интересных отдельных чертах, отнюдь якобы не доказывающих наличия в прошлом матриархального строя ни у северногерманских племен в частности, ни у германцев вообще. Таким образом он противоречит своей же собственной, высказанной им далее, вполне справедливой оценке рассматриваемых им мифологических данных как отражения общественного строя.

I. Общие замечания

Слова Ф. Энгельса в письме к К. Шмидту о том, что всю историю надо изучать сызнова,[2] вполне применимы, конечно, и к изучению истории и культуры скандинавских племен. В этой области целый ряд важнейших проблем (в буржуазной науке не затронутых вовсе или же разработанных весьма детально, но в смысле общего освещения и конечных выводов — совершенно неверно) ждет подхода к себе с точки зрения марксистско-ленинской концепции истории. Великие основоположники марксизма со своими громадными знаниями, широким научным интересом и гениальным научным чутьем не обошли, как мы знаем, своим вниманием и скандинавский Север; исследователю, специально занимающемуся этой областью, есть на чем основаться, обращаясь к сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса. Проблема пережитков матриархата у скандинавских племен принадлежит к числу тех, которых буржуазная наука если и касалась, то во всяком случае далеко не исчерпывающим образом. Настоящая работа является попыткой показать на фактическом материале, который дают все дошедшие до нас памятники древнесеверной литературы, насколько глубоко прав был Ф. Энгельс, отметивший в своем «Происхождении семьи, частной собственности и государства»

[1] Actes du V Congrès international d'histoire des religions à Lund, стр. 200—205. Лунд, 1930.

[2] Письма К. Маркса и Ф. Энгельса под ред. В. В. Адоратского, изд. 4-е, 1931 г., стр. 372 (письмо от 5 авг. 1890 г.).

следы матриархата у древних скандинавов, и внести на этом основании некоторый вклад в историю скандинавского Севера.

Как известно, Ф. Энгельс определяет матриархат как развившуюся из группового брака стадию родового строя, где счет родства ведется по женской линии, и женщина, стоя во главе коммунистического домашнего хозяйства, занимает в родовой среде не только свободное, но и весьма почетное положение,[1] не только равноправное с мужчиной, но нередко и более высокое, как говорит В. И. Ленин в своей лекции «О государстве».[2]

Следы этой первоначальной формы рода, построенной на материнском праве, Ф. Энгельс видит и у древних германцев. Он основывается на известном тексте Тацита (Germania, XX), где говорится, что у этих племен сын сестры для брата — родственник более близкий, чем собственный сын. На основании столь выдающегося значения авункулата, а также высокого положения женщины в древнегерманском обществе, Энгельс считает здесь переход от матриархата к патриархату сравнительно недавним.[3] Для нашей специальной темы особенно важно то, что Ф. Энгельс обнаруживает следы материнского рода и у скандинавов эпохи викингов,[4] по его определению стоящих, как и германцы Тацита, на высшей ступени варварства.[5] Приводимая им в доказательство строфа из Эдды, на которую с этой точки зрения не обращал внимания ни один ученый, является вполне убедительным примером, а разбор ее — прекрасным образцом интерпретации и критики текста.

Исследование по вопросу о пережитках матриархата у древних скандинавов заключается по существу в обнаружении того, что Ф. Энгельс называет «социальными ископаемыми (soziale Fossilien)».[6] Система родства подвергается, как он говорит, окостенению и прочно сохраняется по традиции, между тем как семья перерастает ее.[7] По системе родства мы можем восстанавливать прошлое палеонтологическим путем; Ф. Энгельс и сравнивает подобные изыскания с теми, которые производил в своей области научной работы знаменитый Кювье.

160055

II. Источники

Раньше чем приниматься за «социальных ископаемых», надо хотя бы в самых общих чертах напомнить о том, с каким обществом мы имеем дело, какие литературные памятники, и в какой мере, отражают в себе его жизнь.

Скандинавские племена эпохи викингов, т. е. IX—XI вв., мы застаем на переходной стадии развития от родо-племенного строя через военную демократию и то, что Маркс называл «vassalship without fiefs»[8] — к феодализму. На этой переходной ступени остатки родового строя еще сохраняются, но здесь уже выделяется знать, сосредоточивающая в своих руках большие материальные богатства и многочисленных рабов, а в ее среде выдвигаются вожди со своей дружиной, уже отдифференцировавшиеся от основной массы племени. Внутри общества, в условиях социальной борьбы, слагается феодальный уклад, но он пока еще не является господствующим. Поступательное движение феодализации — процесс весьма длительный и сложный, начавшийся вероятно еще до так называемой эпохи викингов и завершающийся не ранее XII—XIII вв. Буржуазная наука, так много занимавшаяся походами викингов, до сих пор не дала им в сущности удовлетво-

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 47, 52 и 53. Партиздат, М., 1934.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 366, изд. 3-е, Партиздат, М., 1932.
[3] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 67, 122 и 123.
[4] Ук. соч., стр. 122.
[5] Ук. соч., стр. 35.
[6] Ук. соч., стр. 39.
[7] Ук. соч. стр. 38—39.
[8] Secret diplomatic history of the XVIII century, стр. 76. Лондон, 189[illegible]

рительного объяснения. Походы эти обусловлены, конечно, не одними географическими условиями, способствовавшими развитию мореходства, не перенаселенностью и не той якобы «присущей» северногерманским племенам предприимчивостью и жаждой далеких походов и приключений, о которой часто говорят буржуазные ученые, а прежде всего — глубоким сдвигом внутри скандинавского общества.

Эпоха эта отразилась в богатой литературе исландских саг со вставленными в них песнями скальдов. Содержание саг, впрочем, выходит за пределы этого времени и охватывает XII и XIII вв. По имеющимся сведениям, запись саг началась еще в XII в. Временем расцвета этой замечательной литературы является XIII в. Для нас важнее всего саги исторического и бытового характера.[1] Ценны также и полуисторические саги, эпические, во многом близкие к песням Эдды, со своей стороны имеющим для нашей темы большое значение. За ними следуют сказочные саги, получившие литературное оформление по большей части довольно поздно. С поэтической Эддой тесно связана и прозаическая, так называемая Snorra Edda, представляющая собою своего рода ученую энциклопедию и руководство по древнесеверной мифологии, эпосу и поэтике. На исторических, легендарных и мифологических преданиях скандинавского Севера основаны и «Gesta Danorum» Саксона Грамматика (нач. XIII в.),[2] и, наконец, одним из источников являются также и юридические памятники — скандинавские областные «правды», дошедшие до нас в списках XIII в. (отчасти еще и XII в.).

Особое место среди письменных источников занимают рунические надписи эпохи викингов, которые при всей своей лаконичности дают весьма ценный материал, если и не прямым образом по пережиткам матриархата, то по положению женщины в это время. На это уже обратили внимание буржуазные ученые.[3] Та оценка свидетельств этих надписей, какую можно дать с точки зрения настоящей темы, зависит от того, считать ли высокое положение женщины, свойственное эпохе викингов, создавшимся только в эту эпоху или имеющим свои корни в далеком матриархальном прошлом. Что условия эпохи викингов были благоприятны для социального и экономического положения женщины — совершенно верно: долгое отсутствие мужа, частые случаи гибели его в далеких походах и тому подобные обстоятельства, на которые указывают буржуазные ученые,[4] действительно выдвигали роль женщины в семье. Но полагаю, что они все-таки не создали ее самостоятельность и уважение к ней как нечто совершенно новое, а что в них нашли поддержку и возможность развития обычаи и воззрения, уже действовавшие в жизни северногерманских племен и восходящие по существу к матриархату доклассового общества. Если стать на эту точку зрения, то мы приходим к интересному, исторически вполне возможному, внутреннему противоречию: с одной стороны, эпоха викингов сама является результатом разложения родового строя и способствует дальнейшему ходу этого процесса, а с другой — она же создает условия, содействующие живучести пережитков древнейшей формы рода вообще, т. е. материнского.[5]

---

[1] Должна оговориться, что обозначение «историческая сага», принято мною здесь в несколько более широком смысле, чем, строго говоря, допускает критика текста: мною использованы частично и саги, имеющие как исторический источник значение второстепенное, но дающие тем не менее такие сведения о быте описываемого ими общества, которые нет основания считать недостоверными.

[2] Цитирую здесь этого автора по изд. A. Holder, Страсбург, 1886 г.

[3] См., напр., A. Bugge, Vikingerne, т. I, 1907 г., стр. 70.

[4] Сошлюсь, хотя бы, на того же A. Bugge, ук. соч., т. I, стр. 63 сл.

[5] Вопрос о положении скандинавской женщины до эпохи викингов исследован очень мало. Поскольку он не входит в задачу настоящей работы, ограничусь лишь следующими замечаниями. Обычно этот вопрос рассматривают лишь в пределах эпохи викингов, так же как и многие другие проблемы того времени; было бы, может быть, полезнее смотреть на эту столь выдающуюся в истории эпоху не как на начало чего-то совершенно нового, а как на продолжение и усиленное развитие процесса, уже начавшегося раньше. По сравнению с литерату-

Говоря об источниках, надо учитывать неравномерное распределение их по отдельным скандинавским странам. Наличие литературы саг выдвигает на первый план Исландию, ее социально-экономический строй, ее быт, ее историю. За нею следует Норвегия, западные острова (Оркнейские и Ферёрские), Дания и Швеция, о которых саги хотя и повествуют, но в значительно меньшей мере, чем о собственной родине. Устные саги существовали несомненно во всех скандинавских странах, но письменное литературное оформление и обработку они получили только в Исландии и в руках исландских авторов. То, что зафиксировал Саксон в своих «Gesta Danorum», по существу, несомненно, те же саги, но на латинском языке и в переработке автора, проникнутого традициями книжной учености.

Настоящая работа ограничивается указанными здесь первоисточниками, но как бы они ни были многочисленны и разносторонни, ими еще не исчерпывается все, что можно использовать. Остаются еще материалы, как уже было сказано, археологические, а также этнографические и фольклорные, чрезвычайно важные для всех скандинавских стран, а в особенности для тех, у которых не было своей письменной литературы саг, и о которых в исландских текстах говорится слишком мало для того, чтобы можно было судить об интересующем нас вопросе. Пользуясь этнографическим и фольклорным материалом, мы можем рассчитывать на получение таких данных, которые окажутся древнее того, что мы находим в сагах.

III. Исландские саги

Исландские саги исторического типа представляют собою повествования биографического и в значительной мере генеалогического содержания; поскольку дело идет о самой Исландии, они связаны с определенными районами этой страны, в зависимости от того, где живет центральная фигура или целая группа лиц, объединенных родственными и территориальными связями.[1]

Первое, что обращает на себя внимание исследователя, подходящего к ним с точки зрения настоящей темы, это их определенный социальный характер. Нельзя сказать, чтобы они, выдвигая на первый план высший и средний слой свободного населения, совершенно игнорировали мелких бондов и многочисленные категории людей полузависимых и зависимых, кончая рабами; они дают много интересных сведений и о них, вообще — рисуют достаточно полную и отчетливую картину социально-экономического строя; но генеалогия и разные подробности родственных отношений — а это именно и нужно нам от них в данном случае — являются в этих текстах привилегией знатных, зажиточных и влиятельных людей, в среде которых хранились и передавались семейные и местные предания, касающиеся истории многих поколений и изложенные письменно в дошедших до нас сагах.[2] Еще бóльшим преобладанием интереса к верхним слоям общества отличаются саги, повествующие о Норвегии, точнее — о норвежских

рой исторических саг, письменные источники для эпохи, предшествовавшей IX—XI вв., весьма скудны и мало удовлетворительны, а потому здесь еще более необходима работа историка-археолога. Для исследования родового и семейного быта и, в частности, положения в нем женщины, чрезвычайно важно изучение погребений, остатков жилищ и т. д., для чего скандинавскими археологами уже добыто множество интересного материала.

[1] Генеалогические и биографические предания подобные тем, которые являются основой исландской родовой саги, известны в устной передаче и у других племен, напр. по наблюдениям шведского ориенталиста J. Kolmodin'a — у абиссинцев (см. K. Liestøl «Uphavet til den islendske aettesaga», стр. 8 и 198. Осло, 1929 г.); это — зародыш столь пышно расцветшей в Исландии родовой саги. Судя по данным Kolmodin'a, абиссинские генеалогические предания по числу охватываемых ими поколений и по точности передачи могут поспорить с исландскими сагами.

[2] Изредка встречаются генеалогические сведения о вольноотпущенных, но лишь очень краткие и не показательные.

конунгах, начиная с легендарных времен и кончая XIII в. По замечанию современного норвежского историка H. Koht'a, читая их можно подумать, что в стране только и жили одни вожди.[1] Это, по правде сказать, несколько преувеличено, так как эти саги хотя и говорят преимущественно о политических событиях и о принимавших в них участие конунгах и вождях, но дают вместе с тем и очень ценные сведения иного характера, напр. о рабском труде в Норвегии в XI в. Взаимоотношения между верхушкой и широкими массами, борьба между ними в процессе феодализации общества, роль народных масс в политической жизни страны, их экономическое положение — все это так или иначе нашло свое отражение в текстах так наз. Konungasǫgur, т. е. саг о конунгах. Семейный строй отражен в них более слабо, чем в сагах об исландцах.

Общественный строй Исландии в эпоху викингов, несмотря на быстрый рост экономической и политической мощи отдельных знатных семейств, еще сохранял черты родового строя и военной демократии прежних времен; в XII—XIII вв. мы видим уже полное господство немногих аристократических родов, в среде которых происходят непрерывные раздоры, главным образом, из-за земельных владений, приводящие в конце концов к падению независимости Исландии и присоединению ее к Норвегии (1264 г.). Не они одни, конечно, были причиной этого перелома в истории Исландии: он был подготовлен условиями экономическими, на основе которых и сложилась соответственная политическая ситуация. С падением независимости Исландии кончается и литература саг; лишь очень немногие исландские памятники повествовательного характера заходят по своему содержанию в XIV в.

IV. Род и семья в эпоху викингов

О положении женщины в обществе, описываемом в сагах, уже было сказано выше, как о высоком и почетном. Что же представляют собою прежде всего род и семья в этом обществе?

Род, находящийся уже в состоянии разложения, распадается здесь на отдельные семьи типа «большой семьи», на ряду с которыми выделяются и малые. Родственные связи переплетаются с территориальными, соседскими. В пределах одного и того же рода уже наблюдается значительное экономическое неравенство. Структура общества этого переходного времени уже достаточно осложнена: саги показывают нам рост и эволюцию весьма разнообразных форм экономической и личной зависимости, постепенное обезземеление непосредственного производителя, а также процесс возникновения новой имущественной знати, на ряду со старой родовой, опиравшейся на местные традиции, поддерживавшие ее руководящую роль.

Род и семья эпохи викингов носят бесспорно патриархальный характер. Соответственно этому выдача дочери замуж зависит не от ее личного выбора, а от усмотрения отца, брата и других родичей, для которых решающими являются соображения знатности, богатства и выгодных для них связей, устанавливаемых между двумя семьями путем брака. Замужество девушки по собственному выбору в исторических сагах — дело сравнительно необычное,[2] в противоположность легендарным преданиям, где отец или брат часто предоставляет дочери или сестре полную свободу в вопросе о браке. В этом, повидимому, отражается более старый семейный уклад, чем тот, который знала эпоха викингов. Саксон Грамматик, у которого среди его легендарных героинь таких примеров немало, говорит, что в древности девушкам предоставлялся свободный выбор жениха (Saxo, V, p. 124). К эпохе викингов это во всяком случае не совсем подходит. В сагах опекуны

[1] Les luttes des paysans en Norvège, стр. 20, 1929 г.; ссылаюсь на имеющийся в Библиотеке Академии Наук французский перевод книги этого автора.

[2] Напр., Høn-þórr., стр. 23 сл.

правда, советуются с невестой; ее не продают, как вещь; выдача девушки замуж по принуждению — явление сравнительно очень редкое, особо отмечаемое в сагах. В общем до замужества девушка остается в сагах более или менее на втором плане; ее меньше видно и слышно, чем замужнюю женщину.

На ряду с такой зависимостью в вопросе о браке мы видим и черты экономической самостоятельности женщины. Будучи единственным ребенком у своих родителей, она пользуется таким же правом наследования, как и сын. Далее, приданое, которым обязан снабдить ее глава ее родной семьи при замужестве, так наз. «heimanfylgja» (буквально «то, что следует за нею из дому»), заключающееся как в движимом, так и недвижимом имуществе, она вносит в хозяйство мужа на правах товарищества, «félag», «helmingarfélag»[1] и получает его обратно в случае вдовства или развода. Последний устраивался в Исландии одинаково легко по инициативе как жены, так и мужа. Ей же принадлежит на тех же правах, как и приданое, «mundr», т. е. выкуп, вносимый при браке женихом за невесту. В пределах дома она — полная хозяйка, и саги с удовлетворением отмечают энергию и распорядительность той или иной исландки в этой области. Но влияние и значение женщины не ограничивалось домашним хозяйством и семейным бытом. Даже такое, казалось бы, домашнее дело, как гостеприимство, не сводилось в ее руках к радушному приему, хорошему угощению и т. п. Она принимает участие в делах людей, посещающих дом мужа, нередко покровительствует лицам, к которым он не расположен, и добивается его содействия им, или по крайней мере — устранения препятствий с его стороны. Среди чрезвычайно частых в Исландии распрей между отдельными вождями, вокруг которых группируются их родичи, соседи и друзья, вопрос о сторонничестве и покровительстве был, конечно, весьма важным. И здесь, как и в повседневных бытовых делах, с женщиной считаются и советуются не только в ее семье, начиная с мужа, но и в более широком кругу родичей и друзей. Саги дают весьма четкие и обстоятельные характеристики женщин (иной раз и резко отрицательные) и с похвалой отмечают уважение, которым пользуется какая-нибудь Торгерд или Асхильд не только в своей семье, но и во всем округе. Общественное значение, в частности, гостеприимства, о котором здесь только что было сказано, особенно заметно в эпоху заселения Исландии (IX—X вв.): к этому времени относится предание о Гейррид, поселившейся в Боргардале (зап. Исландия) и прославившейся тем, что в доме, который она построила себе на проезжей дороге, каждый путник всегда мог получить еду.[2]

Участие женщины в общественных делах формально является лишь косвенным, неофициальным. Когда Grett., LII, 14, говорит, что умная и энергичная Торбьорг из Ватнсфьорда (сев.-зап. Исландия) в отсутствие мужа правила всем округом и решала все дела, то, конечно, это осуществлялось, так сказать, явочным порядком, в силу ее личного авторитета и доверия к ней как мужа, так и жителей округа, а не в силу ее официальной роли, каковая женщине принадлежать не могла (20-е годы XI в.). По закону 994 г. (Eyrb. XXXVIII, 1 сл.) женщина лишалась права быть истцом в делах об убийстве, что подтверждается и дошедшим до нас сводом исландских законов, так наз. Grágás. Тем не менее, в этих делах, будь то непосредственная месть за убитого или судебный процесс, влияние женщины в среде родичей очень часто сказывается весьма заметным образом, причем иногда она выступает в роли посредницы и примирительницы, а иногда настойчиво побуждает своих близких к мести.

Особой самостоятельностью отличается в сагах женщина-вдова, прежде всего — в вопросе о втором браке, а иной раз даже третьем и четвертом. В этом отношении она фактически (в меньшей мере юридически) более свободна, чем

---

[1] От «helmingr», половина. Этими же терминами обозначаются и объединения среди мужчин для морских походов и торговли.

[2] Eyrb. VIII, 2. Landn. стр. 81, говорит то же самое о другой женщине из этого же района Исландии, Торе из Лангахольта.

девушка, более независима в отношении своих опекунов. Вдова, которая совершенно самостоятельно ведет свое хозяйство (или выбирает себе помощника по своему усмотрению) и обладает большим авторитетом в отношении своих уже взрослых детей — весьма видная и обычная фигура в сагах.

Обращаясь ко времени заселения Исландии, оставляю пока в стороне наиболее знаменитую женщину этого времени, Ауд (или Унн, как ее называет Laxd.) Мудрую,[1] которая выступает перед нами как родоначальница, как предок целого рода. Речь о ней будет впереди. Это — наиболее выдающаяся, но не единственная landnámskona, т. е. женщина, занимающая землю. Landn. знает таковых несколько, главным образом, вдов с детьми, переселившихся в Исландию, занявших участок земли наравне с мужчинами и не менее самостоятельно распоряжавшихся в своих владениях. Турид sundafyllir,[2] поселившись со своим сыном в Болунгарвике (сев.-зап. Исландия), устроила близ своего берега рыбную ловлю,[3] за пользование которой взимала с окрестных бондов натуральный побор скотом (Landn., стр. 147). В одном списке Landn. (стр. 264, прим. 7) приведен закон, согласно которому женщина имела право занять себе столько земли, сколько обойдет в течение весеннего дня между восходом и заходом солнца, ведя с собою при этом двухлетнюю телку.

В Норвегии интересна, между прочим, одна руническая надпись эпохи викингов, по датировке некоторых исследователей — середины XI в.: «Гунвор устроила мост, Трирека дочь, в память Асрид, дочери своей; она была искуснейшей (в рукоделии) девушкой в Хадаланде».[4] Гунвор, повидимому, вдова, и притом женщина богатая; у нее есть средства не только для того, чтобы поставить рунический камень в память дочери, прославившейся в качестве выдающейся рукодельницы, но и для того, чтобы устроить в ее же память сооружение, имеющее большое общественное значение. Как мы видим из других скандинавских рунических надписей и вещественных памятников, термин brú (мост) обозначает не только мост в обычном смысле, перекинутый через реку, поток и т. п., но и дорогу, сооруженную из камней и проложенную по трудно проходимым болотистым местам (ср. русск. гать). Надпись из Dynna — одна из тех, где мы видим, что подобный мост сооружает не сельская община, а уже выделившийся экономически в ее среде землевладелец, располагающий достаточными материальными средствами и рабочей силой. В данном случае — это женщина, которая, очевидно, держит в своих руках крупное хозяйство.

В сагах, касающихся Норвегии, Швеции и Дании, мы наблюдаем участие в политической жизни женщин из верхних слоев общества — жен, матерей и сестер конунгов и крупных вождей. Резко отрицательным оно является, напр., в лице знаменитой Гуннхильд konungamóðir (т. е. «мать конунгов»),[5] жены норвежского конунга Эйрика Кровавая секира, достигшей большого влияния после того, как она осталась вдовой с несколькими сыновьями (2-я пол. X в.). Саги исторического и бытового типа не идеализируют и не поэтизируют своих героев и героинь, даже при известной тенденции в смысле антипатии или симпатии к ним, а рисуют их со свойственным им трезвым реализмом и умением очерчивать характеристики не только путем перечисления свойств данной личности, но и показа ее на деле в общем ходе повествования.

---

[1] Djúpúðga, буквально «глубоко мудрая».

[2] «Та, которая наполняет проливы» — прозвище, данное ей на родине в сев. Норвегии, где она, по преданию, однажды во время голода вызвала посредством колдовства обилие рыбы.

[3] На месте, сохранившем это значение еще в XIX в. (см. K. Kålund, Hist.-topogr. beskrivelse af Island, т. I, стр. 584. Копенг., 1877).

[4] D. A. Seip. Norsk språkhistorie, стр. 50, 1931; надпись найдена в Dynna, в Хаделанде (средн. Норвегия).

[5] Ср. «jarlamóðir», мать ярлов — прозвище знатной норвежки XI в., матери двух оркнейских ярлов, и «drengjamóðir», мать героев, витязей, как называется в Эдде легендарная Тора, мать многочисленных сыновей (Hyndl. 18).

За пределами эпохи викингов, в условиях феодального общества, мы встречаем тот же тип энергичной женщины, самостоятельной как в экономическом отношении, так и в своей личной жизни, и деятельно принимающей участие в политике своего времени наравне, или почти наравне, с мужчиной. Такова, напр., в XII в. Кристина, дочь норвежского конунга Сигурда jórsalafari, по матери — правнучка Владимира Мономаха;[1] ее современница Рагнхильд, которая держит себя, по словам Msk., стр. 227 сл., как знатный феодал (lendr maðr) и владеет большим кораблем боевого типа (langskip), и с которой считается сам конунг; далее — целый ряд других женщин, менее заметных, но того же типа. «Opt er karlmanns hugur í konu brjósti (у женщины часто бывает мужская душа)» — гласит исландская пословица, записанная в XVII в.,[2] и надо думать, что она относится не только к представительницам более или менее привилегированных слоев общества. Нет основания сомневаться в том, что в среде тех независимых и умевших крепко постоять за свою независимость бондов, которых мы видим в Норвегии в упорной борьбе с конунгами и с феодальной знатью, женщина отличалась такой же энергией и пользовалась таким же уважением, как и среди тех слоев населения, которые выдвинуты на первый план в сагах.

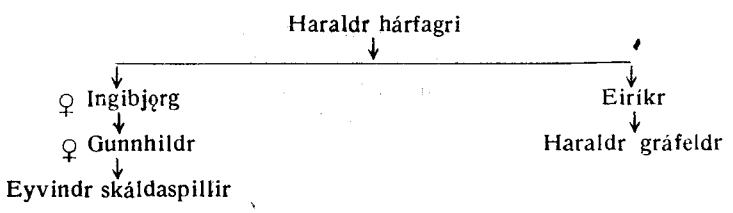
V. Следы материнского рода. Метронимические обозначения

Переходя к рассмотрению того материала, который дают нам саги, и к отысканию среди него пережитков матриархата, напомню еще раз, что мы имеем перед собою условия семьи и рода патриархального характера. Этому соответствует, напр., такой внешний признак, как то, что ни одна сага из числа тех, которые озаглавлены по личному имени, не называется по имени женщины.[3] Ни один род, если его название происходит также от личного имени (а не от местного названия, что встречается чаще), не ведет свое название от женского имени. На ряду с этим мы видим на примере уже упомянутой выше (стр. 61) Ауд Мудрой, что выдающаяся женщина заслоняет своих предшественников в родовых преданиях и в дальнейшем о потомках говорится как о происходящих от нее. В генеалогических записях, являющихся, как уже было сказано, в значительной мере тем остовом, на котором построена сага, родство по женской линии равноправно с родством по мужской. Даже если какая-нибудь женщина ничем не замечательна сама, она отмечается как предок «многих славных мужей».[4]

Как пример подчеркнутого сагой родства по женской линии приведу происхождение норвежского вождя X в. Аринбьорна от полулегендарного скальда Браги (Eg. LIX, 48).[5]

Bragi → ♀ Astríðr → ♀ Arnþrúðr → Arinbjǫrn

Также «большое (т. е. близкое) родство», fraendsemi mikill, между скальдом X в. Эйвиндом skáldaspillir и конунгом Харальдом gráfeldr (Hkr. I, стр. 225).

[1] Hkr. III, стр. 391 сл.

[2] Gudmundi Olaui thesaurus adagiorum, № 2532, изд. G. Kallstenius, Лунд, 1930.

[3] Исключением является Hervarar Saga ok Heiðreks konungs — эпическая сага о воительнице Хервор и ее сыне Хейдреке.

[4] Обычно это какие-нибудь позднейшие знаменитости, в зависимости от времени, к которому относится редакция данной саги или тот список ее, который мы имеем перед собой.

[5] Женские имена отмечаю знаком ♀.

Генеалогиям жен и потомству дочерей действующих лиц в сагах уделено не меньше внимания, чем их собственным и их сыновей.

Говоря об историческом предании, нельзя не упомянуть о роли, принадлежащей женщине в деле его устной передачи. Авторы саг часто ссылаются на сведения, полученные от той или иной «мудрой и знающей» женщины. Характерен в этом отношении рассказ саги об исландском епископе Торлаке, который в юности, на ряду с усвоением церковной книжной науки, учился у своей матери, передававшей ему родовые предания, генеалогические сведения и т. п. (Bisk., т. I, стр. 91, 2-я пол. XII в.). В древнесеверной литературе известно также несколько представительниц самостоятельного литературного творчества, женщин-скальдов.

В генеалогиях, между прочим, обращает на себя внимание в отношении внутриродовых и междуродовых связей почти полное отсутствие браков в близких степенях родства. За счет церковного влияния это отнести нельзя, так как саги старшей (по своему содержанию) группы описывают языческое время или переходное к христианству. Протест церкви против родственных браков мы встречаем позднее, в сагах и законах XII—XIII вв. Два примера кузенного брака в первой половине XI в., в роду датских и шведских конунгов с одной стороны, и породнившегося с ними знатного севернонорвежского рода ярлов из Хладир — с другой, относятся уже к христианскому времени. О запретах на почве языческих верований саги не говорят. Этот вопрос просто не возникает, между тем как те или иные отношения по браку играют вообще значительную роль в сагах, часто определяя собою дружбу или вражду между действующими в них лицами, точнее — между родственными и соседскими группами, к которым эти лица принадлежат.

То, что было сказано только что о родстве по женской линии и о значении женщины как носительницы исторического предания, конечно, еще нельзя объяснить прямым образом как следы матриархата. Это во всяком случае интересные и показательные данные относительно положения женщины в древнескандинавском обществе.

Непосредственно вводит нас в область разыскиваемых нами пережитков такое явление, как метронимические обозначения, напр., Þorsteinn Þóruson, т. е. Торстейн сын Торы.[1] Иногда целая группа сыновей обозначается по имени матери: напр. сыновья уже упомянутой здесь (стр. 68) Гунхильд — Gunnhildarsynir, сыновья исландки X в. Дроплауг — Droplaugarsynir, сага о которых так и называется Droplaugarsona Saga, и др.

K. Weinhold в своей книге «Altnordisches Leben», вышедшей в 1856 г., считал, что это наблюдается лишь в виде исключения, а именно — в случае ранней смерти отца (стр. 278). При тщательном просмотре всей древнесеверной литературы таких «исключений» набралось по моему подсчету не менее ста,[2] начиная со скандинавских богов в Эдде (Þórr Fjǫrgynjar burr, Loki Laufeyjar sonr) и кончая теми обыкновенными смертными норвежцами, которых одна грамота 70-х годов XIII в. называет Guthormr Gyduson, Rafn Disarson и т. д. В пределах исторических времен эти данные распределяются довольно равномерно между эпохой викингов и XII—XIII вв. Их почти нет в сагах сказочного типа, в которых интерес к семейным и родственным отношениям вообще значительно слабее, чем в исторических; все это изображено гораздо схематичнее, условнее, и вся суть повествования сводится к развитию фабулы, описанию приключений героев и т. д.

Что сын очень часто назывался по имени матери, а не отца, в связи с ранней смертью этого последнего и значением вдовы, как главы семьи, подтверждается

[1] На это обратил внимание Даргун, как на пережиток материнского рода (ук. соч., стр. 58).

[2] Отношу сюда же и сравнительно редкое обозначение не по имени матери, а по ее прозвищу.

самими текстами саг, дающими такое объяснение. Тем не менее, полагаю, что, несмотря на соответствие между ним и наличными фактами, корни рассматриваемого нами явления не только в этом.

Интересно отметить, что оно ограничивается почти исключительно сыновьями: Helga Gyðudóttir (Sturl. I, стр. 200, кон. XII в.) — чуть ли не единственный пример обозначения дочери по имени матери.

Как небольшая группа ближайших друг к другу родичей, намечающаяся в рамках семьи и проявляющая себя по тому или иному поводу, мать (особенно — мать-вдова) и сын играют в сагах не менее видную роль, чем отец и сын, двое или несколько братьев и т. д. Иногда сын получает после смерти отца обозначение по имени матери, уже будучи в это время взрослым и самостоятельным (напр. Sveinn Ásleifarson, Orkn. стр. 112, XII в.). Если оно дается ему при жизни отца, то обычно в тех случаях, когда мать — женщина чем-нибудь выдающаяся, будь то по личным свойствам или по знатности происхождения и т. п. Иногда муж и отец не упоминается вовсе, сын называется по своей матери и для него в ходе рассказа имеют значение лишь ее родичи, как в Gis. V, 7 (здесь, впрочем, без метронимического обозначения) и в Eyrb. XVII, 1 (см. прим. изд.) и XXIV, 2. Этим опровергается утверждение F. Boden'a, будто таких примеров в исторических источниках не встречается.[1] В Эдде, в поэме Hyndluljóð, содержание которой составляют, главным образом, генеалогии легендарных норвежских вождей, есть случаи, когда названа только мать: напр., по строфе 31, Хаки — лучший из сыновей Хведны, дочери Хьорварда, о муже которой не упоминается. Бывает, что по имени матери называется внебрачный сын, но далеко не всегда. Если он не признан отцом, то, естественно, он примыкает к родичам матери, но обычно — и в этом, конечно, уже сказывается влияние патриархального строя — и мать, и он сам, добиваются признания его отцом и наделения его отцовским имуществом, если это не налаживается, как во многих случаях, само собой. В области внебрачного материнства мы, таким образом, напрасно стали бы искать ярко выраженных следов матриархата.[2]

На ряду с указанными выше случаями метронимического обозначения, в целом ряде других никаких сведений о родителях нет, особенно в сагах, касающихся Дании и Норвегии XII—XIII вв., где вообще не имеется столь подробных генеалогических данных, как в исландских родовых сагах.

Для положения вдовы как заместительницы мужа в качестве главы семьи, показательным является такой факт, как перемена названия усадьбы, принадлежащей данной семье. Так, мы видим в Исландии во второй половине XIII в., что после смерти хозяина усадьба стала называться по имени его вдовы Вильборг — Вильборгарстадир.[3] Местные названия, производные от женских имен, вообще довольно распространены, в особенности в Исландии, для которой мы вообще имеем в сагах наиболее обширный топонимический материал (напр., Geirhildarvatn, Þorunnarey, Aesustaðir, Helgufell). Они указывают в большинстве случаев на женщину (дополнительно к тому, что мы уже знаем из саг) как на самостоятельную владелицу земли и дома.

---

[1] Mutterrecht und Ehe im altnordischen Recht, стр. 34. Берлин, 1904.

[2] Между прочим, говоря о внебрачных связях, будь то с девушкой или с чужой женой, следует отметить характерную для положения женщины черту, на которую уже указывали исследователи (напр., Boden, ук. соч., стр. 69—70). При большой строгости к мужчине со стороны опекунов женщины (месть, судебное преследование и т. д.), в отношении ее самой мы видим полное отсутствие притеснений. На эти связи далеко не смотрели сквозь пальцы, но вместе с тем суровый отец, мечущий громы и молнии против «потерявшей себя» дочери, муж, обрушивающий свой гнев на неверную жену, и т. п. — фигуры, совершенно чуждые как эпохе викингов, так и отличающейся несравненно большей свободой половых отношений так наз. в истории Исландии эпохи Стурлунгов. Эта эпоха охватывает XII и XIII вв. и называется так по имени одного из наиболее могущественных исландских знатных родов, к которому принадлежал и знаменитый историк Снорри, сын Стурлы, автор «Heimskringla» (ок. 1178 г. — 1241 г.).

[3] Bisk., т. I, стр. 703.

В условиях той патриархальной семьи, которую мы видим в эпоху викингов, мать — на стороне сына, или наоборот, сын — на стороне матери, в противоположность мужу и отцу — нередкая в сагах семейная ситуация, первый вариант которой уже отметил во многих сагах W. H. Vogt.[1] Как на пример второго, сошлюсь на Eyrb. (см. далее, стр. 68, Тордис и ее сын Снорри) и добавлю интересный эпизод из Ljósv., стр. 62 сл.: Гудмунд, один из крупнейших вождей в северной Исландии в начале XI в., преследует своих врагов и намеревается сжечь их вместе с их домом.[2] Главный враг Гудмунда в этом эпизоде — брат мужа двоюродной сестры его жены. Она гостит в это время у своих родичей с сыном и не хочет покинуть свою двоюродную сестру, а эта последняя — своего мужа. Сын Гудмунда при этом грозит отцу стать его злейшим врагом, если он погубит мать. Преследование Ореста эринниями в греческой мифологии является в идеологическом отношении мотивом, близким к этому месту Ljósv.; идеология сына Гудмунда по существу соответствует той стадии родового строя, которая у Софокла представлена эринниями.

Близость матери к сыну, ее авторитет, уважение и привязанность к ней — все это засвидетельствовано в древнесеверной литературе во множестве примеров. Так, в Grett. XVII, 6, герой этой саги Греттир, который не ладил со своим отцом Асмундом, а с матерью, наоборот, был в самых лучших отношениях, ссылается на характерную в этом смысле пословицу, orðkviðr: «bǫzt er barne mó|er (для ребенка наилучшее — его мать)». С точки зрения отношений между матерью и сыном характерна еще одна разновидность этой же складывающейся внутри семьи маленькой группы. В сказочных сагах весьма распространен тип колдуньи или великанши с сыном (иногда — с воспитанником), которому она покровительствует и оказывает всяческую помощь. Колдунья, вещая женщина и т. п., и вместе с нею ее сын — образ, не ограниченный сказочными сагами; он весьма распространен как бытовое явление и в текстах исторического характера, где всякий вообще сверхестественный элемент далеко не исключен. H. Dehmer отмечает, что такие женщины — обычно вдовы, а может быть — матери внебрачных сыновей, лишенных родовых отношений по отцу и поэтому особенно тесно связанных с матерью.[3] Последнее, как мы видим, наблюдается в Скандинавии отнюдь не всегда (см. выше, стр. 25). В такой «mythisches Paar von Mutter und Sohn», как их называет Dehmer, скорее можно видеть одно из отражений родовой же связи, но более древней, чем отцовский род.

В новой западноевропейской литературе имеется специальное исследование, посвященное семье и роду в древней Исландии, а именно O. Klose «Die Familienverhältnisse auf Island vor der Bekehrung zum Christentum auf Grund der Islendinga Sǫgur» (Гамбург, 1929 г.). Автор пользуется тем же материалом саг, который вошел и в настоящую работу, с той разницей, что он, как показывает заглавие, ограничивается временем до христианизации Исландии, т. е. до XI в. Не ставя перед собою здесь задачу той критики этого исследования в его общем объеме, какой оно требует, отмечу пока лишь следующее.

Излагая и группируя фактический материал в двух основных разделах, касающихся рода и семьи, автор совершенно игнорирует значение пережитков материнского рода. Так, в рассмотренной нами только что маленькой группе «мать и сын», имеющейся и у него (стр. 97 сл.), ни одним словом не упомянуты столь характерные метронимические обозначения, которые мы рассматривали выше. Отсутствует у него также и родственная группа «дядя-брат матери и племянник», о которой мы будем говорить в следующей главе, посвященной авункулату. Интересно, что, как мы уже видели выше (стр. 24) и увидим в главе об авункулате (стр. 32), и этот последний, и метронимические обозначения были по

[1] См. его примечание к Vatnsd., VII, 12.
[2] Brenna inni, т. е. сжечь внутри (дома) — весьма обычный в сагах способ расправы.
[3] Primitives Erzählungsgut in den Islendinga Sǫgur, стр. 101—102, Лейпциг, 1927.

крайней мере отмечены и получили какое-то объяснение и оценку у Weinhold'a, написавшего свою «Altnordisches Leben» за 73 года до появления в печати работы Klose. То обстоятельство, что Klose об этих явлениях умалчивает, конечно, не случайно, а отражает его общую историческую концепцию.

VI. Авункулат

С целью выяснения той системы родства, которая имеет в сагах конкретное значение для действующих лиц, определяет их поступки, линию поведения, их симпатии и антипатии, пришлось в каждой саге (а число их насчитывается десятками), в каждом отдельном, иной раз — мелком и незаметном, эпизоде, при каждом неопределенном обозначении fraendi — родич, náfraendi — близкий родич, и т. п., по возможности выяснять, в чем тут дело, что это за родство. При этом я пользовалась сопоставлением сведений из двух-трех, а иногда и более, источников и вариантов, где упоминаются эти лица или их предки. Такие изыскания потребовали, конечно, составления множества генеалогических таблиц.[1] Много затруднений причиняло при этом подавляющее многолюдство в сагах: по подсчету Liestøl[2] действующих лиц в них бывает от трех десятков до трех тысяч.[3]

На этой громадной, чрезвычайно кропотливой и мелочной работе как нельзя более оправдалось приведенное мною выше положение Ф. Энгельса относительно архаичности и устойчивости системы родства по сравнению с развитием семьи. В условиях установившегося патриархального строя перед нами совершенно ясно выступает как субстрат, притом еще сохраняющий актуальное значение в жизни общества, система родства, основанная на материнском роде.

Приступая к систематизации тех данных, которые можно рассматривать как пережитки матриархата, надо сказать, что из них ни один не выражен так ярко и в таком множестве примеров, как авункулат.

Значение брата матери, которое Ф. Энгельс считал столь показательным для германцев Тацита, было отмечено для скандинавов Даргуном,[4] располагавшим, правда, сравнительно очень скудным, большею частью неудачно подобранным и неисправным материалом из саг.[5]

Начнем со значения брата для самой сестры. Вводя в рассказ или в генеалогический обзор ту или иную женщину, саги постоянно указывают, на ряду с ее родителями, и ее брата (напр., Асгерд, дочь Асмунда и Торхильд, сестра Эйнара), даже если ни она сама, ни ее брат ничем особенным не выдаются. Кровная близость с братом — весьма важный фактор в жизни женщины эпохи саг. К нему она обращается в разных трудных случаях и со своей стороны деятельно помогает ему, к нему нередко возвращается после смерти мужа или развода с ним.

Интересно, что в легендарных преданиях, передаваемых Саксоном Грамматиком, выступает иногда, наоборот, сестра, враждующая с братом, и не только на почве неприязни между ним и ее мужем. Если она становится на сторону последнего, то в этом лишь отражается сравнительно поздняя стадия семейного строя, когда брачная связь с мужем берет верх над кровной связью с родичами. Я имею в виду соперничество сестры с братом за власть без всякого отношения к мужу или жениху: Asmundus и его старшая сестра (Saxo, XII, p. 247 sqq.), Throndus

---

[1] Некоторую помощь оказали мне при этом уже готовые таблицы, приложенные G. Vigfusson'ом к его изданиям Orkneyinga Saga и Sturlunga Saga.

[2] Ук. соч., стр. 72.

[3] Последняя цифра относится к Sturl.

[4] Ук. соч., стр. 57.

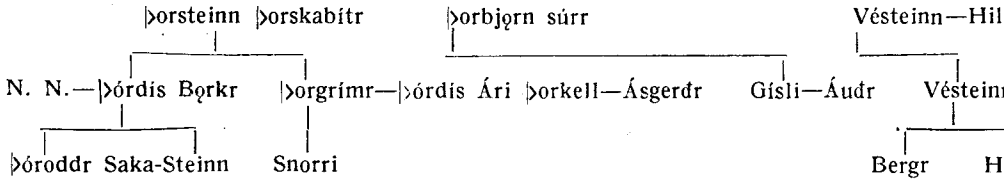
[5] Недостаточность тех именно сведений, которыми пользовался Даргун, по существу нисколько не мешает правильности его высказываний относительно пережитков матриархата у древних скандинавов: за теми неудачными примерами, которые он преимущественно приводит, стоят десятки других, такого же содержания и достаточно убедительных.

и Rusla (VIII, p. 267 sqq.). Обе они — воительницы, о каковых нам еще придется говорить особо. Ни саги (за исключением тех легендарных саг, которые сходятся по содержанию с Саксоном), ни Эдда, таких примеров не знают. Как объяснить их, как датировать (конечно стадиально, а не хронологически) — оставляю пока под вопросом.[1]

В Эдде близость сестры с братом подчеркнута, напр., относительно Атли и Брюнхильд (Sig. sk. 28 и Am. 58). По Reg. 11 и 12 брат ближе сестре, чем отец. Но особенно полно и ярко эти отношения выражены, как указали в свое время Бахофен и Даргун, в грандиозном трагическом образе Гудрун, дочери Гьуки. Ее преданность братьям и жестокая месть за них, обрушившаяся на ее второго мужа и на ее детей от него, встречает полное сочувствие авторов Akv. (46) и Am. (117).

О Гудрун, как о героической и образцовой сестре своих братьев, вспоминает Гисли, исландец второй половины X в., упрекая свою сестру в недостаточно лойяльном отношении к нему. Сага о Гисли, сыне Сура, — весьма показательный пример тех иной раз крайне сложных отношений и конфликтов, которые возникали между родичами и свойственниками в Исландии эпохи викингов; она не лишена интереса также и для нашей специальной задачи. Останавливаюсь на ней несколько подробнее, отмечая при этом те черты, которые можно отнести за счет пережитков матриархата, и которые с этой точки зрения нам еще придется рассматривать в дальнейшем.

Отношения между героями этой саги легче разобрать при помощи небольшой таблицы, каковую я здесь и прилагаю.

Гисли, потомок норвежского херсира (т. е. областного вождя) Торкеля, переселившийся с отцом в середине X в. в Исландию, женат на Ауд, сестре Вестейна, которого убил Торгрим, муж сестры Гисли, Тордис; его подговорил на это его шурин и друг Торкель, ревновавший Вестейна к своей жене Асгерд. Гисли мстит за брата жены и убивает Торгрима; Тордис выходит замуж за Борка, родного брата своего первого мужа. Узнав, что убийца Торгрима — ни кто иной, как Гисли, она не скрывает этого от Борка. По этому поводу сага и приводит слова Гисли (в стихотворной форме) о том, что его сестре чужд смелый дух непоколебимой Гудрун, дочери Гьуки, убившей мужа из мести за своих храбрых братьев (Gis. XIX, 14). Но Тордис, как показывает дальнейшее, не так пассивна, как полагал ее брат: после того как Гисли, по настоянию Борка и его близких, был осужден на тинге и объявлен вне закона, а затем, после долгих скитаний и неустанных преследований, был убит Эйольфом, родичем Борка, Тордис

[1] Если здесь отразилась борьба двух начал — матриархального и патриархального, то этому как будто противоречит то, что брат, будучи наиболее близким к женщине родичем в условиях матриархального строя, оказывается здесь представителем патриархального начала. На вражду Скульд с ее братом Рольфом kraki (Saxo II, p. 57, ср. Fas. I, 32, 46, 96 сл., Hrólfs kr.), по крайней мере, проливает свет то обстоятельство, что они — дети разных матерей. В смысле борьбы между матриархальным и патриархальным строем общества можно, как я полагаю, понимать те места у Саксона, где изображено принципиальное недовольство властью женщины-правительницы и такое же принципиальное неодобрение в отношении воинственной женщины (VIII, p. 264, VII, p. 249), если только автор «Gesta Danorum» верно передает здесь смысл древних преданий и не сгущает краски согласно собственным воззрениям, какие могли быть у ученого клирика XII—XIII вв. Эти воззрения он и высказывает, когда говорит о женщинах-воительницах, живших в Дании встарину (см. далее, стр. 40).

пытается убить Эйольфа в доме своего мужа, разводится с этим последним и уходит жить в усадьбу, называемую по ее имени Тордисарстадир (Gís. XXXVI, 1 сл.). По сведениям другой саги, Снорри, ее сын от первого брака, следовательно — родной племянник и пасынок Борка, становится на ее сторону; Борку приходится, в конце концов уступить ему свой хутор, где он и поселяется вместе с матерью (Eyrb. XIII и XIV).

Таково вкратце содержание этой саги, одной из лучших среди Islendingasǫgur, т. е. саг об исландцах. Добавлю еще следующие подробности. Женатые братья, Гисли и Торкель, сначала живут вместе и не делятся. Они связаны тесной дружбой с мужем своей сестры и с братом жены Гисли. По желанию Торкеля, братья разделились. Торкель заводит совместное хозяйство с мужем сестры, живущим с нею на хуторе, полученном ею в приданое, между тем как Борк остается на отцовской земле, где с ним живут двое близких к нему и Торгриму людей, сыновья их сестры Тордис (о муже Тордис в саге не говорится). Один из этих племянников во время отсутствия Торгрима живет у него, помогая его жене хозяйничать на хуторе. Связь Торкеля с родичами Торгрима продолжается и после смерти этого последнего; отсюда — двойственное положение его в отношении Гисли. Таковым же является, прежде всего, положение самого Гисли, очутившегося, как мы уже видели, между двумя близкими свойственниками — братом жены и мужем сестры. В борьбе, разгоревшейся между двумя родственными партиями (Гисли и Борка), Гисли обращается за поддержкой к братьям матери своей жены. Его родной брат Торкель, будучи связан с его врагами, уклоняется от активной помощи ему. Торкель погибает от руки Берга, сына Вестейна, после чего Берг со своим братом отправляется к Ауд, жене Гисли и сестре их отца, которая отсылает их к своим родичам, так как Гисли не хочет иметь дела с убийцами своего брата. Борк пытается поднять судебное дело против Берга. В конце концов, Берга убивает в Норвегии брат Гисли и Торкеля, Ари, о котором сага вообще знает очень мало; он воспитывался в Норвегии у брата матери и до нападения на Берга никакого участия в событиях не принимает.

Самой деятельной сторонницей и помощницей Гисли является его верная и преданная жена, которая делит с ним в течение многих лет все невзгоды, выпавшие на его долю. Из посторонних лиц больше всего помогает ему некая Торгерд, мать известного в сагах Геста Мудрого, состоявшего в каком-то родстве с сыновьями Вестейна. По словам саги, она часто принимала и прятала у себя в подземелье осужденных и объявленных вне закона людей (Gís. XXII, 13).[1]

Как мы видим, в Gís. есть среди всего прочего и указания на тот самый авункулат, о котором здесь уже сказано как о наиболее полно представленном в сагах пережиточном проявлении матриархата.

«Móðurbraeðrum verða menn líkastir» говорит приводимая в двух сагах старинная пословица, fornkvaeði,[2] что в переводе значит: «мужи более всего похожи на братьев матери». «En fǫðursystrum fljóð (а женщины — на сестер отца)», добавляет другая, записанная в XVII в. [3]

Одной указанной пословицы о сходстве с братом матери, нередко вообще отмечаемом в сагах, достаточно для опровержения всего того, что говорит фашистский автор E. Kvaran, который кладет в основу исследования родовых связей в древней Исландии какой-то «наследственно-биологический» принцип в противоположность социологическому.[4] Недаром он и не приводит ее в своей «работе» — по

[1] Покровительство им является в Исландии далеко не только благодеянием, но, в руках знатных и влиятельных людей, одним из средств расширения своего личного окружения. Такие клиенты знатного патрона пополняли круг зависимых от него людей, исполняли его поручения, зачастую — рискованные и неблаговидные, и т. д.

[2] Bisk. I, стр. 134 (кон. XII в.) и Hard. Gr., стр. 29.

[3] Thesaurus adagiorum (см. выше, стр. 23, прим. 2), № 2394; по мнению F. Jónsson'a — добавление несомненно позднее (Ark. för nord. Filologi, 1914 г., т. XXX, стр. 173).

[4] Sippengefühl und Sippenpflege im alten Island im Lichte erbbiologischer Betrachtungsweise, стр. 98. Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie, 1936, XXX, № 2, стр. 97—121.

крайней мере в вышедшей до сих пор первой части, хотя здесь без нее нельзя обойтись. За этой пословицей стоит целый общественный строй с вытекающими из него понятиями о родстве и родственной близости. Она является выражением одного из важнейших пережитков материнского рода, предшествовавшего отцовскому, и ее никак нельзя объяснить с точки зрения того отвлеченного и беспочвенного, оторванного от конкретного общественного строя и его развития псевдонаучного принципа, который Kvaran кладет в основу своего «исследования». А кому служит вообще этот автор — достаточно ясно хотя бы из того, что он солидаризируется с таким махровым представителем фашизма, как W. Darré.[1]

Аналогично обозначению женщины как сестры своего брата, мы видим обозначение мужчины как сына сестры, systursonr, такого-то.[2] То обстоятельство, что это обозначение сохраняется и в сагах, описывающих события XII и XIII вв., указывает на большую устойчивость значения этого родства, проходящего красной нитью всю историю рода и семьи в скандинавском обществе. Нет ни одного социального слоя, чьи отношения родства вообще отражены в сагах (начиная с конунгов и вождей, как легендарных, так и исторических), нет ни одной саги, исторической или эпической (включая в область эпоса, конечно, и Эдду), где móðurbróðir не появлялся бы то в отдельных эпизодах, то на протяжении всей саги, в качестве неизменного помощника, сторонника и покровителя племянника в разных случаях жизни.

Издатель Eyrb., H. Gering, комментируя рассказ этой саги (XVII, I) о поддержке, оказанной на суде исландцем Торгримом сыну своей сестры Эсы, Тинфорни, объясняет это их происхождением от общего предка, одного норвежского ярла, приходившегося Торгриму прадедом, а Тинфорни — прапрадедом. Дело здесь не столько в этом отдаленном предке, сколько в том, что Торгрим — брат матери Тинфорни.

Отношение брата к сыну сестры, как к родичу, не менее близкому, чем собственный сын,[3] и взгляд на племянника, как на члена рода дяди-брата матери [4] — прямой отклик того, что мы видим у германцев по Тациту за десять веков до этого времени.

Примеры неприязни между этими родичами, а тем более открытой вражды, сравнительно очень редки (Harð. Gr. стр. 60 сл., Vápnf., стр. 51 сл., Vǫls., стр. 3).

Близким родичем считается не только сын сестры, но и ее внук: по Laxd. XII, 8, Торкеля, сына Эйольфа, осуждали за то, что он не преследовал убийцу сына старика Эйда, брата своей бабушки, «притом что между ними было такое близкое родство», как добавлено в некоторых списках этой саги.

Говоря о значении авункулата, я оставляю в стороне те отдельные случаи, когда у сына только и есть надежные родичи, что со стороны матери, как это было, напр., с хорошо известным в сагах норвежским конунгом Олафом, сыном Трюггви (X в.). Как и внебрачному сыну, непризнанному отцом (см. выше, стр. 25), ему только и остается объединиться с ними, и прежде всего — с братом матери. Такие примеры, конечно, менее показательны и объясняются наличными, случайно

[1] Kvaran, ук. соч., стр. 98 и 114.

[2] Вводя в свое изложение термины родства — весьма важную категорию материала — я должна сразу же указать на необходимость специального исследования их, каковое в задачу настоящей работы не входит. То, что писали о них филологи-индоевропеисты, хорошо известно в научной литературе, но совершенно не разъясняет вопроса о них по существу. Они требуют разработки на основании нового учения о языке и мышлении; лишь при этом условии им можно дать широкое и всестороннее освещение в связи с общим ходом развития общества, определить, какие стадии его отразились в них, и выяснить их генезис и семантику. Само собою разумеется, что такое исследование не может ограничиться данными одной так наз. «индоевропейской» группы языков. Интересно было бы, в частности, сопоставить скандинавскую терминологию родства с той весьма архаичной и значительно более богатой и сложной, которую мы находим у саамов (лопарей) — народности, издавна тесно соприкасавшейся со скандинавами.

[3] Eindr. ilbr., Flat. I, стр. 459.

[4] Eg. XXXVII, 4.

сложившимися обстоятельствами жизни данного героя саги. Но среди бесчисленных «móðurbraeðr» (мн. ч. от «móðurbróðir»), выступающих перед нами в сагах, очень многие проявляют себя при том, что отец племянника благополучно здравствует, его родичи тоже, и сын находится с ними в мире и согласии.

В области общественной деятельности мы имеем предание о том, что Ульфльот (первый законодатель Исландии, живший в первой половине X в.) работал вместе со своим «móðurbróðir» Торлейфом Мудрым (Landn., стр. 257, прим. 15, и 334; ср. Isl. b. II, 5), а также указания на племянника, как на преемника дяди по матери в общественных должностях (Isl. b. VIII, 2 и IX, 8, XI в.).

У древних скандинавов был широко распространен обычай отдавать сына (несколько реже — дочь) с детства на воспитание вне родного дома. Обозначаю этот обычай термином «аталычество», взятым из этнографии Кавказа, в области которой это явление недавно было подробно описано М. О. Косвеном.[1] Кавказские обычаи в этом отношении обнаруживают большую стадиальную близость к тому, что мы находим во всех разновидностях в скандинавских сагах.[2]

Отношение аталычества к авункулату выражается в том, что аталыком очень часто является ни кто иной, как брат матери. Истоки аталычества М. О. Косвен видит в процессе перехода от матриархального строя к патриархальному и в стремлении материнского рода сохранить целость своего личного состава и своей экономической организации.[3] Роль брата матери здесь вполне понятна; частое появление этого родича в качестве аталыка у скандинавов эпохи викингов несомненно является древнейшей формой аталычества и одним из ярковыраженных пережитков матриархата.

То обстоятельство, что сын вырос дома, иногда отмечается в сагах особо; следовательно, воспитание у родителей не подразумевается само собой. При этом интересна своеобразная форма какой-то, если можно так выразиться, перемежающейся семьи: сын живет то у отца, то у материнских родичей. Читая саги, в таких случаях иногда не сразу можно разобрать, где же он, собственно говоря, дома и где в гостях. Такой порядок, не объясняющийся какими-нибудь наличными условиями данной эпохи вообще или отдельных случаев в частности, является несомненно наследием перехода от матриархального строя к патриархальному; в условиях последнего следы материнского рода принимают своеобразную компромиссную форму.

Обрисовав отношения брата к сестре и к ее детям, нам остается еще коснуться его отношений к ее мужу, т. е. стадиально более поздних. Тесная дружба брата с мужем сестры, даже при наличии у того и у другого своих близких родичей,— черта, весьма обычная в сагах. Выдавая сестру замуж, брат иногда переселяется к ее мужу или, наоборот, этот последний переезжает к нему в дом. В таких делах, как опекунство над детьми, решение вопроса о браке дочери, снаряжение взрослого сына в морской поход и т. п., нередко на ряду с отцом, и в согласии с ним, принимает участие и брат матери. В случае каких-нибудь невзгод, эти два свойственника, mágar (как называются в древнесеверном языке все родичи по браку в отличие от кровных, fraendr), обычно помогают друг другу, а в случае убийства одного из них другой мстит за него. Если муж не делает этого по собственному почину, то жена энергично настаивает, даже грозит развестись с ним. В Eyrb. XVI, 2, Торгерд, жена Стейнтора, намерена прервать брачные отношения с мужем, брат которого, Бергтор, убил ее братьев; узнав, что и сам Бергтор убит, она удовлетворена, и, по словам саги, с тех пор уже не было слышно о неладах

---

[1] См. его статью «Аталычество», Сов. Этн., 1935, № 2, стр. 41—61.

[2] В своей указанной только что работе М. О. Косвен вкратце говорит об аталычестве и у скандинавских племен, рассматривая его у них и у кельтов заодно с тем, что наблюдается на Кавказе.

[3] Ук. соч., стр. 49 сл. Автор отмечает целый ряд недостаточных или вовсе неудовлетворительных объяснений аталычества (стр. 46 сл.); такую же оценку можно дать и известным в научной литературе попыткам истолкования его у древних скандинавов.

между мужем и женой по этому поводу. В случае несогласия мужа помочь шурину — несогласия, основанного обычно на тех или иных связях с противниками этого последнего — жена вопреки его воле содействует своему брату. В середине XIII в. в Исландии, в обстановке ожесточенной борьбы между феодалами, мы видим Стейнвор из рода Стурлунгов, как деятельную сторонницу своего брата Торда, причем она привлекает на его сторону и своего мужа; она же выступает как общепризнанная и авторитетная участница официального примирения Торда с его врагами (Sturl. II, стр. 5 сл. и 14 сл.).

Авункулат у древних скандинавов не мог не обратить на себя внимания буржуазных исследователей. K. Weinhold отмечает «das uralte Band zwischen Onkel und Neffe» как связь, выражающаяся в частности в роли дяди-брата матери в качестве воспитателя.[1] Совершенно ошибочно объяснение этого явления как следствия полигамии:[2] в Скандинавии эпохи викингов она была далеко не так распространена. Единственным примером многоженства в большом масштабе и в связи с этим — бóльшей близости детей к материнским родным, чем к отцовским, является в сущности только норвежский конунг Харальд hárfagri (IX—X в.), у которого, как сообщают саги, было около десяти жен.[3] Но история этого конунга настолько переплетена с легендой, что делать конкретные выводы на основании ее одной довольно рискованно.

В XII—XIII вв. значение авункулата несколько ослабевает именно в области аталычества; самый обычай этот еще держится, но роль материнских родичей здесь уже несколько стушевывается. Повидимому, это обясняется в связи с упадком родового уклада вообще и укреплением феодальных отношений. Как указывает A. Heusler,[4] бесконечные распри, наполняющие собою всю Sturlunga Saga, уже утратили родовой характер: вожди выступают друг против друга как главы и члены не столько родовых объединений, сколько феодальных группировок, в которых родовые связи уже отступают на второй план.

VII. Сестры и их дети. Женщина как глава рода

Среди небольших родственных групп, на которые, как мы видим, распадается личный состав саг при рассмотрении его с точки зрения родственных отношений, не менее четко, чем указанные выше отдельные группы (мать и сын, брат и сестра, брат и ее дети, брат, сестра и ее муж) выделяется и та, которая состоит из двух или нескольких сестер. Самый термин systrungr (жен. р. systrunga), на который обратил внимание Ф. Энгельс как на характерный пережиток материнского рода,[5] имеет значение «сын (или дочь) сестры матери»; эквивалентом его является термин systrasynir, сыновья сестер. Systrungr применяется, но несколько реже, также к сыну сестры отца;[6] повидимому, в этом уже сказалось дальнейшая эволюция этого термина соответственно стадии определенного отцовства.[7] Иногда

[1] Ук. соч., стр. 285.

[2] J. Hoops, Reallexiken der germ. Altertumskunde, т. I, стр. 146.

[3] Кстати сказать, влияние христианства в смысле ограничения многоженства, выдвигаемое обычно в буржуазной науке, в отношении Скандинавии XII—XIII вв. не оправдывает себя: так, в Исландии, в это время давно уже христианизированной, внебрачные связи (т. е. та же полигамия, только не официальная) были так распространены, как и не снилось «язычникам» эпохи викингов. В своде исландских законов по списку второй половины XIII в. есть статья, согласно которой двоеженство является допустимым при условии, что одну жену муж имеет в Исландии, а другую — в Норвегии (Grág., Erfda þ. 4).

[4] Zum isländischen Fehdewesen in der Sturlungenzeit, стр. 33 сл. (Abhandl. der Preuss. Akad. der Wissensch., hist.-phil. Kl., 1912).

[5] Ук. соч., стр. 122.

[6] Напр., Eyrb. LVI, 7, где так обозначены и те и другие двоюродные братья одного из героев саги.

[7] Когда женщина называет своим «systrungr» сына сестры мужа (Sturl. II, стр. 165, сер. XIII в.) или братья — пасынка сестры (в Эдде, Hamð. 13), то это тоже позднейшая черта, поскольку здесь терминология, свойственная пережиткам материнского рода, применяется к отношениям, основанным не на кровном родстве.

им обозначается также сын брата матери (напр., Sturl. I, стр., 16) и он же заменяет термин systursonr, т. е. сын сестры в отношении ее брата (Kr. XII, 9).

Примеров близости на почве этого вида родства меньше, чем в авункулатной группе, но достаточно, для того чтобы показать нам очень тесную кровную связь между детьми двух сестер и между племянником и теткой-сестрой матери.

Группа нескольких сестер весьма обычна в мифологических преданиях и в сказочных сагах. В области мифологии мы видим бога Хеймдалля, как сына 9 сестер;[1] далее — 7 сестер, с которыми был в связи Харбард-Один (Hárb. 19), в сказочных сагах — 18 дочерей великана, с которыми знается Тор (Fas. III, стр. 390), ведьм-сестер в числе 3 и 9 (Fas. III, стр. 481 и 573), а в исторических текстах — 9 сестер-вещуний в Eir., стр. 14 сл..

Самый термин «systir», сестра, в качестве обращения одной женщины к другой в разговорной речи, как мы это видим в двух сагах между дочерью хозяина и служанкой (Grett., XX, 4—5 и Korm., стр. 20), может быть — отголосок матриархального прошлого, где женщины одного поколения, объединенные общим материнским происхождением и коммунистическим домашним хозяйством, — сестры между собой.

В одной из исторических саг очень интересным примером трех сестер во главе целого рода являются на Оркнейских островах в первой половине XII в., в условиях феодального общества, три дочери знатного и богатого местного магната Моддана — Хельга, Фракок и Торлейф.[2] Из них более известны первые две. Хельга была любовницей оркнейского ярла Хакона и имела от него трех детей — сына Харальда и двух дочерей. Фракок, наиболее видная фигура из трех сестер, появляется в саге уже будучи вдовой, с двумя дочерьми. И она и Хельга принимают деятельное участие в делах Харальда по управлению той землей, которую он держит на феодальных правах; поссорившись с ним, они вместе со всеми родичами покидают его. У Фракок воспитываются дети и внуки как ее собственные, так и ее сестер. В течение борьбы за власть, развертывающейся в роду самих дочерей Моддана и в династии оркнейских ярлов, с которой они были связаны через Хельгу, Фракок проявляет себя как глава целого родового объединения; собрав многих родичей, она идет в поход с сыном своей дочери против одной из партий соперничающих между собой оркнейских ярлов и в конце концов погибает от руки человека, мстящего за своего отца, убитого ее внуком, хотя ее брат уже заплатил в свое время выкуп за убийство (Orkn., стр. 82 сл.).

Несколько ранее, в X в. в Исландии, мы видим аналогичную семейную ситуацию, но в более скромном масштабе и в среде менее знаменитых людей: сыновья двух сестер отданы родителями на воспитание бабушке-матери их матерей (Viga-Gl., стр. 353).

Значение женщины как главы не только индивидуальной семьи, но и целого рода, ярче всего выражено в образе уже неоднократно упоминавшейся здесь Ауд Мудрой. Дочь знатного норвежца, переселившаяся с ним во второй половине IX в. в Исландию, а оттуда — в Шотландию, она была замужем за норвежцем Олафом Белым (hviti), одним из областных конунгов в Ирландии.[3] Потеряв мужа, сына и отца, она становится во главе своих родичей и налаживает их переселение с обильным имуществом обратно в Исландию. Прибыв с ними туда, она распоряжается с большой энергией и авторитетом, занимает землю, раздает ее своим родичам и многочисленным другим спутникам как свободным, так и зави-

---

[1] Напомню здесь то, что говорит Бахофен о древнем представлении общего материнства двух сестер (ук. соч., т. I, стр. 196—197). В устном сообщении Е. Г. Кагаров указал мне, что случай с Хеймдаллем можно истолковать как обломок пуналуального брака.

[2] Женское личное имя, по написанию отличающееся от тождественного с ним мужского Þorleifr отсутствием конечного r.

[3] Самый факт ее брака именно с этим лицом исследователи считают недостоверным (см. примечание H. Gering'a к Eyrb. 1, 8); эта подробность, конечно, не меняет того значения, какое имеет для нас биография этой замечательной женщины.

симым. Как и у многих других крупных вождей, заселявших Исландию, у нее были не только рабы, но и много вольноотпущенных, которых она и наделяла землей. Когда ее брат, уже обосновавшийся в Исландии, встретил ее по приезде, но пригласил ее к себе лишь с половиною прибывших с нею людей, она разгневалась и отправилась к другому брату, поспешившему оказать гостеприимство всем ее спутникам. «Hón var mikit afbragð annarra kvenna (она значительно превосходила других женщин)» говорит о ней Laxd. IV, 5. До самой смерти она остается главою рода, устраивает браки внучек, наделяет наследством внука, и т. д. В Landn., сообщающей наравне с Laxd. подробно о ее деятельности, она значится в числе наиболее выдающихся первых поселенцев, landnámsmenn, занявших землю в западной Исландии (Landn. стр. 167).

По поводу такого женского образа, как Ауд, вспомним замечания В. И. Ленина о высоком положении женщины в доклассовом обществе, в среде которого за нею иногда признавалась власть старейшины рода.[1] Само собою разумеется, что, сопоставляя такую женскую личность, как Ауд, с женщинами доклассового общества, мы должны учитывать весь долгий путь развития от матриархальной стадии родового строя до того этапа разложения рода, который мы видим в эпоху викингов. Ауд — наиболее ярко очерченная в сагах, но не единственная фигура подобного типа. На основании одних своих индивидуальных задатков она не могла бы так сильно выдвинуться в качестве авторитетного и влиятельного вождя того родового объединения, к которому она принадлежала, если бы ее не выдвигало общество. Того обстоятельства, что его строй создавал возможность сосредоточения значительной экономической силы в руках женщины, еще недостаточно для объяснения ее роли: экономически сильной может оказаться любая богатая наследница в условиях общества, ничего общего не имеющего с пережитками матриархата и не отличающегося высоким и почетным положением женщины вообще. Важно то признание за женщиной серьезного общественного значения, какое мы наблюдаем в сагах. Такое отношение к ней, в соединении с целым рядом не случайных, а связанных друг с другом явлений, описываемых в настоящей работе, и дает нам основание видеть в древнескандинавском обществе пережитки материнского рода и соответственных ему воззрений.

VIII. Отец матери. Связь детей с материнским родом

Если мы рассматриваем отношения брата к мужу сестры по сравнению с отношениями к ней самой и ее детям, как более поздние, то таковыми же являются и отношения между отцом матери и ее детьми. Вообще, между móðurbróðir и móðurfaðir (отец матери) по сагам в этом смысле много общего:[2] дед со стороны матери также бывает аталыком своих внуков; его имя дают при рождении внуку, и даже чаще, чем имя брата матери; иногда на внука переходит и прозвище деда. Между ним и сыном дочери, dóttursonr, мы видим такую же тесную родственную связь и взаимопомощь. Также и отношения между тестем и зятем обыкновенно складываются аналогично тем, которые мы наблюдаем между братом женщины и ее мужем.

Интересный пример связи сына с материнским родом и с его религиозным культом мы находим в Flóam., стр. 123—124 (то же в Landn., стр. 299): норвежец, переселившийся, как и его мать и ее брат, в Исландию, ездит через два года в третий в Норвегию, как их представитель, для принесения жертвы в храме, которым ведал отец его матери. Последний, как мы видим из другой саги и на примере других лиц, смотрит на приехавшего к нему из Исландии сына дочери, как на члена своего собственного рода; fylgja деда, т. е. сопутствующий ему

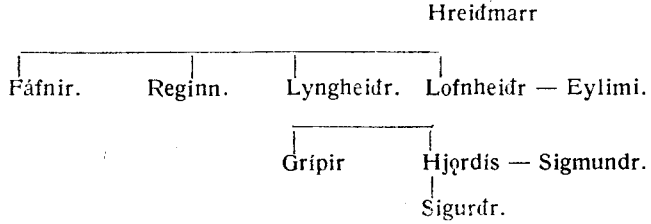
[1] Ук. соч., стр. 365.

[2] См. у Бахофена, ук. соч., т. II, стр. 130, о вторичном происхождении значения avus maternus, на которого распространяется то, что издавна установилось для avunculus.

в жизни дух-покровитель,[1] является впоследствии внуку, который догадывается на этом основании, что дед умер и что его fylgja переходит к нему.[2]

Из тех случаев, когда отец, уезжая из Норвегии в Исландию, оставляет сына с его имуществом на попечении материнских родичей, móðurfraendr (Grett. XIII, 6, здесь — после смерти матери), особенно характерен такой, где родство по матери прямо берет верх над отцовским: при отъезде матери и вотчима дочь оставляют у родных матери, хотя вотчим девочки — родной брат ее отца (Eg. VI, 24).[3]

Представление о принадлежности сына к роду матери находит себе выражение и в целом ряде других саг — Bj. стр. 4, Orkn., стр. 11, 62, 65, в легендарной Yngl. (Hkr. I, стр. 29),[4] а также в Эдде (Hamð. 4). И, наконец, в той же Эдде (Reg., 11—12) знаменитый Сигурд является мстителем не только за своего отца Сигмунда, убитого сыновьями Хундинга, но также и за деда-отца матери, Эйлими, и за ее деда со стороны матери же, Хрейдмара.

По Reg., Сигурд воспитывается у Регина, брата своей бабушки, а в Grip. мы видим его дружбу с Грипиром, братом матери.

Когда по Reg. 12 Хрейдмар говорит своей дочери о сыне, а не о муже, ее дочери как о возможном мстителе за ее родичей в будущем, то здесь подразумевается значение кровного родства, к которому муж не относится.[5] О Лофнхейд и ее сестре Люнгхейд прямым образом ничего не известно, кроме того, что они — дочери Хрейдмара, но на основании сопоставления имеющихся данных исследователи полагают, что одна из них и должна быть матерью Хьордис, матери Сигурда.[6]

Следы счета родства по матери сохранились в Эдде также в Hyndl., где, на ряду с отцовским родом героя этой песни, Оттара, показано в строфе 19, и происхождение его от его прадеда Кетиля через дочь Кетиля и ее дочь, которая и была матерью Оттара.

Как в Эдде, так и в сагах, черты материнского родства чередуются с проявлениями отцовского, но надо думать, что никому и не придет в голову искать в этих текстах матриархат в его подлинном виде. Здесь отразилась переходная эпоха, колебания между двумя системами родства, что сказалось как на отношениях

[1] Этот дух, кстати сказать, если является в человеческом образе (а не животного, что бывает чаще), то всегда в образе женщины. В данном случае мы, очевидно, имеем дело с kynfylgja или aettfylgja, т. е. духом-покровителем целого рода. Замечательно вместе с тем, что нигде в сагах женщина не имеет своей fylgja.

[2] Viga-Gl., стр. 337 сл. Ср. Vatnsd. VII, 3 и X, 6: по материнской линии передается hamingja, такой же «дух-покровитель», как и fylgja, но с преобладанием отвлеченного значения «счастье», «удача».

[3] Левират, как мы видим из саг, явление довольно обычное в древней Скандинавии (см., напр., выше, стр. 28, второй брак Тордис, сестры Гисли), но это, как известно, уже черта патриархального строя.

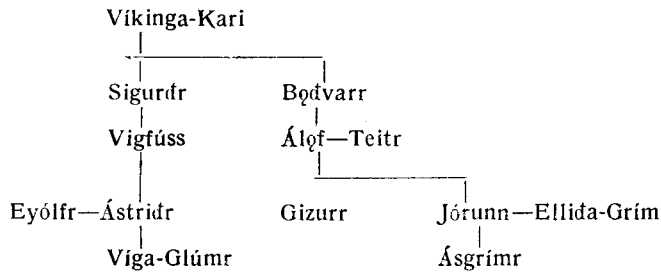
[4] В Yngl., впрочем, оно ослабляется тем обстоятельством, что мать была оставлена мужем и ушла с сыновьями к отцу.

[5] Именно так объясняют это место Reg. издатели Эдды F. Detter и R. Heinzel (изд. 1903 г., т. II, стр. 404).

[6] См. Detter и Heinzel, там же.

людей между собой, так и на терминологии, которой пользуется язык исследуемых нами памятников. Пережитки материнского рода, которые в них можно выявить, от этого не теряют своего значения ни для исследователя, ни для людей той эпохи, к котоорй они относятся. Особенно показательны те случаи в сагах, когда муж и отец, т. е. глава патриархальной семьи, признает важность материнского родства и хвалит, напр., жену за то, что она достойна своего рода (Gunn. Þiðr., стр. 209), или побуждает сына мстить за отца матери (Heið., стр. 43). Знаменитый исландский скальд X в. Эгиль, сын Скаллагрима, в великолепной поэме, в которой он оплакивает гибель своих сыновей, в одной строфе определяет сына как «kynvidr kvánar minnar (отрасль рода моей жены)». В Víga-Gl., стр. 373, мы видим, что жена покидает мужа, возмущенная тем, что он убил сына сестры своей матери, т. е. своего systrungr (об этом родстве см. выше, стр. 32).

Материнское родство сохраняет свою силу даже в сравнительно отдаленных степенях: так, в Víga-Gl., стр. 346, в число родных матери, к которым Вига-Глум обращается за помощью, входят Гизур, сын Алоф, двоюродной тетки его матери, Астрид, внук Алоф от ее дочери Иорунн, Асгрим, а также муж Алоф, Тейт.

Троюродная сестра матери считается близкой родственницей, nafráendkona (Sturl., II, стр. 313, нач. XIII в.). В подобных случаях дело идет не только о традиционном уважении к такому родству, соблюдаемом по старому обычаю, но о проявлении его значения в жизни, напр., в столь актуальном для древнего скандинава вопросе, как месть за убийство.

Для следов перехода от матриархата к патриархату, совершившегося, разумеется, задолго до эпохи викингов и сопровождавшегося соответственным переломом во взглядах на родство и налагаемые им обязательства, характерными являются, напр., колебания брата матери, не сразу решающегося притти на помощь племяннице, у которой убили мужа, а ссылающегося сначала на отцовских родичей самого убитого (Eyrb., XXVI, II).

Что в легендарных преданиях внук-сын дочери нередко наследует деду за неимением у него сыновей (Hkr. I, стр. 88) или внук сестры прадеда последнего конунга претендует на его наследство avito jure (Saxo, III, p. 75),—неудивительно, поскольку в этих сказаниях скорее всего можно найти архаический счет родства. Но замечательно, что в XII—XIII вв., среди борьбы за власть между феодалами, еще всплывают те же стародавние формы родства. Так, на Оркнейских островах мы видим борьбу за земельные владения между двумя князьями, из которых один — сын дочери, а другой — сын сестры, тех, кем они там посажены (Orkn., стр. 16 и 28 сл., сер. XI в.). В 20-х годах XII в. норвежский конунг дает своему вассалу, оркнейскому ярлу, ту часть Оркнейских островов, которою владел брат матери этого ярла (Orkn., стр. 103). В XII в. датский конунг Эйрик, сын дочери одного из своих предшественников и сын сестры другого, наследует этому последнему (Knytl., стр. 348). В Норвегии Сверрир (1184—1202 гг.) претендовал на власть как сын одного из норвежских конунгов середины XII в.; впрочем, весьма сомнительно, чтобы он был таковым в действительности. Выдавая себя, во всяком случае, за сына конунга, он вместе с тем, по саге, особенно подчеркивает значение своего материнского рода (Sverr., Flat. II, стр. 650). О роде его

матери, как и о его происхождении вообще, очень мало известно, но, как видно из саги, в окружении этого конунга он играет большую роль: здесь появляется его systrungr (сын сестры матери?), брат матери и сыновья его собственных сестер, одна из которых, повидимому, была единоутробной, а не единокровной с ним.

В начале XIII в., во время междоусобий и борьбы за власть различных партий среди норвежских феодалов, ближайшая к роду Сверрира партия выдвигает, после смерти его сына Хакона, его внука (сына его другого сына) и двух сыновей его единокровной сестры. В пользу одного из них, от ее первого брака, на тинге в области Трандхейм выступают дружинники, а местные люди стоят за другого, от ее второго брака, на том основании, что отец первого кандидата — иноземец, а отец второго — норвежец. Таким образом здесь хотя и выдвинут старый традиционный принцип близости сыновей сестры к брату, но решающим является все-таки вопрос об отцовском, а не материнском происхождении. И еще более это сказывается в том, что в конце концов партия, поддерживающая династию Сверрира, выдвигает его внука Хакона именно как сына сына конунга, а не сына дочери или сестры (Hák. gam., Flat. III, стр. 4 сл.).

IX. Матрилокальный брак. Брак отработкой. Юридические памятники

В поисках пережитков матриархата у древних скандинавов мы, конечно, встречаемся и с вопросом о матрилокальном браке. В сагах нередко наблюдается, что брат, выдавая замуж сестру, принимает к себе в дом ее мужа (ср. сказанное выше, стр. 31, об отношениях брата к мужу сестры). Примеров поселения мужа у родителей жены на первый взгляд очень много, но из них часть приходится выделить как непоказательные, поскольку они объясняются конкретными условиями «сегодняшнего дня» IX—X вв. Так, в процессе заселения Исландии те крупные landnámsmenn, т. е. «люди, занимающие землю», которых мы видим во главе переселенческих групп, раздавали землю родичам, друзьям, свойственникам — в том числе и мужьям дочерей. Как следы стародавней традиции более убедительны те случаи, когда муж переходит в дом к родителям жены, не будучи связан с ними экономически, когда он имеет свою собственную землю и хутор, где и мог бы обосноваться с женой (Nj. XC, 4—5). В исландских законах одна статья (Grág., Vígsl. 27) предусматривает совместную жизнь с отцом на его хуторе не только его сына, но и дочери с мужем. Следовательно, такая форма семьи, если даже она в рассматриваемых нами текстах и не принадлежит к числу особенно ярко выраженных пережитков материнского рода, во всяком случае, не может считаться чуждой семейному строю древних скандинавов.

Явлением вторичного порядка представляется поселение мужа у жены, выходящей за него, будучи вдовой. Опять-таки здесь следует выделить те случаи, когда он беднее и она, следовательно, является в браке стороной более сильной экономически. Если таких условий не наблюдается, то можно думать, что она как бы заменяет собою для себя же самой свою родную семью (т. е. первоначально — материнский род) и что поселение мужа у нее является своеобразной разновидностью матрилокального брака.

Меньше всего отразился в наблюдаемом нами быту брак отработкой. Возможно, что это объясняется тем, что непосредственный производительный труд в эпоху викингов хотя и не был еще совершенно чужд зажиточным слоям, но не мог иметь для них такого значения, как для рядовых бондов, особенно для беднейших из них, в среде которых членам семьи приходилось нести весь тяжелый труд по хозяйству самим. Единственный эпизод в таком роде (Eyrb. XXVIII, 1 сл. и Heið. стр. 12) носит сказочный характер и рассматривать его

приходится не с исторической точки зрения.[1] Это — одна из тех сторон интересующей нас проблемы, в отношении которой скорее можно ожидать каких-нибудь данных со стороны фольклора и этнографии.

При рассмотрении нашего материала естественно возникает вопрос о юридических памятниках как об источниках для нашего исследования. Им посвящена уже цитированная мною выше (стр. 25) специальная работа F. Boden'a, в которой он приходит к выводу, что древнесеверное право не соответствует основам матриархата. Оставляя в стороне самую концепцию матриархата у этого автора и отрицание его значения как всеобщей стадии развития (что нам уже хорошо знакомо у других буржуазных ученых), я должна сказать, что в памятниках норвежского и исландского права материнское родство действительно отодвинуто на второй план как в статьях об убийстве (уплата выкупа), так и в вопросе о наследстве; единоутробные дети занимают второе место после единокровных, и т. д.[2] Но это еще ничего не доказывает само по себе. Как и положение женщины de facto было более благоприятным, чем de jure (впрочем, его также далеко нельзя считать приниженным и обездоленным), так и занимающие весьма скромное место в скандинавских «правдах» пережитки материнского рода в жизни имели, наоборот, выдающееся значение. Ф. Энгельс указывает, что материнское право у германцев Тацита уже уступило место отцовскому: отцу наследуют дети, а если их нет — его братья и дяди с отцовской и с материнской стороны.[3] Тацит говорит об этом после того, что он сообщает об авункулате. Имеющиеся у нас данные древнесеверной литературы можно приблизительно так распределить в порядке текста Тацита: его сведениям о значении сына сестры соответствует материал, извлеченный из саг и Эдды, а тому, что он говорит о наследовании — скандинавские «правды». Первое — неписанный закон, обычай, традиция, восходящая к глубокой древности; второе — закон, официально имеющий силу для сегодняшнего дня, для патриархального семейного строя.

Среди всего громадного материала, который дают нам саги по нашей теме, есть несколько случаев, где по разным текстологическим и хронологическим соображениям исследователей указанные здесь виды родства являются сомнительными. Неточность автора саги в таких местах объясняется неполнотой и неисправностью имевшихся у него сведений: не следует забывать, что в основе саг лежит устная передача, из которой местами выпадали отдельные звенья. Тем не менее, даже такие случаи сохраняют для нас свое значение, выражающееся в том, что автор при неисправности имевшихся в его распоряжении данных, подставляет именно эти виды родства, очевидно, как весьма популярные для описываемой в саге эпохи и, как мы уже знаем, далеко не отжившие свой век и в его время.[4]

X. Мифология и религиозные культы. Женщина-воительница

Нам остается коснуться еще некоторых сторон жизни, в которых, по нашим литературным источникам, скандинавская женщина проявляет себя; в них, как и в области семьи и родства, можно проследить пережитки матриархата.

[1] Неудачной является, поэтому, ссылка на него у E. A. Westermarck, History of human marriage, т. I, стр. 411, 1903 г.

[2] Следует, однако, отметить одну черту, о которой говорил еще V. Finsen в своей до сих пор не утратившей значения работе «Fremstilling af den islandske Familienret efter Grágás» (Ann. for nord. Oldkynd., 1849—1850, ч. I, стр. 279 и ч. II, стр. 126 сл.): обязанность попечения взрослого сына о матери занимает первое место, а об отце — второе (Grág., Óm. b., I). Этот автор указывает на несоответствие подобного первенства матери месту, занимаемому ею в законах о наследовании.

[3] Ук. соч., стр. 122.

[4] Напомню, что большинство саг, с которыми мы имеем дело, составлено в XIII в.

В отношении древнескандинавских религиозных верований и мифологических преданий наиболее существенные данные приведены в цитированном мною выше (стр. 16) докладе N. Lithberg'a.[1] Интересно то, что он говорит о смене женских божеств мужскими как о явлении, связанном с переходом общества от матриархата к патриархату; так он объясняет переход от богини Nerthus, которую знает у германцев Тацит, к скандинавскому богу Niǫrðr. «Fossile Gottheiten», какими, по определению Lithberg'a, являются в эпоху викингов некоторые богини, раньше имели, очевидно, первостепенное значение как матери богов (напр. Тора), обозначаемых метронимически (см. выше, стр. 24).

К отмеченным по поводу доклада Lithberg'a (Actes du V congrès, стр. 204) указаниям саг на специально женские религиозные культы (Yngl., Hkr. I, стр. 19) добавлю, что в Eir. 14 сл., где подробно описан торжественный ритуал «волхвования» на пиру у гренландского вождя X в., весь этот ритуал, требующий особого уменья и искусства, находится в руках женщин.

Вещая женщина (vǫlva, spákona) — весьма популярная фигура в сагах, пользующаяся большим почетом и уважением. Пророчество, колдовство, вещие видения и т. п. — все это в значительной мере женская сфера. Не без магии обходилось дело, очевидно, и при лечении, которым нередко занимались женщины, отмечаемые в сагах как искусные лекари.

Иногда вещая женщина рисуется в отрицательном свете как зловредная ведьма — образ, конечно, особенно излюбленный в сказочных сагах. В конечном счете как почтенные, так и малопочтенные типы таких женщин, как их изображает предание, несомненно ведут свое происхождение от тех времен, когда женщина, глава материнского рода, занимала видное положение в области культа и религиозных представлений и сама была окружена почитанием соответственного характера. Отголоском этого является, очевидно, и отзыв Эдды о двух богинях, Гефьон и Фригг, как о мудрых и вещих (Lokas. 20 и 28), причем первую из них считает равной себе в этом отношении ни кто иной, как Один, классический мудрый бог в скандинавской мифологии, но более поздний, чем сама Гефьон и некоторые другие женские божества, значение которых уже стушевалось к тому времени, когда сложились песни Эдды.

---

[1] Не вполне ясным остается тот пример значения материнского рода, который он берет у Саксона (III, p. 78 sqq.). Дело тут в следующем: Balderus (др.-сев. Baldr), сын Othinus'a, т. е. Одина, убит Hotherus'ом (др.-сев. Hǫðr). По совету кудесника, Один должен иметь другого сына от Ринды, Rinda (др.-сев. Rindr), «Ruthenorum regis filia», который и отомстит за брата, для чего он уже предназначен богами. После многих приключений, Один добывает себе Ринду; их сын Bous, став взрослым, исполняет свое предназначение и убивает Ходра, но и сам погибает в бою с ним. Его торжественно хоронят его соратники, соплеменники его матери (Ruthenus exercitus). «Augenscheinlich, — говорит Lithberg, — ist die fremde Herkunft der Mutter der Grund dafür, dass Bous, auch wenn er Odins Sohn ist, in einem Verhältniss zu den Asen steht, das ihn zum Rächer Balders werden lassen kann. Er gehört nicht zur Sippe der Asen. Seine Abstammung wird von der Mutter hergeleitet» (Lithberg, стр. 201). Неясны и эти соображения Lithberg'a и то, почему Одину понадобился для мести за Бальдра сын от другой матери; с точки зрения материнского происхождения естественно было бы одному единоутробному брату мстить за другого. Не в убийце ли Бальдра тут дело? По Snorra Edda (т. I, стр. 266, Skáldsk., XIII) Ходр — сын Одина, чего не знает поэтическая Эдда, где он хотя и член рода богов Асов, во главе которого стоит Один, но сыном его не называется; мать его нигде вообще не известна. У Саксона Hotherus — просто богатырь, «nach Saxo's wie gewöhnlich rationalistisch gehaltener Darstellung», как говорит H. Jantzen, переводчик первых 9 книг Саксона (Saxo Grammaticus, Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte, 1900, стр. 109, прим. 1), и ни в каком родстве с богами не состоит. Конечно, трудно утверждать что-нибудь без специального исследования, какого требует это сложное по своему составу предание, дошедшее до нас несомненно не в первоначальном виде. Поэтому я лишь в виде предположения выдвигаю следующую возможность: не утрачено ли в этом предании одно звено, а именно — Ходр как сын Одина от одной матери с Бальдром? Тогда было бы понятно, с точки зрения материнского рода, почему мститель за Бальдра, предназначенный убить Ходра, должен быть сыном другой матери; это было бы необходимо для избежания повторения убийства одного единоутробного брата другим.

Как в легендарных, так и в исторических преданиях мы неоднократно встречаем женщину в качестве жрицы, gyđja.

Очень интересен культ двух женских божеств, двух сестер по имени Торгерд и Ирпа, покровительниц знаменитого севернонорвежского рода ярлов из Хладир (X в.). Это — образы, до сих пор не вполне выясненные и заслуживающие более подробного изучения с точки зрения нашей темы, как и весь вообще материал из области мифологии и культа, очерченный мною здесь весьма кратко. Сведений о Торгерд и Ирпе до нас дошло, к сожалению, немного. Если это — родовые божества, праматери ярлов из Хладир, то почитание их в X в. Хаконом ярлом, наиболее выдающимся представителем этой местной династии и притом деятельным приверженцем язычества, является интересным примером использования старой племенной знатью таких остатков родового строя, как культ предков.

Спорным по своему происхождению и значению является в научно-исследовательской литературе образ женщины-воительницы, валькирии, участницы боев и покровительницы героев. J. Steenstrup [1] и A. Olrik [2] склонны придавать ему реальное значение и видеть в нем результат эпохи викингов. По мнению A. Olrik'a, женщина этого времени была стеснена и подавлена, и лишь в отдельных случаях, нарушая преграды, поставленные ей обществом, становилась воительницей.[3] A. Bugge, наоборот, полагает, что эпоха викингов освободила женщину от вековой зависимости, привязывавшей ее к дому.[4] С моей точки зрения, уже изложенной выше (стр. 18), эпоха викингов в этом отношении скорее всего не произвела переворот, а лишь содействовала развитию того, что уже имело свои корни в прошлом. Что касается типа женщины-воина, то ни валькирия Эдды, знаменитая «дева со щитом» (skjaldmáer), ни довольно близкие к ней по своему облику воинственные девушки и женщины, героини эпических преданий и саг (в том числе и у Саксона), в текстах исторического и бытового характера не встречаются. Скальды также не говорят о них как о своих современницах. Из саг мы знаем, что скандинавская женщина эпохи викингов при случае умела взяться за оружие и постоять за себя, содействовала так или иначе сборам своих близких в поход, а иногда даже сопутствовала им (ср. выше, стр. 33, Фракок в Orkn.). Но все это совсем не то, или по крайней мере не совсем то, что легендарные женщины-воины, в полном вооружении непосредственно участвующие в бою и являющиеся зачастую чем-то вроде профессиональных воительниц, образуя иногда целые отряды (Saxo, VIII, p. 229). Все эти женские типы, включая воинственных правительниц, вступающих в борьбу за власть с мужчинами (см. выше, стр. 27—28), представляют собою скорее всего не продукт эпохи викингов (хотя и пользовались несомненно большой популярностью в это время), а наследие далекого социального прошлого. Когда Саксон относит самый тип подобных женщин к былым временам (VII, p. 230), то надо думать, что это не эпоха викингов, а более отдаленная древность. Насколько это далекое прошлое совпадает со стадией материнского рода — решить трудно; вопрос о связи представления о женщине типа амазонки с матриархатом является спорным. Ограничиваюсь, поэтому, лишь несколькими замечаниями по поводу соответственного материала в скандинавских литературных памятниках и воздерживаюсь от решительного включения его в число тех данных, на которых основывается настоящее исследование.

Как уже заметил A. Olrik,[5] и Саксон, и авторы сказочных саг в большинстве случаев относятся к воинственным женщинам несочувственно; добавлю — в противоположность Эдде и таким сагам, как эпическая Hervarar Saga, пове-

[1] Normannerne, т. I, 1876, стр. 270 сл.
[2] Kilderne til Sakses Oldhistorie, т. I, 1892, стр. 52 сл.
[3] Ук. соч., т. I, стр. 44 сл.
[4] Ук. соч., т. I, стр. 63.
[5] Ук. соч., т. I, стр. 52.

ствующая о Хервор, женщине-воительнице, тесно связанной со своими храбрыми родичами. Здесь доблести героинь находят высокую оценку. В Herv. (стр. 22 сл.) и Vols. (стр. 37), а также в исторических сагах (Grett. XVII, 4; Nj. XXVIII, 3 и XXIX, 2—4), женщина является иногда в качестве хранительницы оружия как семейной реликвии, которую она и передает сыну; в Herv. она является и для самой Хервор далеко не только реликвией; в Grett. это меч ее отца (ср. сказанное выше, стр. 34 сл., об отце матери). Возможно, что в связи с этим объясняются находки оружия в некоторых женских погребениях эпохи викингов.[1] Любопытную черту магических представлений, связанных с женщиной и с оружием, мы находим в Laxd. VII, 13: солнце не должно светить на рукоятку заветного меча и его нельзя вынимать в присутствии женщины.

Буржуазные ученые делают ошибку, полагая, что Эдда в своих женских образах прямым образом связана с женской психологией эпохи викингов.[2] Отсюда и склонность видеть в валькирии отражение действительной жизни этого времени.[3] Эдда несомненно представлялась людям IX—XI вв. как нечто близкое и созвучное. Она имеет целый ряд точек соприкосновения не только с эпическими сагами, как, напр., с Vols., но и с историческими.[4] Получив, как полагают все исследователи, литературное оформление в эпоху викингов, она тем не менее во многом значительно архаичнее этого времени; тем ценнее, кстати сказать, то, что она дает по нашей специальной теме. Далее, не следует забывать, что героическая Эдда[5] представляет собою эпос со свойственной всякому эпическому произведению трактовкой своих героев, с известной схематизацией, с пафосом и подъемом, придающим ей особую окраску.

Когда Liestøl говорит, что в древнесеверной литературе женщина более всего выступает на первый план в области душевных переживаний, а не внешних событий и внешней борьбы,[6] то таким объяснением ее роли в сагах он отдает дань свойственному буржуазной науке идеалистическому подходу к вопросу. Вся вообще психология женщины определяется в этих памятниках конкретными условиями, среди которых она живет, и выступает она перед нами не только в области личных индивидуальных переживаний, но и как *член родового коллектива*, поскольку он еще достаточно прочно держится в эту эпоху; как мы видели, даже и позднее, в XII—XIII вв., остатки родовых отношений еще сохраняют свою силу. Даже если женщина и не принимает во внешней борьбе прямого участия с мечом в руках, как ее легендарные праматери, — ее значение и влияние ярко выражено во всех областях жизни ее времени. А это время, как свидетельствуют собранные здесь данные из первоисточников, еще сохраняет пережитки былого господства женщины, характерного для первобытно-коммунистической организации общества на стадии материнского рода.

XI. Заключение

В заключение настоящей работы мне остается сделать несколько общих замечаний.

1. Мы проследили судьбу пережитков матриархата у древних скандинавов, как уже было сказано, в той социальной среде, для которой саги дают

[1] A. Bugge, ук. соч., т. I, стр. 79.

[2] Напр., Adeline Rittershaus в своей вышедшей в 1917 г. книге «Altnordische Frauen», известной мне по рецензии на нее A. Heusler'a (Zeitschr. für deutsch. Altertum, 1920 г., т. LVIII, Anzeiger, стр. 14—17), возражавшего автору между прочим и по этому поводу (стр. 15).

[3] См. Marie Pancritius, Aus mutterechtlicher Zeit. Anthropos, 1930, XXV, стр. 881, прим. 9.

[4] См. Liestøl, ук. соч., стр. 159 сл. — Эдда и Laxd., а также и некоторые другие примеры.

[5] Песни Эдды распадаются, как известно, на два отдела — песни о богах и о героях.

[6] Ук. соч., стр. 165.

детальную картину родственных отношений вообще, и видели, насколько они устойчивы. Остается лишь подчеркнуть еще раз необходимость исследования в этом же направлении скандинавских фольклорных и этнографических данных. В задачу настоящей работы это исследование не входит. Сопоставление соответственных материалов с тем, что мы знаем из саг, было бы в высшей степени ценно для полного и всестороннего освещения данного вопроса.

2. Та архаичность, которою отличается общественный строй и быт Скандинавии эпохи викингов по сравнению с тем, что наблюдается в других германских странах, получила должную оценку со стороны К. Маркса, который сформулировал эту мысль в связи с вполне конкретной и чрезвычайно важной проблемой древнегерманской сельской общины. «... Первобытные деревни в описанной (у Тацита. *E. P.*) форме, — пишет он Ф. Энгельсу в письме от 25 марта 1868 г., — и по сие время существуют кое-где в Дании. Скандинавия естественно должна была получить такое же значение для германской юриспруденции, как и для германской мифологии. И лишь исходя из этого мы могли бы разобраться в нашем прошлом».[1] Так, именно прочностью традиций свободной земельной общины, той самой марки, о которой писал Ф. Энгельс, объясняется в скандинавских странах энергичное противодействие феодалам со стороны бондов-общинников на всем протяжении феодальной эпохи — явление, характерное особенно для социальной истории Норвегии и Швеции.

Когда буржуазные авторы говорят о внутреннем строе древнескандинавского общества как о сохранившем в наиболее чистом виде черты, характерные для германцев вообще, то это служит им для создания националистической идиллии в духе своего рода «золотого века», отличавшегося якобы процветанием пресловутых «истинно-германских» доблестей и добродетелей. При этом совершенно стушевывается конкретный общественный строй и та внутренняя борьба, в условиях которой он слагался и развивался.

Представление о строе и быте скандинавского общества как о близком к древнегерманскому вообще, будучи подхвачено фашистской «наукой», не могло, конечно, получить у фашистов никакого дальнейшего настоящего научного развития, а подверглось чуждому всякому научному подходу к делу и всякой научной критике извращению в связи с теорией «высшей северной расы», якобы безупречно «чистой» и призванной господствовать над другими. И разумеется, у скандинавов, согласно этой псевдотеории признаваемых, на ряду с немцами, наилучшими представителями «северной расы», отражающими в себе das Echt-Rein-Urgermanische и т. п., фашистские «ученые» менее всего склонны видеть следы такого явления, как матриархат, который они, как и многое другое из истории доклассового общества, считают совершенно чуждым изобретенной и культивируемой ими «высшей расе».

3. Представители псевдонаучной «расовой теории», как, напр., F. K. Günther,[2] возводят наблюдаемые у германских племен следы материнского права к чуждым «северной расе» автохтонам Европы, т. е. приписывают влиянию извне то, что является результатом внутреннего развития общества. Надо сказать, что A. Bugge, хотя он и не является представителем «расовой теории», поступает аналогичным образом, говоря о высоком положении скандинавской женщины в эпоху викингов как о сложившемся под западным, кельтским, влиянием.[3] Он особенно подчеркивает значение этого влияния для Исландии. Последняя, действительно, имела тесные связи с кельтскими племенами Ирландии и Шотландии, но в отношении как положения женщины, так и пережитков матриархата здесь, надо думать, встретилось параллельное развитие с двух

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 34, Соцэкгиз, М.—Л., 1931.
[2] Kleine Rassenkunde des deutschen Volkes, стр. 102 и 110. Мюнхен, 1930 г.
[3] Ук. соч., т. I, стр. 41 сл.

разных сторон, находившееся у кельтов, повидимому, на более ранней стадии. Кроме того, насколько можно судить по древнесеверной литературе, исландские данные сходятся с теми, которыеу нас есть для Норвегии, а эта страна была значительно менее связана с кельтами, чем Исландия.

Когда те буржуазные авторы, которые не отрицают вообще следов материнского рода у германцев, говорят вместе с тем, что у этих племен они выражены слабее, чем у других в Европе,[1] то остается лишь указать на саги, на Эдду и другие литературные памятники скандинавского Севера, рассмотренные нами с точки зрения этого вопроса.

Политическая подоплека похода фашистов против теории матриархата собственно ясна: поскольку в глазах гитлеровцев высшее призвание женщины — узкая сфера домашнего хозяйства, они пытаются и здесь фальсификацией истории «освятить» свое глубоко реакционное, проникнутое мракобесием отношение к женщине.

Полагаю, что собранный здесь фактический материал можно считать достаточно убедительным даже при всяческой осторожности в смысле истолкования его значения и при строгом критическом подходе к нему. Он является в расширенном виде подтверждением того, что говорил Ф. Энгельс о наличии пережитков матриархата у древних скандинавов на основании одного примера, взятого из Эдды. Обследование всей остальной древнесеверной литературы показывает, что этот пример является в ее составе далеко не единственным и не изолированным; он — один из наиболее ярких и показательных среди множества связанных друг с другом фактов, на основании которых мы и вскрываем такие отношения родства, корни которых восходят к материнскому роду.

Akv. — Atlakviða.
Am. — Atlamál.
ASB. — Altnordische Saga-Bibliothek, изд. с 1892 г.
Bisk. — Biskupa Sǫgur, изд. G. Vigfusson, т. I и II. Копенгаген, 1858 и 1878 гг.
Bj. — Bjarnar Saga Hítdoelakappa, изд. R. C. Boer, Галле, 1898 г.
Eg. — Egils Saga Skallagrímssonar, изд. F. Jónsson, 1924 г. (ASB. III).
Eindr. ilbr. — Eindriða þáttr ilbreiðs.
Eir. — Eiriks Saga rauða, изд. G. Storm, Копенгаген, 1891 г.
Eyrb. — Eyrbyggja Saga, изд. H. Gering, 1897 г. (ASB. VI).
Fas. — Fornaldarsögur Norðrlanda, т. I—III, Копенгаген, 1829—1830 гг.
Flat. — Flateyjarbók, изд. G. Vigfusson и C. R. Unger, т. I—III, Христиания (Осло), 1860—1868 гг.
Flóam. — Flóammana Saga, изд. Th. Möbius и G. Vigfusson, Лейпциг, 1860 г. (Fornsögur, стр. 117—161).
Gís. — Gísla Saga Súrssonar, изд. F. Jónsson, 1903 г. (ASB. X).
Grág. — Grágás по списку Stadarhólsbók, изд. V. Finsen, Копенгаген, 1879 г. В настоящей работе цитированы следующие разделы: Erfða þ. — Erfða þáttr, о наследстве; Óm. b. — Ómaga bálkr, об опекунстве; Vígsl. — Vígslóði, об убийстве.
Grett. — Grettis saga Ásmundarsonar, изд. R. C. Boer, 1900 г. (ASB. VIII).
Grip. — Grípisspá.
Gunn. þiðr. — Gunnars þáttr þiðrandabana, изд. J. Jakobsen, Копенгаген, 1902—1903 гг. (Austfirðinga Sǫgur, стр. 193—211).
Hák. gam. — Hákonar Saga hins gamla.
Hamð. — Hamðismál.
Hárb. — Hárbarðsljóð.
Harð. Grímk. — Hardar Saga Grímkelssonar, Копенгаген, 1847 г.
Heið. — Heiðarvíga Saga, изд. K. Kålund, Копенгаген, 1904 г.
Herv. — Hervarar Saga ok Heiðreks konungs, изд. N. M. Petersen, Копенгаген, 1847 г. (Nord. Oldskrifter, т. III).
Hkr. — Heimskringla, изд. F. Jónsson, т. I—IV, Копенгаген, 1893—1900 гг.
Hrólfs kr. — Hrólfs Saga kraka.
Hyndl. — Hyndluljóð.
Høn.-þór. — Hønsna-þóres Saga, изд. A. Heusler, Берлин, 1897 г. (Zwei Isländergeschichten, стр. 1—26).

[1] M. Pancritius, ук. соч., стр. 879.

Isl. b. — Islendingabók, изд. W. Golther, 1892 г. (ASB. I).
Knytl. — Knytlinga Saga, Копенгаген, 1828 г. (Fornmannasögur, т. XI).
Korm. — Kormaks Saga, Копенгаген, 1832 г.
Kr. — Kristni Saga, изд. B. Kahle, 1905 г. (ASB. XI).
Landn. — Landnámabók, Копенгаген, 1843 г.
Laxd. — Laxdoela Saga, изд. K. Kålund, 1896 г. (ASB. IV).
Ljósv. — Ljósvetninga Saga, Копенгаген, 1830.
Lokas. — Lokasenna.
Msk. — Morkinskinna, изд. C. R. Unger, Христиания (Осло), 1867 г.
Nj. — Brennu-Njáls Saga, изд. F. Jónsson, 1908 г. (ASB. XIII).
Orkn. — Orkneyinga Saga, изд. G. Vigfusson, Лондон, 1872 г.
Reg. — Reginsmál.
Sig. sk. — Sigurðarkviða hin skamma.
Skáldsk. — Skáldskaparmál.
Sturl. — Sturlunga Saga, изд. G. Vigfusson, т. I и II, Оксфорд, 1878 г.
Sverr. — Saga Sverris konungs Sigurðarsonar.
Vápnf. — Vápnfirðinga Saga, изд. J. Jakobsen, Копенгаген, 1902—1903 гг. (Austfirðinga Sǫgur, стр. 21—72).
Vatnsd. — Vatnsdoela Saga, изд. W. H. Vogt, 1921 г. (ASB. XVI).
Víga-Gl. — Víga-Glúms Saga, Копенгаген, 1830 г.
Vǫls. — Vǫlsunga Saga, изд. M. Olsen, Копенгаген, 1906—1908 гг.
Yngl. — Ynglinga Saga.

Песни Эдды цитированы в настоящей работе по изданию F. Detter и R. Heinzel, Saemundar Edda, т. I и II, Лейпциг, 1903 г. Прозаическая Эдда, известная под названием Snorra Edda, — по копенгагенскому изданию 1847—1887 гг. (editio Arne-Magnusiana).

Résumé

E. Rydzevskaja

Sur les survivances du matriarcat chez les Scandinaves d'après les données de la littérature nordique ancienne

La question des survivances du matriarcat chez les anciens Scandinaves est encore très peu éclairée dans la littérature scientifique. En guise d'introduction à son travail, l'auteur donne une revue sommaire de ce qui a été publié sur ce sujet et un bref aperçu des conditions économiques et sociales de l'époque des vikings et de la littérature des sagas, dans lesquelles cette époque se reflète, ainsi que des autres monuments écrits utilisés par elle. Partant dans l'essentiel de l'opinion d'Engels du caractère archaïque du système de parenté en comparaison avec la famille, en particulier de la constatation par lui de survivances du système fondé sur la filiation féminine dans la société des anciens Scandinaves, elle présente toute une série de données de fait que mettent en lumière l'existence de ces survivances chez les anciens Scandinaves et confirment l'opinion d'Engels. Par là même se trouvent réfutées les assertions maintes fois formulées dans la science bourgeoise selon lesquelles le matriarcat serait un phénomène étranger aux tribus germaniques, comme le souligne avec une insistance particulière la «science» fasciste, qui passe sous silence ou dénature les faits incontestablement établis par les sources premières.

Е. Н. Студенецкая

К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в.

(По некоторым архивным документам)

1

Вопросам о роли рабства и специфике феодализма на Востоке, в частности в районах, где основой хозяйства является скотоводство кочевого или полукочевого характера, за последние годы уделялось значительное внимание, но материал, относящийся к народам Северного Кавказа, использован очень мало.

Данная статья написана в основном с целью опубликования некоторых исторических документов, изученных нами во время этнографической экспедиции в Балкарию и Карачай в 1934 г., и отнюдь не претендует на освещение вопроса в целом. Более полное освещение вопроса о феодализме и рабстве в Карачае в связи, с одной стороны, со специфическими особенностями феодализма в скотоводческом районе, с другой — с соседними, стоящими в исторической связи обществами Кабарды и, особенно, Балкарии, будет дано в подготовляемой нами более общей и обширной по размерам работе: «Социальный строй Кабарды, Карачая и Балкарии XIX—XX вв.». Однако более широкая постановка вопроса в этой работе не дала бы возможности детально развернуть архивный материал, представляющий значительную историческую ценность и еще не опубликованный.

В основу данной статьи положен следующий материал:

1. «Список крестьян, освобожденных от зависимости своих владельцев по распоряжению начальника округа», представляющий собою книгу без переплета и заглавного листа, разделенную на следующие графы:

Фамилия владельца и имена крестьян	Возраст		Норма выкупа	Уплачено по 1870 год
	М.	Ж.		
Байрамуков Магомед				
Джарашхан		40		
Сын ее Ибрай	7			

Графы о норме выкупа и особенно об оплате его заполнены в очень редких случаях. Имена владельцев часто повторяются в разных местах книги, и обычно каждое повторение соответствует одной семье крестьян, принадлежащих данному владельцу. Книга прошнурована и скреплена сургучной печатью. На последней странице следующая надпись:

«В сем списке пронумеровано, прошнуровано и печатью укреплено семьдесят два листа (72 листа)».

Января 14 дня 1870 года

Укрепление Хумаринское.

Мировой посредник Эльбрусского округа, сапер штабс-капитан

(подпись неразборчива).

Список охватывает пять селений так наз. Большого Карачая.

2. Вторым источником являются копии удостоверений об «освобождении от крепостной зависимости», выдававшихся «освобождающимся» крестьянам. К сожалению, в наших руках имелись только копии этих документов, напечатанные на машинке. Владелец документов говорил, что эти отпечатки сделаны с подлинника — книги, в которой были записаны по порядку данные тексты, очевидно, копии подлинных свидетельств, выданных на руки. По указаниям стариков, подобные свидетельства об «освобождении» хранились до самого последнего времени. Одно из таких свидетельств мы видели в Кабардино-Балкарии в Областном музее.

Эти документы хранятся в селении Хурзук.

К сожалению, условия работы в Хурзуке и, главное, краткий срок не позволили скопировать полностью все эти документы. В отношении списка произведены на месте следующие работы: сделаны подсчеты для производства статистического изучения и выводов; списаны поименно все владельцы с указанием количества их крестьян выписаны суммы выкупа с данными о численности семьи крепостного и т. п., выписаны наиболее часто встречающиеся имена крестьян-крепостных и рабов, интересные для нашего исследования. Что касается свидетельств об освобождении, то здесь были отобраны и скопированы полностью наиболее характерные из них, всего около 15. Свидетельства интересны для нас главным образом тем, что дают материал не только об условиях освобождения, но и о жизни освобождаемых до реформы.

Помимо указанных материалов, для выяснения и наибольшего понимания их мы пользуемся собственными полевыми записями и существующей очень ограниченной литературой. Наиболее ценный материал дают «Труды Комиссии по изучению землепользования в Карачае» [1] (так наз. «Абрамовская комиссия»), работы Сысоева, Иваненкова,[2] В. Миллера.[3]

---

[1] Труды Комиссии по исследованию землепользования и землевладения карачаевского народа. Кубан. сборн. № 15, 1910 г.

[2] Н. С. Иваненков. Карачаевцы. Изв. Общ. любит. изуч. Кубан. обл., вып. 5, стр. 25—91.

[3] Б. В. Миллер. В Карачае. Этногр. обозр., 1899, № 1—2, стр. 391—398. — Б. В. Миллер Из области обычного права карачаевцев. Этногр. обозр., 1902, № 1—3.

В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. Сборн. матер. для описания местностей и племен Кавказа. СМОМПК, т. III, стр. 1—156.

Г. С. Петров. Верховья Кубани — Карачай. Памятная книжка Кубан. обл. за 1880 г.

А. Н. Дьячков-Тарасов. Заметки о Карачае и карачаевцах. СМОМПК, т. XXV, 1898. Отд. I.

А. Н. Дьячков-Тарасов. В горах Малого и Большого Карачая. СМОМПК, т. XXVIII, 1900.

Галицкий. Очерки Карачая. СМОМПК, т. XI.

2

Что представляло собой общество Карачая времени отмены крепостного права, т. е. второй половины XIX столетия?

«Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя...»[1]

Исходя из этой классической формулировки К. Маркса, попытаемся рассмотреть общество Карачая XIX в.

Основными условиями производства для Карачая были земля и скот. Ведущею отраслью производства было скотоводство, а земледелие имело подсобное значение. Скотоводство имело полукочевой характер, отличалось экстенсивностью, строилось на приспособлении к природным условиям гор. В летнее время главная масса скота паслась в горах на альпийских лугах, а зимой спускалась на зимние пастбища, или вне пределов Карачая, или в самом Карачае, на так называемые tav-qьşlьq «таукышлыки», «горные зимние пастбища», расположенные на пригревах по южному склону гор. «Таукышлыки» — это участки (часто лесные поляны), включающие в себя сенокосы и выгоны. На таукышлыках проходила вся трудовая жизнь скотовода-карачаевца. Возле селения находились небольшие орошаемые участки пашен и сенокосов. Таковы были условия хозяйствования. Но в чьих же руках была земля? Каков был порядок землевладения? Поскольку мы имеем дело со скотоводческим районом, для нас наиболее интересным и определяющим моментом является отношение к землям, необходимым для ведения скотоводческого хозяйства. Такими землями являлись летние пастбища и особенно таукышлыки, а также орошенные сенокосы. На рассмотрении вопросов, связанных с владением этими угодьями, и необходимо заострить свое внимание.

Земли при аулах «saban» («сабаны») — орошенные пашни и «bicenliq» («биченлики») — орошенные сенокосы находились в частном подворном владении. В большинстве случаев двор представлял собою большую семью, описанную, в частности, у Б. Миллера.[2] Границы этих участков точно определялись каменными заборами или межами. Однако и здесь мы имеем косвенное указание на то, что эти земли когда-то также были общеродовыми. На это указывает прежде всего тот факт, что они расположены всегда вместе вокруг родового поселка. В Карачае до сих пор сохранились расселения родами. Каждое селение и сейчас делится на кварталы, носящие названия по имени живущего в нем рода. Например, квартал Байчоровых, квартал Дудовых и др. В прошлом такие родовые поселки были характерны только для свободных сословий — князей и караузденей. Кулы — крепостные и рабы — жили в кварталах своих владельцев, напр., кулы Касаевы — в квартале князей Дудовых, Курджиевы — в квартале караузденей Байрамуковых.

М. И. Венюков. Очерк пространства между Кубанью и Белой. Зап. Русск. Геогр. общ., 1863. 2.

О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области. Газ. «Кавказ», 1867, №№ 37, 38, 44, 50, 51.

Положение дела освобождения зависимых сословий в горских округах Кубанской области. Сборн. свед. о кавказских горцах, вып. I, 1868, Тифлис.

Алиев, Умар. Карачай. Ростов н/Дону. Сев.-Кав. книга, 1927.

Алиев, Умар. Карахалк. Ростов н/Дону. Сев.-Кав. книга, 1927.

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, изд. VIII, стр. 570. М., Партиздат, 1932.

[2] Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. Журн. «Этногр. обозр.», 1902, № 1—3. — Б. Миллер. В Карачае. Журн. «Этногр. обозр.», 1899, № 1—2.

Вторым фактом, подтверждающим существовавшую ранее родовую собственность на пашни и покосы, являлось преимущественное право покупки продаваемой земли, предоставлявшееся родичам или соседям, бытовавшее наравне с более поздним «адатом» о преимущественном праве покупки, предоставленном князю.

Право родича отразилось, между прочим, и в найденном мною документе, относящемся уже к 1914 г. Это — постановление третейских посредников о разделе имущества семьи Чотчаевых (архив Хурзукского сельсовета, книга сельских приговоров за 1914 г.). Одной из сестер был выделен земельный участок с таким условием: «Сестру ихним Инчулуцу выдать клочек земли под названием Кучбек-Артыхана за то, что братья распродали ее двух лошадей и двух быков, принадлежащего ей калымой Каппушевым. Она имеет полное право пользоваться клочек земли в вечное и потомственное владение, если она хочет продать, другому лицу ни продать кроме братьев» (орфография подлинника. *Е. С.*). Когда-то существовавшее общинное пользование этими землями выявляется и в следующем обычае: после того, когда снимался урожай, эти земли (пашни и орошенные сенокосы) предоставлялись для выпаса скота всего селения, для чего разгораживалась часть ограды.

Земли, входившие в подворную собственность, переходили из рук в руки и дробились путем наследования, дачи в калым, уплаты выкупа за кровь и продажи. Распоряжался ими глава семьи. На ряду с этим, мы имеем факты существования участков земли в собственности отдельных членов семьи, это полученные в калым земли, находившиеся в собственности и распоряжении женщины, за которую платился калым. Это естественно связывается с пережитками матриархата, при котором имущество жены-чужеродки не включалось в родовое имущество ее мужа. Подобные факты приводит Иваненков в статье «Карачаевцы».[1] «Бездетная вдова Татлыхана Албатова получила без завещания часть калымных и ее собственных земель, всего пять сабанов и три сенокосных участка. Теперь она проживает с Идрисом Ботшевым, который на имущество ее права не имеет. Она может завещать только калымные участки, а другие поступят после смерти в род мужа».[2]

Все вышесказанное относилось к пашням и орошенным покосам, находящимся при селении. Остальные земли — горные пастбища и сенокосы — номинально считались общественной собственностью. Повторяем, номинально, так как фактически, по рассказам стариков, в Карачае не было ни одного гектара общественного сенокоса. Наиболее влиятельные фамилии — князья и карауздени — сосредоточили в своих руках все лучшие горные сенокосные участки, служившие также зимним пастбищем, — таукышлыки. Многие из них назывались по фамилии владельца, напр., Джанашланы-тала — поляна Джанашевых, Гебенланы — Гебеновых, Богатыр-тала — поляна Богатыровых и т. п. Те летние пастбища, которые прилегали к таукышлыкам, принадлежали той же фамилии, которой принадлежал и таукышлык. Иваненков приводит факт, который он наблюдал в 1908 году, когда хозяева кышлыка силой сгоняли скот с прилегавших к кышлыку летних пастбищ: «сыновья Смаилы Бекирова Узденова захватили урочища Кысырла-Срюльген и согнали из захваченной земли скот Токму-Токмаева Каракетова».[3] Участок Кысырла Срюльген равнялся 789 десятинам, из которых 130 десятин — пастбище. Не только сами кышлыки впослед-

[1] Н. С. Иваненков. Карачаевцы. Изв. Общ. любит. изуч. Кубан. обл., вып. 5, стр. 43.

[2] Подобная женская собственность сохранилась и у соседних народов — балкарцев и кабардинцев. Она распространяется также и на скот, полученный в качестве калыма или свадебного подарка. Крепостная женщина имела собственный скот такого происхождения, который считался неприкосновенным даже для ее владельца (Кабарда). В Кабарде существовал особый термин для женской собственности, заключавшейся в скоте — «начег» — венчальный подарок, данный мужем в первую ночь (обычно корова) и «десерыг» — приданое жены. На эту собственность владелец, князь или уздень, претендовать не мог.

[3] Н. С. Иваненков. Карачаевцы. Изв. Общ. любит. изуч. Кубан. обл., вып. 5, стр. 37.

ствии служили объектом купли-продажи или, чаще, аренды, но даже за выпас скота на прилегающем пастбище владелец кышлыка брал плату по 20 коп. за корову и столько же за 5 овец (сведения Иваненкова, относящиеся к 1908 г.).

Первоначально кышлыки принадлежали целому роду, но впоследствии они дробились между отдельными семьями. Хозяин мог даже продать свой участок чужому, но только в том случае, если на него не претендовал сосед-родич. На то, что кышлык принадлежал раньше целому роду и использовался членами последнего совместно, указывали нам неоднократно старики в своих рассказах (Коркмазов Локман, Щидаков Батал в сел. Учкулан). На это же указывает и факт сохранения преимущественного права покупки кышлыка родичем.

Насколько сильны пережитки общеродовой собственности на кышлыки, доказывают даже списки владельцев таукышлыков, составленные Абрамовской комиссией в 1908 г., когда, конечно, землевладение изменилось: возросло, с одной стороны, дробление при наследовании, а с другой — усилилась концентрация земель в руках богачей. В это время отношения купли-продажи являлись господствующими. Но даже и в этих списках мы в подавляющем большинстве видим следующие обозначения: «Урочище Таурбад — владение Беджиевых», «Дзашерен-Кала — владение Айбазовых», «Индыш-Баши — владение Крым-Шамхаловых» и т. п., т. е. в графе владельцев указан целый род. В списках отражаются также моменты, когда одним кышлыком владеет несколько родов. Здесь возможны два варианта объяснения: первый — когда эти роды ведут себя от общего корня и считаются ветвями одного более древнего рода, или второй — когда владеют кышлыком сообща фамилии княжеская и его бывшие уздени или кулы, напр., урочище Коплар-Оль-Турген, принадлежащее князю Карабашеву и кулу Джукаеву. Или же кышлык кн. Дудова и кула Байкулова. До освобождения кулы не имели своих кышлыков, держали скот на земле владельца и кормили его сеном владельца. Наконец, несомненно более поздним и сравнительно редким явлением надо считать появление в этих списках индивидуального хозяина, напр., «урочище Саучиклы-Тала, Хаджи-Дигура Байкулова» (б. кул), очевидно, купленное им после освобождения. Это последнее наше утверждение справедливо в той мере, в какой относится к землям, находящимся в пределах старого Карачая. Это абсолютно не исключает широко распространенных фактов владения крупнейшими участками земли отдельными лицами за пределами Карачая, на смежных землях. Подобные участки были подарены царским правительством князьям и узденям за «заслуги». Жалованные участки имели, напр., ротмистр Хаджи-Мирза-Крымшамхалов — 1000 десятин, поручик Магомет Крымшамхалов — 300 десятин, Абдурахман Боташев — 200 десятин и др. Крупные участки вне пределов Карачая в более позднее время были куплены крупными хозяевами капиталистического типа, напр., Нана Хубиев — 400 десятин, Махмут Чагаров — 100 десятин, Тенибек Байчоров — 3000 десятин.[1]

Иногда кышлык еще числился общеродовой собственностью, но в пользовании им можно было наблюдать переходный момент разложения остатков общественной собственности. Каждая семья рода имела в кышлыке свой «пай». Этот пай нельзя было показать в натуре, он не был означен никакими границами, никакими видимыми отметками. Но пай того или иного хозяина и его удельный вес неминуемо проявлялись при сдаче кышлыка в аренду членам другой фамилии. В таком случае арендная плата раскладывалась между членами рода — хозяевами кышлыка — пропорционально этому невидимому паю, по списку, установленному старшими в роде. Так, напр., в кышлыке Айбазовых-Джумуртен один из Айбазовых имел право на 10 руб. полученной арендной платы, а другие — на 10 коп. Половина кышлыка была в руках двух крупных хозяев — Хаджи-Крым-Гирея и Хаджи-Магомета-Айбазовых. То, что границы паев не были озна-

[1] В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. XLIII, стр. 119—120, 123.

чены в натуре, только усиливало фактическое неравенство, так как, естественно, что более сильные семьи рода занимали лучшие места и даже нарушали формально сохранившееся родовое право, сдавая в аренду самостоятельно половину кышлыка, конечно, наиболее для них выгодную. Здесь же мы ясно видим проявление того закона, который охарактеризовал Ф. Энгельс в «Антидюринге»: [1] «Деньги прежде всего вводят, как это можно наблюдать в Индии, вместо общинной обработки земли, индивидуальную культуру; потом они приводят к тому, что пахотная земля, находящаяся в общественной собственности, разбивается на отдельные участки, с периодически повторяющимися переделами, а затем и к окончательному разделу земли; . . . наконец, господство денежного хозяйства вынуждает к такому же разделу еще оставшихся общинных лесов и лугов. Какие бы другие причины, коренящиеся в развитии производства, не содействовали этому процессу, все же деньги остаются наиболее сильным средством воздействия на общинный быт». Таким образом родовые пережитки в классовом обществе Карачая, как всегда, использовались господствующим классом в своих интересах. Труды Абрамовской комиссии, а еще более приложенная к ним карта и список владельцев, вполне дают представление о том, что лучшие земли Карачая были целиком в руках частных владельцев, главным образом князей и узденей. В руках князей и карауздеией в 1908 г. находилось 31 710 десятин земли (покосы и пастбища), в том числе 32% покосов и 32.5% выгонов всего Карачая. Кроме этого, они имели пашни и пользовались правом выпаса скота на летних общенародных пастбищах, о которых мы будем говорить далее. Размеры пашен и таукышлыков были различны. Размер пахотного участка колебался от $^1/_4$ до 5 десятин. Таукышлыки доходили до 1300 десятин. Иногда один хозяин имел несколько участков в разных местах.

Так обстояло дело с владением таукышлыками — основной базой карачаевского скотоводства. Остальные земли — летние пастбища (та часть их, которая не прилегала к таукышлыкам) — считались собственностью всего карачаевского народа. Здесь могли пастись стада всех карачаевцев, каждый мог ставить свои хижины для пастухов — коши — там, где хотел. Но наши материалы показывают, что общественная собственность на пастбища сохранилась в классовом обществе Карачая только номинально, и тем самым создавались условия, благоприятствовавшие наибольшей эксплоатации так наз. общественных земель представителями господствующего класса.

Земли для скотоводов имеют иное значение, чем для земледельцев, и осваиваются ими иначе, да и процесс создания земельной собственности в скотоводческих районах, по всей видимости, идет несколько иным путем. В данном случае земля воспринимается и осваивается через скот. Летние пастбища — собственность всех карачаевцев, но использовать их как собственность мог только имеющий скот и притом достаточное его количество, чтобы быть в состоянии организовать кочевку, построить кош для пастухов и т. п. Этот кош впоследствии мог быть использован любым скотоводом, пришедшим на пастбище первым (но случалось это очень редко), и при этом надо было возместить хозяину стоимость постройки.

Старики рассказывают, что при выходе на пастбище богатые хозяева посылали нескольких людей вперед и те занимали земли одновременно в нескольких местах: «в одном месте бурку бросит, в другом — коня привяжет, в третьем — сам сядет». На общественных пастбищах Бичесын были определенные места, где пас тот или иной хозяин по праву первой заимки. Но для того чтобы сделать эту заимку нужен был скот.

Такую сложную систему представляло собою землевладение в Карачае конца XIX в., носившее в себе следы нескольких ступеней развития земельной

[1] Ф. Энгельс. Антидюринг, стр. 317. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, 1931.

собственности. При анализе происхождения земельной собственности в Карачае мы видим, что право пользования постепенно превратилось в право владения (таукышлыки). Тот же самый процесс начался уже и в части общественных пастбищ, но еще не зашел так далеко, чтобы получить полное, так сказать юридическое, оформление. Этот процесс тормозился примитивным характером кочевого скотоводства, плохо мирящегося с тесными границами индивидуальных пастбищных участков. Вместе с тем форсирование этого процесса даже и не было в интересах крупных хозяев, так как владение скотом (и только оно) давало право использования общественных пастбищ, а скот находился в их руках. Однако неизбежен и здесь тот ход развития, о котором говорит К. Маркс в письме к Вере Засулич: «Частная поземельная собственность уже вторглась в нее (общину. *Е. С.*) в виде дома с его сельским двором (а для нашего материала — и пашней и покосом. *Е. С.*), и он может превратиться в крепость, из которой подготовляется нападение на общую землю. Это случалось. Но самое существенное — это парцеллярное хозяйство, как источник частного присвоения. Оно дает почву для сосредоточения движимого имущества, например — скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономию. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство. Он привносит чужеродные элементы, вызывающие в недрах общины конфликты интересов и страстей, способные подорвать общую собственность сперва на пахотные земли, а затем и на леса, пастбища, пустоши и проч., каковые, будучи однажды превращены в общинные придатки частной собственности, постепенно достанутся последней».[1]

Общественная собственность на летние пастбища в Карачае и являлась таким «придатком», который должен был постепенно перейти в частную собственность. Специфика района, связанная с преобладанием скотоводческого хозяйства, заставляет нас уделять особое внимание землям, имеющим для скотовода основное значение, т. е. таукышлыкам и летним пастбищам. Характерно, что почти все земельные споры в Карачае возникали именно из-за этих угодий, хотя владение пахотными участками было также неравномерно.

Но нас интересует также более ранний период, до «освобождения» крестьян. О чем говорят нам документы и живые свидетели?

И в этот период не только существовала собственность на землю того типа, который описан нами выше, но земля, как это показывают даже и позднейшие материалы, была сосредоточена в руках немногочисленной части населения — в первую очередь князей. Карауздень не мог продать своей земли, не предложив ее своему таубию — князю, хотя карауздени номинально и считались независимым сословием.

«...Каракиши свое недвижимое имущество без крайней нужды не может продавать; продающий землю должен предложить своему таубию купить ее и, если тот откажется, то предлагает покупку ее подвластным; затем продавший землю свыше, чем за 30 руб., дает своему таубию 10 руб.

«...Если два брата каракиши состоятельные и делят имущество, то дают землю своему таубию в 300 руб.

«...Если каракиши умрет и после него не останется прямого наследника, ни брата, ни родственника, то имение переходит таубию, которому принадлежал умерший».[2]

---

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, стр. 284. Письмо к Вере Засулич, 3-й черновик. М.—Л., 1928. II изд.

[2] «Натуральные обязанности каракишей (карауздеией) в Балкарии и Карачае, записанные в 1864 г.», опубликованные У. Алиевым в книге «Карахалк». По указанию Алиева, подлинник находится во Владикавказском архиве. Умар Алиев. «Кага-халк». Ростов н/Дону. Сев.-Кав. книга, 1927, стр. 47—49.

Остальные, так наз. зависимые, сословия жили на земле хозяина — князя или карауздеия — обрабатывали ее и платили ему за право пользования землею определенную долю трудом или продуктами. Об этом неоднократно упоминается в адатах об обязанностях кулов в сборнике под редакцией проф. Леонтовича.[1]

«12. Кулы и казаки (крепостные) за получаемую от старшины (владельца) землю должны обрабатывать поля, косить и свозить в дом старшины на своих ешаках.

«21. Кулы для старшины производят хлебопашество в особенном месте на пространстве земли, принадлежащем старшине, и когда уборка кончится, то все дочиста доставляют в дом старшины на его ешаках».

Зависимость этих сословий в первую очередь и заключалась в этой поземельной зависимости, типичной для феодализма. Однако развитие феодальных отношений в Карачае имело и некоторые особенности, связанные с сильно сохранившимися пережитками родового общества и спецификой скотоводческого хозяйства. Мы неоднократно встречаем в материалах как письменных, так и устных указание на то, что владельцы наделяли своих крепостных «ylgylyqul» не только землей, но и скотом. Сведения о зависимых сословиях Кубанской области, опубликованные в газете «Кавказ» за 1867 г.,[2] дают следующую картину. Скот крестьянина-крепостного делился на несколько частей. Основная часть — это данная владельцем в пользование крестьянину, передаваемая по наследству и целиком остающаяся у владельца в случае отсутствия наследника или при продаже крестьянина. Приобретенный трудом крепостного скот считался владельческим. Во всяком случае, владелец получал половину этого скота и его приплода, особенно если скот кормился сеном, снятым с владельческих земель. Только на скот, подаренный крестьянину или его жене (последней — как брачный подарок), крепостной сохранял права собственности. Кормление подаренного скота сеном владельца давало право последнему и на эту часть крестьянского скота. Ясно, что крепостной, не имея совсем или имея очень мало своей земли, неизбежно кормил скот сеном владельца, особенно при совместном с ним содержании скота на зимовках, что чаще всего и практиковалось. Кроме того, в покосное время крепостной работал все дни на хозяина, и все скошенное им сено считалось владельческим. Его собственным сеном считалось или скошенное им в праздничные дни, или скошенное руками его рабов. Характер наделения непосредственного производителя — крепостного крестьянина — скотом имеет и так наз. «ortaq», сохранившийся до самого последнего времени, использовавшийся кулачеством в своих интересах. Ортак, т. е. сдача скота на выпас бедняку с последующим разделом скота в тех или иных пропорциях между его хозяином и пастухом, является, по существу говоря, полуфеодальной формой эксплоатации.

Наделение скотом в условиях Карачая того времени по существу являлось косвенно и н а д е л е н и е м з е м л е й, вернее правом использовать землю — пастбища, номинально считавшиеся общенародными. Если прибавить к этому, что крестьянин пас свой скот вместе с господским в одном коше, то тем сильнее подчеркивается существование фактической собственности на пастбища, причем именно феодальной, где крестьянин пользуется землей, захваченной его владельцем, в зависимости от последнего и даже совместно с ним.

3

Таким образом мы видим в данном случае положение, когда непосредственный производитель имел в своих руках средство производства — скот, но был лишен главного условия труда — земли, которой мог пользоваться только из рук

[1] Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, т. 1—2. Одесса, 1882.
[2] Газ. «Кавказ», 1867, №№ 37, 38, 44, 50, 51.

владельца. Как мы знаем, такое положение неминуемо создает зависимость между хозяином земли и «хозяином» средств производства, выражающуюся в его закрепощении в различных формах. «. . . Во всех формах, при которых непосредственный рабочий является «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности необходимо будет выступать как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный: несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства».[1]

Мы имеем в Карачае и формы этого подчинения и сословную иерархию, связанную с земельной иерархией, т. е. признаки, типичные для феодализма. В Карачае XIX в. насчитывалось в основном четыре сословия:

1. «tav-bij» («таубии») — «горские князья» или, как их иногда называют в старых документах, «старшины». Таубии — землевладельцы, крепостники и рабовладельцы, первое сословие внутри Карачая, но отчасти стоящее в зависимости, в том числе и земельной, от кабардинских князей. Самыми значительными из таубиев были Крымшамхаловы, Дудовы, Карабашевы, особенно большую роль играли первые.

2. «qara-өzden» («карауздени») — свободные лично, но владеющие землями в зависимости от князя. Крупнейшие из карауздeней, напр. Баташевы, Хубиевы, Байрамуковы, имели очень значительные для Карачая земельные участки. По сведениям «Абрамовской комиссии», относящимся к 1908 г., Баташевы имели 1803 десятины, Байрамуковы — 803, Хубиевы — 2207 десятин таукышлыков; кроме того, у них у всех были сабаны — пашни и биченлики — сенокосы. У некоторых карауздeней, очевидно, кышлыков не было совсем, напр. у Бостановых, Семеновых. Возможно, что это объясняется довольно поздним происхождением этих фамилий, ведущих иногда свой род от русских солдат, бежавших в горы (Семеновы). Некоторые из карауздeней являлись и крупными владельцами рабов и крепостных: у Баташевых — 123 чел., у Байрамуковых — 193 чел., у Хубиевых — 173 чел. Крепостные карауздeней несли по отношению к своим владельцам те же обязанности, что и крепостные князей (эти обязанности будут описаны далее). Однако и сами карауздени были подвластны князю. Прежде всего они выполняли военную и придворную службу — участвовали в набегах, организуемых князем, и получали долю добычи; сопровождали князя в путешествиях и походах, составляя почетную свиту. Карауздень сопровождал князя верхом, хорошо вооруженный, в то время как раб шел пешком. Карауздени несли почетную службу при приеме гостей, и в частности князь ставил им гостей на постой. Карауздень помогал князю при уплате калыма, давал подарки к свадьбе, поминкам, праздникам. Карауздень являлся аталыком — воспитателем княжеских детей. В оплату за все эти услуги карауздень получал вознаграждение — часть калыма, полученного за дочь, князь раздавал узденям, дарил в приданое дочерям карауздeней какие-нибудь наряды, вознаграждал подарками и за прием гостей. Особенно щедро одаривалось аталычество, устанавливавшее отношения родственные между князем и карауздeнем — аталыком.

Обычно аталык получал в подарок землю, скот, коня, вооружение и пр. Но кроме этих, так сказать, почетных обязанностей, карауздень нес и трудовую повинность. Он должен был выставлять от себя человека на время пахоты, сенокоса, жатвы — по одному человеку от семьи, со своим скотом и инвентарем, возить для князя дрова, т. е. отбывать барщину. Зимой он должен был брать для ухода и прокорма одну скотину князя.

В данном случае мы имеем ренту отработочную, но вместе с тем существовала и рента продуктами. Карауздень давал князю часть зарезанной скотины, сваренного пива, сделанных сыров. В тех случаях, когда карауздень имел своих

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 569. Партиздат, изд. VIII, 1932.

кулов, барщина на князя выполнялась их руками; те же карауздени, которые кулов не имели, работали на них сами. Карауздени, которые имели кулов, часто сами работали вместе с ними в хозяйстве, что считалось совершенно недопустимым и неприличным для князя.

3. «ylgyly-qul» — законный, правовой или примерный раб.[1] «çolluqul»[2] или «cagar-qul». Все эти термины употреблялись для обозначения крепостных крестьян, сидевших на земле своих владельцев и отбывавших за это барщину и оброк. В некоторых случаях владельцы наделяли их также и скотом. Повинности их заключались в работе на владельца во время пахоты, сенокоса, жатвы, а также при постройке домов, сараев, кошей, доставке дров и пр. Крепостной отдавал владельцу долю от продуктов своего хозяйства. Мужчины работали в качестве пастухов, табунщиков и пр. Жены их выполняли домашнюю работу, а если у владельца не было рабыни прислуги «qaravaş» — «караваш», то по очереди исполняли ее обязанности. Крепостные имели семью, причем калым за них платил их владелец. Он же получал и львиную долю калыма за крепостную крестьянку. Семью крепостного нельзя было дробить при продаже. Крепостной имел право на приобретение на свои средства имущества как движимого, так и недвижимого (с некоторыми ограничениями), наконец, некоторые крепостные имели рабов. По происхождению крепостные в большей части были военнопленные — рабы или их потомки, впоследствии посаженные на землю. Некоторое, хотя, очевидно, небольшое место среди них занимали бывшие свободные крестьяне, по бедности и за долги попавшие в кабалу.

Старики в большинстве случаев указывают, что «ylgyly-qul'ы» происходят от рабов, очевидно, с разложением родового строя, по мере роста землевладения и рабовладения, наблюдался следующий процесс: некоторая излишняя в домашнем хозяйстве владельца часть рабов получала от него надел за определенные повинности, долю урожая и т. п. В фольклоре мы находим указание на «ортак» на землю, т. е. наделение крестьянина его владельцем землей. Крестьянин должен был ее обрабатывать, засевать и отдавать хозяину долю урожая. Сдача земли на подобных условиях наблюдалась вплоть до революции.

4. «ylgysьz-qul» или «başsьz-qul» или «çolsьz-qul» «Сыз» — обозначает отрицание; таким образом, «ylgysiz-qul» можно перевести как «не имеющий права, обычая», «başsьz-qul» как «безголовый раб» — в смысле не имеющий рода, семьи, имущества, бездомный раб; «çolsьz-qul» — «не имеющий права». К женщинам,

---

[1] «ylgy» — «пример», «образец», «правило», «обычай», закон». Понятие «обычай», «закон» чаще передается словом «adet», вошедшим в русскую литературу и в официальные документы. Это слово применялось и при обозначении категорий крепостных и рабов. Адатными крестьянами в документах называли крепостных, а безадатными — рабов. Там же встречается выражение «обрядный» и «безобрядный» холоп.

[2] «çol» обычно понимается в значении «путь», «дорога», но в статье «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области», газ. «Кавказ», 1867 г., № 37, приводится термин «джолукул» (русским алфавитом) и переводится как «правный» крестьянин, в противоположность «джолсыз» — «бесправному» крестьянину, рабу. Автор заметки производит этот термин от приводимого им карачаевского слова «джолла» — обряд, обычай. Если принять это толкование, то все термины, как приводимые мною выше «ylgylyqul» и «çolluqul», так и принятые в документах выражения «адатный», «обрядный» крестьянин, сводятся к одному понятию «правового», «законного» крестьянина в смысле имеющего закон, право. Этому соответствует и грамматическая форма с применением суффикса ly, lu, указывающая на обладание тем или иным свойством. Термины «ylgyly-qul» и «ylgysiz-qul», записанные мною во время полевой работы в Карачае и приводимые в литературе (Труды Комиссии по исследованию землепользования и землевладения карачаевского народа. Кубанский сборник № 15, 1910 г.), совершенно не встречаются в Балкарии и даже не понимаются, несмотря на общность языка. «ylgy» в том же смысле, что и в карачаевском языке, употребляется в алтайском и шорском языках (Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий», СПб., 1893 г., т. I, стр. 1857—1858) в написании по Радлову «ÿlga», «ÿlgy». Сравнить «ÿlÿ» — часть, доля, надел (кумандинцы, телеуты), «ÿlÿш»-«ÿlÿc» — часть, доля, надел (шорцы, кумандинцы, османы) и особенно «ÿlÿk» — удел, надел, пай. Отсюда «ÿlÿklik» — «имеющий надел» и «ÿlÿkciс» — «не имеющий надела» — в уйгурском языке (там же, стр. 1850—1852).

помимо вышеуказанных общих терминов, применяется выражение «qaravaş», обозначающее прислугу. Это рабы, не только не владеющие средствами производства, а, наоборот, являющиеся сами средством производства. Они не имели никакого движимого или недвижимого имущества, жили при дворе владельца, выполняя всякую поручаемую им работу. За это они получали пищу и одежду (обычно — обноски хозяев). Их можно было продавать в розницу, и владелец был властен даже над их жизнью. Столетний старик Барак-Гогуев из селения Хасаут сообщил такой случай: «Князь Джераштиев Юсуф имел у себя кула, который не хотел на него работать и бежал, взяв лошадь. Князь Юсуф догнал его в местности Акджар-Сырты и убил. Голову отрезал, положил в сумку, привез в Хасаут и отдал матери убитого со словами: «берите и кушайте». Рабов не только продавали, но давали в калым, в приданое, в качестве выкупа кровнику (сообщил Богатыров Мекка из аула Терезе). Кулов также давали гостю в подарок. За ослушание раба привязывали к столбу посредине селения, и каждый проходящий обязан был его бить. Рабы не имели семьи, не могли заключать законного брака, а в случае рождения у рабыни детей, последние принадлежали владельцу матери. Имя их отца (которым часто являлся сам владелец) считалось неизвестным.

Характерно, что, поскольку раб являлся сам средством производства, он мог быть и у крепостного крестьянина. Таким образом мы имеем еще категорию «qulnu-qulu» — «раб раба», вернее раб крепостного. Контингент рабов пополнялся путем покупки или чаще похищения детей у соседних племен. Набеги на соседние племена ставили определенную цель — приобретение скота и рабов. Позднее эти набеги выродились в кражу детей с целью обращения в рабство и для работорговли. Ряд фамилий кулов и сейчас ведет свою родословную от таких пленных или похищенных, главным образом, сванов. Это, напр., Курджиевы, Байкуловы, Гергоковы, Цулукмановы, Гогуевы. Некоторые из них, в частности Гогуевы, впоследствии были превращены их владельцем из рабов в крепостных, т. е. наделены землей и скотом. В числе пленных были русские, также превращавшиеся в рабов. Но существуют рассказы о русских, которые сами бежали в горы и получили права караузденей, напр., Семеновы, Микетоновы. Торговля рабами была развита на побережье Черного моря и в Кабарде; пути ее шли через Карачай. Естественно, что и в самом Карачае рабство не могло не иметь значительного веса как в отношении торговли рабами, так и в отношении применения рабского труда. Рабский труд применялся в основном производстве — скотоводстве; рабы работали в качестве пастухов, косцов, при стрижке овец и т. п., а также и в домашнем хозяйстве. Домашняя работа лежала, главным образом, на плечах женщин-рабынь (приготовление пищи, уборка, личные услуги). Владельцы, особенно если это были князья, считали для себя позором какую-либо работу. Женщины-рабыни обрабатывали продукты скотоводства, выделывали сукна, кошмы и проч. для нужд хозяйства владельца. Весьма возможно, что среди рабов были и люди, специализировавшиеся на каком-либо ремесле, хотя прямых указаний на это наши материалы не дают.[1]

Потребности феодалов в значительной степени удовлетворялись товарами, привозимыми из Закавказья, Турции, Крыма и России в обмен на продукты скотоводства и, отчасти, рабов.

Однако не следует преувеличивать роли рабства. Несомненно, рабская сила никогда здесь, в Карачае, не являлась господствующей, и исторический путь шел по линии разложения доклассового общества в сторону его феодализации. В процессе разложения родового общества рабство несомненно сыграло значительную роль и сохранилось в Карачае на ряду с процессом феодализации, причем имело довольно серьезное значение.

[1] Материалы, указывающие на существование рабов-ремесленников в Кабарде и Балкарии, встречались нам в Областном архиве в Нальчике.

Как видно из изложенного, структура карачаевского общества XIX столетия сложна и многоступенна. Разнообразны и многочисленны нити прав и обязанностей, связывающие ту или иную группу населения с князем. Эти явления характерны для ранних ступеней развития феодализма, что отмечалось (на германском материале) Ф. Энгельсом, в его письмах. Говоря о «втором» издании крепостного права в Германии в XVI столетии, Энгельс подчеркивает: «Характерно также, что в то время как в средние века степени зависимости и крепостничества были бесчисленны... после Тридцатилетней войны это становится поразительно просто».[1]

Это же явление наблюдалось и на первых ступенях развития русского феодализма. На Кавказе мы находим такую многоступенность в Балкарии, Кабарде и др.

4

Охарактеризовав таким образом карачаевское общество к моменту, предшествовавшему датировке наших документов, мы можем перейти к опубликованию самих документов и выводов из них. Эти выводы подкрепляют и дополняют изложенные выше установки, почерпнутые нами из критического рассмотрения литературы и из непосредственно собранных на месте этнографических материалов.

Что может дать нам вышеописанный список владельцев? Прежде всего, надо отметить его существеннейший недостаток, свойственный также почти всей старой литературе. В списке не отделены рабы от крепостных. В данном случае они все одинаково названы «крестьянами», в то время как в старой литературе чаще всего встречается термин «рабы», разделенные на «правовых» и «бесправных» или «адатных» и «безадатных». Бесправные или безадатные крестьяне — это и есть «başsьz-qul» — рабы. Для наших целей и установок естественно было бы более ценным выделение тех и других как явлений совершенно разного порядка. Однако список этого не позволяет сделать.

По общему подсчету количество карачаевцев-владельцев равняется 554 чел., что составляет 3.5% населения аулов селений, перечисленных в списке. Количество записанных в них крестьян равняется 2425 чел. С этими данными списка интересно сопоставить цифры, приведенные в заметке «Положение дела освобождения зависимых сословий в горских округах Кубанской области».[2] Сведения в этой заметке даны по Эльбрусскому округу. Этим объясняется некоторое расхождение данных с нашим списком, охватывающим не весь Эльбрусский округ. По материалам заметки числилось зависимых 2793 чел., из них рабов — мужчин 292, женщин — 293. По отношению к рабам в заметке применяется кабардинский термин «унаут», однозначащий с карачаевскими «ylgysiz-qul» или «başsьz-qul». Крепостных числится 1134 мужчин и 1014 женщин. К крепостным также применялся кабардинский термин «пшитль», соответствующий карачаевскому «ylgyly-qul». По этим материалам 23% зависимых составляют рабы и 77% — крепостные. Семейств владельцев, имеющих рабов — 288, имеющих крепостных — 346. В среднем на семью владельца приходится 2.2 рабов и 6.2 крепостных. Отсюда мы можем заключить, что рабство имело все же значительный вес. Цифры «заметки» позволяют провести разделение между рабами и крепостными, определить их соотношение и удельный вес и в этом отношении являются ценным дополнением к материалам списка. Указанное

---

[1] Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 1932 г., т. XXIV, стр. 601. Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу.

[2] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868 г., вып. 1, стр. 53—54.

в списке количество крестьян составляет в отношении ко всему населению селений, входящих в список (Карт-Джурт, Хурзук, Учкулан, Джаолык, Даут) 15.3%. Эта цифра, очевидно, преуменьшена. Алиев в «Карахалке» дает цифру 16%, Тамбиев — 30%. Последнюю цифру приводили мне и старики на местах.

Если мы обратимся к цитировавшимся ранее трудам Абрамовской комиссии, то в объяснениях комиссии в ответ на заявления владельцев о сохранении за ними принадлежащих им земель, мы находим следующие строчки: «Русское правительство... хорошо было осведомлено о крепостном праве в горских племенах и сопряженном с ним правоотношении сословий. Правительство во всех письменных документах и переписках так и именовало высшее сословие аульными владельцами... Если, как утверждают землевладельцы, граф Евдокимов имел в виду исключительно высшее сословие, то несомненно он... обратился бы непосредственно к маленькой горсти «биев» и «уздене́й», как к господствующему классу..., игнорируя в этом отношении подавляющее большинство карачаевцев, которое, по свидетельству тех же землевладельцев, было для высшего слоя не более, как простым имуществом» [1] (разрядка наша. *Е. С.*).

Само собой разумеется, что 15% нельзя назвать «подавляющим большинством». Чем же объяснить эту преуменьшенную цифру? По всей вероятности, списки не полны. Там мы находим крестьян — крепостных и рабов, «освобожденных» по приказу начальника округа. Но современники «освобождения» отмечают, что значительное количество крестьян было освобождено до приказа. «Освобождение» крестьян в России в 1861 г. и носившиеся в течение ряда лет слухи о распространении реформы на Кавказ несомненно вызвали смятение среди владельцев. Последние в ряде случаев прибегли к «освобождению» до приказа. И ранее было известно «освобождение» по религиозным соображениям, «на помин души», и существовала категория вольноотпущенников — «azat». В данном случае досрочное «освобождение» отчасти прошло тоже под флагом религиозных соображений и без выкупа, а, с другой стороны, досрочное «освобождение» «по старому обычаю» позволило наложить еще более кабальные условия как в смысле выкупа или заменяющей его отработки, так и в смысле деления имущества «освобождаемого» между ним и владельцем. О досрочном «освобождении» свидетельствуют также устные рассказы стариков. «Один из Крымшамхаловых сам отпустил десять дворов, а остальных государь отобрал» — говорили мне во время моей поездки (Коркмазов Локман в Учкулане).[2] Абрамовская комиссия, говоря о «подавляющем большинстве», очевидно, подразумевала не только кулов. Мы уже знаем из ранее приведенных материалов, что карауздени были, так сказать, двойственны — с одной стороны, они лично свободны и сами в некоторых

[1] Труды Комиссии по исследованию землепользования и землевладения карачаевского народа. Кубан. сборн. № 15, 1910, стр. 266.

[2] В связи с этим небезинтересно привести следующие данные: из сведений, находящихся в Архиве Черкесского научно-исследовательского института (дело 18, стр. 19), в Балкарии до «освобождения» числилось крепостных («логонапутов») 4020 чел., из которых освобождены «до объявления начальства о дарованной им свободе 1885 чел.». Возможно, что подобные же факты имели большое значение и в Карачае. Во время поездки 1936 г. нам удалось ознакомиться с посемейными списками по сел. Карт-Джурт — одному из типичнейших селений Старого Карачая (хранятся в сельсовете). В этих списках указывается принадлежность к бывшим сословиям. Процентное соотношение таково:

	Семейств (%)	Человек (%)
Таубии	1.5	1.4
Уздени	42.0	53.4
Азаты (вольноотпущенники)	37.2	31.5
Кулы	19.5	13.6

Если учесть, что азаты это бывшие крепостные, а также то, что особенно участились случаи отпуска на волю в середине и второй половине XIX в., то, очевидно, в начале XIX в. процент крепостных был больше.

случаях являются владельцами земли и кулов, с другой стороны, они несут ряд повинностей перед князьями и землей владеют в зависимости от последних.

Что представляло собой это сословие? По нашему мнению, это бывшие свободные крестьяне, общинники, начинавшие раскалываться и выделяющие, с одной стороны, эксплоататоров-землевладельцев и рабовладельцев, а с другой стороны — трудовое сословие, попавшее в зависимость к землевладельцам. Обе эти категории находились в подчинении у князей, юридически в равной степени, но фактически, особенно в бытовом отношении, крупные карауздени были почти равны князьям и близки к ним. Одним из основных моментов расслоения караузденей, вероятно, было владение землею, а также рабами. Возвышение караузденей облегчалось участием их как дружинников в княжеских набегах и дележе добычи, а также аталычеством — воспитанием княжеских детей. По рассказам стариков, не только карауздень, но даже кул, воспитывавший ребенка владельца, получал от него права, некоторое имущество «и становился во всем равным хозяину», т. е. освобождался. По спискам можно насчитать, приблизительно, 80% караузденей, не владевших кулами. Однако делать из этого вывод, подтверждающий высказывания Умара Алиева, что карауздени были в ц е л о м трудовым сословием, все же нельзя. Подавляющее большинство фамилий владельцев рабов и крепостных по списку — узденьские. 75% кулов находилось в руках караузденей. Некоторые фамилии караузденей и даже отдельные владельцы обладали большим количеством крестьян, в то время как имелись княжеские фамилии, имевшие незначительное количество кулов (Карабашевы — 38 чел.). 20% караузденей владело 75% кулов. Наиболее крупными владельцами были князья Крымшамхаловы (400 чел.), кн. Дудовы (166 чел.); карауздени — Байрамуковы (113 чел.), Боташевы (113 чел.), Хубиевы (173 чел.), Чотчаевы (89 чел.), Узденовы (79 чел.). Количество крестьян в руках одного владельца также доходило до довольно крупных для Карачая цифр. Князья: Крымшамхалов Коншаубий — 145 чел., Крымшамхалов Асланбек — 54 чел., Дудов Мурзакул — 59 чел., Дудов Тапу — 22 чел., Дудов Пшемахо — 17 чел., Карауздени: Байрамуков Мусса — 24 чел., Коркмазов Туган — 27 чел., Хубиев Тапу — 15 чел., Кабанов Хаджи-Магомед — 16 чел., Боташев Коншауко — 14 чел.

Наличие большого процента караузденей, которые хотя и находились в земельной зависимости от таубиев и платили им ренту отработочную и ренту продуктами, но еще не были лично закрепощены, указывает на то, что процесс феодализации данного общества еще не был завершен. Карауздени, в прошлом свободные крестьяне-общинники, в XIX столетии переживали процесс дифференциации. С одной стороны, они платили таубиям ренту и в известной степени были подвластны им, но, с другой стороны, из их числа вырастали крупные землевладельцы, превращавшиеся в мелких феодалов, владевшие крепостными и рабами. Это не освобождало их от обязанностей барщины на таубия, но последняя выполнялась руками их крепостных и рабов, на которых, таким образом, лежала двойная нагрузка.

При рассмотрении процесса феодализации Карачая в XIX в. нельзя не принимать во внимание того, что значительная часть его проходила уже после завоевания Карачая царской Россией. В условиях Кабарды это влияние завоевания сказалось в том, что повинности, которые несло крепостное и закрепощаемое свободное крестьянство, приняли более определенный и тяжелый характер, что отразилось и в собираемых по распоряжению властей адатах.[1]

Такое же явление можно наблюдать и в отношении выявления и оформления обязанностей, лежавших на карауздeнях (каракиши) Балкарии и Карачая. Политика царского правительства в завоеванных областях включала создание и укрепление привилегированных сословий как опоры царизма. С другой стороны, царское правительство боялось слишком большого влияния и авторитета

[1] См. Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, т. 1—2. Одесса, 1882 г.

князей-владельцев (особенно в Кабарде) и старалось выдвинуть и возвысить стоящее ниже дворянство — уорков, соперничающих с князьями. Эта политика, со своей стороны, могла способствовать и выдвижению отдельных фамилий караузденей в Карачае. Таким образом завоевание Карачая усилило процесс дифференциации караузденей, отмеченный нами выше.

Подавляющее число владельцев по списку — мелкие. На одного владельца в среднем приходилось не более 5 чел. Основная масса (317 владельцев) имела от 1 до 3 чел., 171 — от 3 до 10 чел. и 40 — свыше 10 чел.

Такое дробление, характерное для Кавказа, и в других местах (Кабарда, Балкария, Грузия) еще более отягощало положение зависимых сословий, которые кормили своим трудом подчас огромные разросшиеся семьи владельцев.

Заканчивая обзор стороны, касающейся владельцев, отметим также, что если сравнивать два списка — один, анализируемый нами, и другой — список землевладельцев (владельцев кышлыков), составленный в 1908 г. Абрамовской комиссией, но в основном отражающий землевладение, сложившееся еще до 1867 г., то мы весьма часто видим совпадение крупных владельцев крестьян с крупными землевладельцами, что, конечно, вполне естественно и подтверждает наши выводы.

Перейдем теперь к тем данным, которые нам дают списки о кулах. Еще на месте, т. е. ориентируясь на общую цифру 2663 чел., мы разбили их на 3 категории. Возраст до 14 лет — в основном все же нерабочий и полурабочий, от 14 до 50 лет — вполне рабочий и от 50 и выше — полурабочий. Оказалось, что мы имеем 959 чел. (30%) до 14 лет включительно, 137 чел. (5%) старше 50 лет и 1567 чел. (64%) рабочего возраста. Эти цифры, несомненно, не вполне обычны и очень любопытны. К этому следует еще прибавить, что среди 1-й группы (до 14 лет) очень много одиночек, т. е. не входящих в состав семьи.

На что указывает столь высокий процент малолетних рабов? Во-первых, на поощрение рождения рабов, что вполне естественно со стороны владельцев, желавших умножить количество своих кормильцев. Мы знаем, что рабы не имели права на брак постоянный, а только на временное сожительство, причем дети доставались владельцу матери. По собранным нами рассказам стариков, были случаи, когда женщина-рабыня «qaravaş» давалась «в ссуду», во временное пользование другому владельцу с тем, что «ребенок поступит ее владельцу», т. е. на тех же, примерно, условиях, на которых сдавался в аренду скот. Упоминания о подобных фактах есть и в литературе. Во-вторых, мы думаем, что преобладание детей, особенно многочисленность детей-одиночек, связано и с похищением детей как одним из основных способов получения рабов. Планомерные набеги на соседние племена были обычным занятием горских князей и их дружинников-узденей.

Целью набегов были скот и рабы, это отразилось даже в фольклоре. «Князь Тамма пошел в поход. Князю Тамма нужны невольники и скот» и др. Рабы играли большую роль в хозяйстве владельца и представляли выгодный предмет торговли.

Как мы отмечали выше, наиболее ценилось похищение маленького ребенка, достигшего 5 четвертей. Для такого ребенка-раба существовал даже особый термин — «beşqarış-qazaq» (пяти четвертей раб). Интересно, что в языке других народов (черноморские черкесы) мы находим аналогичный термин. При продаже детей-рабов их тоже мерили, причем каждая лишняя четверть роста (свыше 5) ценилась в 50 р. Какие преимущества имело похищение такого ребенка? Трудность его побега, полная беспомощность и невозможность установления каких-либо связей с родными. Ребенок, выросший с детства как раб, своим воспитанием обеспечивал покорность и умение работать. Но едва ли не основным моментом является следующее: для карачаевских князей и узденей набег диктовался не только экономическим, но также и «спортивным» интересом — показать свою удаль и молодечество. А наиболее трудным делом являлось именно похищение из дома такого мальчика, который еще не является пастухом на кошах, не ходит далеко от селения, где было бы легко его захватить. Возможно, что в связи

с этим этот термин имеет, по нашим данным, применение только к мальчикам, а не к девушкам, более замкнутая жизнь которых как раз начинается с периодом половой зрелости.

Подчеркнем, что наличие к 1867 г. большого количества одиночек-подростков указывает на то, что самое похищение было в полном расцвете вплоть до 60-х годов прошлого столетия. Вряд ли можно считать, что дети-одиночки приобретались покупкой. Во-первых, покупка рабов карачаевцами для себя практиковалась редко, а во-вторых, выгоднее купить более старшего, т. е. готового работника.

Теперь перейдем к рассмотрению цифры крестьян старше 50 лет. Кавказские народы вообще, а горцы в особенности, отличаются долголетием. Столетние старики и до сих пор нередки, и нам во время поездки приходилось беседовать со стариками 115—125 лет. Однако в списке процент лиц старше даже 50-летнего возраста очень невелик, а старики лет 70 представляют совсем редкое явление.

Чем это объяснить? Вряд ли можно предполагать, что в 60-х годах долговечность карачаевцев была более редкой. Нам думается, что здесь мы имеем отражение двух фактов. Во-первых, рассказы и описания бытовых условий крепостных крестьян, а особенно рабов, питавшихся объедками, живших на дворах, в сараях и хлевах со скотом своих владельцев, подсказывают вывод о более ранней смертности рабов и крепостных. Во-вторых, здесь возможно и другое положение: крепостной, а особенно раб, выживший из рабочего возраста, представлял не ценность, а лишнюю обузу, и естественно, от него хотели избавиться. Между тем всякий отпуск на свободу раба приносил или деньги или скот, в качестве выкупа, или славу на земле и «рай» на том свете, если раб освобождался без выкупа, из религиозных соображений. Отсюда возможно объяснение отсутствия стариков в списках крепостных и рабов просто тем, что они, по достижении определенного возраста, на том или ином условии отпускались «на волю». Понятно, что такой отпуск на волю равнялся изгнанию и приводил к нищете и голоду «освобожденного». Характерно, что случаи, когда в списке значатся глубокие старики, всегда отмечаются при наличии большой семьи у самого старика.

Какой материал дают списки для суждения о характере семьи крепостных и рабов? Здесь необходимо напомнить, что о семье в полном смысле слова мы можем говорить только у крепостных, рабы же официально не имели отца, и родство учитывалось только по материнской линии. Средний размер семьи по списку исчисляется в 4.3 чел. Однако мы имеем в некоторых случаях (очень редко) семьи, доходящие до 12 чел., причем даже в такой семье только 4 чел. в рабочем возрасте. Чаще всего крепостная семья состоит из мужа, жены и 1, 2, 3 детей, а семья рабов — из женщины с детьми. В противовес семьям крепостных, семьи владельцев были многочисленны и представляли собой так наз. «большую семью», причем величина семьи увеличивалась с зажиточностью. Наконец, списки дают нам сведения также и о делении зависимых крестьян по полу. Если мы возьмем тот же критерий рабочего возраста, то по спискам мы имеем 700 женщин из 1567 чел. этого возраста, т. е. 41%. Это исключает обычные в литературе предположения о том, что рабство здесь было женским, что рабыня ценилась только как наложница и что торговля шла только по линии снабжения «гаремов». Однако здесь недостаточен материал списков, и мы вынуждены обратиться к упоминаемым выше материалам записки о «положении дела освобождения» и т. д. Дело в том, что в данном случае для нас, конечно, имеет значение то разделение на рабов и крепостных, которое отсутствует в списке.

И вот здесь мы находим существенные особенности в соотношении мужчин и женщин среди крепостных и рабов. У первых мы имеем цифры: мужчин 1134 чел., женщин 1014 чел., т. е. обычное для всего Кавказа преобладание мужчин, связанное с большей смертностью женщин и детей женского пола вследствие тяжелых бытовых условий. Но в отношении рабов мы имеем другие цифры, а именно мужчин 292 чел., а женщин 353 чел.

Следовательно, в настоящем случае женщина более ценилась и береглась, а также, возможно, служила чаще и объектом похищения, так как, помимо ее рабочей силы, она ценилась в первую очередь как производительница, а затем как предмет наслаждения, часто самого владельца, и, наконец, как выгодный товар.

Эти соотношения повторяются и для других округов Кубанской области, причем преобладание женщин среди рабов в других районах оказывается гораздо более резким. Женщины составляют иногда почти $^2/_3$ всех рабов. Это, очевидно, связано с тем, что для кубанских черкесов роль торговли рабами была значительно больше, чем для карачаевцев, а женщина-рабыня всего чаще являлась здесь предметом торговли.

Помимо статистических подсчетов и сделанных на их основании выводов, которые приводятся выше, список дает нам еще другой материал для характеристики правового и бытового положения кулов.

В списке перечисляются поименно все владельцы и все их кулы. Первое, с чем мы сталкиваемся, — это отсутствие фамилий у крестьян не только рабов, но и крепостных. В списках фигурируют только имена. Фамилии кулы официально получили только после освобождения. После освобождения многие из кулов принимали фамилии своих хозяев. Подобные факты неоднократно приводятся в литературе. Например, Б. Миллер говорит об узденях Узденовых и кулах Узденовых, живущих в том же квартале.[1] Сысоев[2] приводит фамилии крестьян — Аджиев, Карабашев, Шидаков, Текеев и т. д., т. е. фамилии, по существу, уздень-ские и даже княжеские. Карабашевы, очевидно, это бывшие крепостные и рабы соответствующих дворянских родов, которые впоследствии, после «освобождения», приняли фамилию своего бывшего владельца. И сейчас существуют, напр., Байчоровы — бывшие уздени и Байчоровы — бывшие кулы. Это, однако, отнюдь не означало какого-либо смешения или сближения, так как даже до сих пор мальчики-школьники знают, к какому сословию принадлежали их родители.

Бесправие кулов отразилось и в их именах. В списках мы видим два в корне различных ряда имен. С одной стороны, имена владельцев — обычные мусульманские имена, напр., Муса, Махмуд, Ацильгирей, Хасан и др., и рядом имена кулов, совершенно отличные, очень редко совпадающие со списком владельцев. Почти всегда ясна семантика их внутри данного языка, и по значению их можно разделить на несколько групп.

Значительный интерес для нас представляют имена, показывающие, по всей видимости, использование рабочей силы крепостных и рабов. К числу таких относится очень часто встречающееся мужское имя «Qojci» — «пастух овец» и несколько реже «tuarcь» — «пастух крупного рогатого скота». Кстати, следует напомнить так часто встречающееся в литературе суждение о невозможности применения рабского труда в скотоводстве в виду того, что в условиях скотоводческого хозяйства труден присмотр за рабом-пастухом, и он может бежать. Это суждение опровергается и фактами, приводимыми в рассказах стариков, и существованием и большим распространением подобных имен.

Дальше идут имена, тоже характерные именно для крепостных и рабов, подчеркивающие роль их в благосостоянии семьи: «xajьr-qьz» — «полезная девушка». Очень часты имена-клички, очевидно данные по происхождению раба или по его внешним данным. К первым относятся, напр., «tav-qьz» — «гора девушка», «ṣaxar-qьz» — «городская девушка», «qonaq-qьz» — «гость-девушка», а то и просто «tyrly-qьz» — «разная девушка», или даже «baṣxa» — «другая».

---

[1] Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. Этногр. обозр., 1902, № 1, стр. 3.

[2] В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. Сборн. матер. для описания местностей и племен Кавказа, XLIII, стр. 129.

Ко вторым: «qьz-ariv» — «девушка красивая», «sarьsac» — «рыжеволосая», «kөk-qьz»[1] — «серая» или «небо-девушка», «aq-baş» — «белоголовый», «qaraqulaq» — «черноухий», «tylky-qьz» — «лиса-девушка» и др. Встречаются и еще более странные и насмешливые имена: «ton-qьz» — «шуба-девушка», «tujme» — «застежка», «toqmaq» — «колотушка» и др.

Интересно, что ряд подобных имен, напр., «ariv-aqbaş» и пр., очень часто применяется к домашним животным, в частности коровам. Это еще больше подчеркивает значение имени как клички.

Не только «qul» — раб или крепостной, но даже «ozden» не имел права называть своих детей именем своего владельца, и если уздень хотел это сделать, то обращался за специальным разрешением к князю как о большой милости, задабривая его подарками; в свою очередь князь одаривал своего «крестника».[2]

Таким образом даже в именах сохраняется и оттеняется классовая рознь между владельцами и их кулами.

Правда, нам известны и у других народов факты имен, напоминающих клички, причем оказывается, что это часто связано с переживаниями древнейших верований, желанием отпугнуть или обмануть злого духа и т. д., но если даже и видеть в данном случае что-либо подобное, то характерно, что это сохранилось только в одном классовом слое и притом угнетенном.

Показательным является и полное отсутствие подобных имен в последних поколениях, где, в случае второго варианта, они должны были бы удержаться долее, как еще до сих пор бытуют представления и рассказы о «шайтанах», духах-хозяев и пр.

5

Итак, список владельцев дает нам значительный материал, подтверждающий те установки, которые были изложены в самой характеристике феодальных отношений в Карачае. Не менее ценный материал дают и свидетельства об «освобождении», самые характерные из которых имеются у нас в копиях. Прежде чем приводить их, необходимо вообще охарактеризовать самую реформу на Северном Кавказе. Однако свидетельства имеют особую цену не только потому, что вскрывают условия «освобождения», но главным образом потому, что помогают выяснить имущественно-правовое положение «освобождаемых» до реформы. Мы будем рассматривать их с обеих точек зрения.

Вопрос об «освобождении» зависимых сословий на Северном Кавказе в полной мере встал в 1866 г. В том же году был издан ряд постановлений, ограничивающих продажу крепостных, и, наконец, был организован комитет, начавший сбор сведений и подготовку реформы.

Все это не могло не взволновать владельцев в первую очередь Кабарды, где феодализм, в сравнении с другими областями Северного Кавказа, был сильнее развит и где все хозяйство владельцев держалось на труде их крепостных и рабов.

В июле 1866 г. владельцы Кабарды подали заявление генерал-адъютанту Лорис-Меликову, в котором излагали все трудности, которые создает для них «освобождение» крестьян, но подчеркивали вместе с тем свое согласие и только выражали пожелание, чтобы «освобождение» совершилось по «добровольным» соглашениям «освобожденных» с владельцами и чтобы был дан срок для заключения этих соглашений. Кроме того, они просили, чтобы для рабов был назначен срок от 6 до 8 лет обязательной работы у владельцев.

---

[1] Kөk — серый, голубой, небо.

[2] В Балкарии имя ребенку, родившемуся у крепостной или рабыни, всегда давал владелец.

Были составлены правила, достаточно выгодные для владельцев. Правительство, естественно, было обрадовано тем, что владельцы идут ему навстречу, ибо были сильны опасения (отчасти и оправдавшиеся), что эта мера, конечно ослабляющая значение местных феодалов, будет встречена ими враждебно. В Карачае в 1867 г. были собраны депутаты от владельцев и крепостных для выработки соответствующих «правил». Правила эти были выработаны под руководством местных начальников. Но в то же время начали появляться случаи «добровольных соглашений» по освобождению, что не удивительно, так как уже был пример Кабарды. Период «добровольных» соглашений был продлен до ноября 1868 г., а после того уже наступал срок обязательного «освобождения».

Для руководства при обоих случаях «освобождения» (как «добровольного», так и по приказу) были выработаны следующие «правила», сущность которых изложена в заметке «О положении дела освобождения и т. д.» следующим образом:

«1) Все разных наименований горские зависимые сословия в Кубанской области приобретают свободу с обязательством или отбывать своему владельцу в течение не свыше 5 лет для пшитль (в Карачае юльгюлю-кулов или чагар-кулов. *Е. С.*) и 4-х лет для унаут (в Карачае башсызкул) установленные обычаем работы и услуги, или внести за себя выкуп, смотря по полу и возрасту, от 15—150 руб. для пшитль и от 20—200 руб. для унаут; дети же моложе 7 лет и старики освобождаются безвозмездно.

2) Уплата взамен отбывания работы определенной суммы может быть рассрочена до 6 лет со дня освобождения.

3) Выбор того или другого способа удовлетворения владельца предоставляется обоюдному соглашению освобождающегося с владельцем, а при несогласии их — определяется посредником».[1]

Заметим, что в этих «правилах» ни слова не говорится о том, кому шло имущество (как недвижимое, так и движимое) освобождаемого. Однако в литературе мы не раз встречаем упоминание, что, поскольку освобождение шло «добровольно», имущество в той или иной пропорции (половина на половину или $^1/_3$ на $^2/_3$) «делилось» между владельцем и освобождаемым, а нередко и целиком оставалось в руках первого.

Об этом же говорят и местные жители, приводя ряд фактов, когда все имущество бралось за выкуп и освобожденный оставался нищим.

Неудивительно, что до самой революции некоторые из таких бедняков батрачили у своих бывших владельцев на почти феодальных условиях («ortaq» — «пятилетний батрак» и др.).

О разделах имущества между освобождаемым и его хозяином говорят иногда и имеющиеся у нас свидетельства об освобождении. Мы будем рассматривать их с двух точек зрения: во-первых, со стороны выявления самых условий «освобождения»; во-вторых, по линии характеристики категорий кулов и их имущественно-правового положения до «освобождения».

Прежде всего мы имеем свидетельства, которые явно относятся к «освобождению» рабов, не имеющих никакого имущества и выплачивающих «çuluv» — выкуп — своим собственным трудом. Например:

1.

1868 г. Января 1. 269.

Крестьянке жителя аула Хурзука, эфенди Магомета Байрамунова, Джерашхан 40 лет с сыном Ибрай 7 лет в том, что освободились на волю по обоюдному согласию с своим владельцем, вместо выкупа поступает к нему в работницы на 8 лет, по истечении которых 1 января 1876 г. делается свободною, без всякого долга по выкупу

[1] Сборн. сведений о кавказских горцах, вып. 1, стр. 55. Горск. летопись. Тифлис, 1868.

владельцу, который обязан по отходе ее по окончании восьмилетнего срока дать ей полное одеяние сообразно времени года. Сын же ее Ибрай по малолетству делается свободным без выкупа. Вследствие чего крестьянка Джерашхан и ее сын Ибрай освобождаются навсегда от крепостной зависимости.

Продолжает служить у владельца.

12 декабря 1876 г.

Штабс-капитан (подпись).

Владелец Магомет Байрамуков заявил, что Джерашхан увольняется им от продолжения службы теперь же февраля 16 дня 1874 г.

На то, что здесь мы имеем дело именно с рабами «başsьzqul», указывает тот факт, что указаны имена матери и ее ребенка, но нет имени его отца, т. е. семья состоит из женщины с детьми.

В другом свидетельстве мы имеем прямое указание на бесправность освобождаемой, с применением кабардинского термина — унаут.

2.

1868. Мая 8. 404.

Бесправной крестьянке (унаутке) жителя аула Хурзука Аппакова, Хаиркыз 25 лет в том, что она по обоюдному соглашению со своим владельцем освобождаясь на волю поступает к нему вместо выкупа в работницы на 6 лет, по истечении которых Января 1 будущего 1874 г. делается совершенно свободной, без всякого долга по выкупу владельцу, который обязан при уходе крестьянки по окончании обязательного шестилетнего срока дать ей полное одеяние, смотря по времени года, вследствие чего крестьянка унаутка Хаиркыз освобождается навсегда от крепостной зависимости.

Службу своему владельцу Хаиркыз закончила февраля 26 дня 1874 г.

Поручик (подпись)

Однако, к отработке прибегали, очевидно, не только ничего не имеющие и бесправные рабы, но и более зажиточные крестьяне, желающие сохранить свое имущество целым.

3.

1867. Октября 28. 74.

Крестьянину жителя аула Хурзука Нану Дудова, Машаю Джубу Уллу 45 лет в том, что он[1]... получая в свою собственность все бывшее у него имущество — движимое и недвижимое, должен вместо выкупа отработать владельцу 6 лет, по истечении которых делается совершенно свободным. Вследствие чего[1]...

Подлинное подписал капитан Петрусевич.

С подлинным верно: штабс-капитан Кузовлев.

В других случаях почти все имущество шло «за выкуп». Так, напр., было в случае, относящемся к предкам хранителя данных документов, Н. К., также по происхождению являвшихся «başsьz-qul», но за время своего

[1] В дальнейшем выпускаются слова, представляющие собою форму, повторяющуюся во всех документах.

пребывания у хозяина, путем ли подарков или наград, сумевших приобрести кое-какое имущество, а, возможно, и перешедших на права ч а г а р и л и ю л ь г ю л ю - к у л о в — крепостных.

4.

1868. Января 1. 358.

Крестьянину жителя аула Хурзука Магомета Эффенди Байрамукова, Муссе 16 лет с матерью Хани 72 лет, братом Джабек 11 лет и сестрами Багала 15 лет и Хотой 8 лет, что он, отдав все свое имущество (за исключением части в 250 р., которая осталась у него) владельцу выкуп, делается, таким образом, сам с братом и матерью свободными, за старшую же его сестру Багалы выкуп 150 р. владельцу получает из калыма, при выходе ее замуж. За младшую сестру 30 р. также из калыма при выходе замуж. Вследствие чего...

П р и м е ч а н и е: В исправной уплате выкупа крестьянин Мусса дал своему владельцу подписку, на которой наложено засвидетельствование по общему исходящему журналу за № 443.

Выкуп по сему свидетельству уплачен сполна и за ним долгу нет.

Штабс-капитан: Кузовлев.

Верно: поручик (подпись) 18 марта 1870 г.

Характерным для всех свидетельств является то, что выкуп за девушку берется из ее будущего калыма, подобно тому, как раньше калым за женщину-рабыню или крепостную целиком или частично шел владельцу.

Упоминаемая часть имущества в 250 руб. — это пустая карачаевская сакля и участок земли под нею.

В других свидетельствах мы находим указание на раздел имущества между владельцем и «освобождаемыми», не исключающий, однако, отдельно еще уплаты выкупа.

5.

1868. Мая 8. 407.

Крестьянину жителя аула Хурзук Ногая Карабашева, Мазану 30 лет с женой Ак-Белек 25 лет и сыном Кирты-Улан 1 года в том, что освобождаясь на волю по обоюдному согласию со своим владельцем и разделив с ним свое имущество (2 шт. рогатого скота и лошадь) уплачивает ему разным имуществом и деньгами выкуп за себя 200 р., за жену 150 р., всего триста пятьдесят рублей в семь лет ежегодно осенью по 50 руб. и первую уплату делает осенью сего 1868 г. Сын его Кирты-Улан по малолетству делается свободным без выкупа. Вследствие чего...

В данном случае имущество незначительно, но иногда оно достигает довольно больших размеров. Так, напр.:

6.

1868. Января 1. 270.

Крестьянину жителя аула Хурзук Тауча Байрамукова, Кулча 57 лет с женою Кунак-Кыз 47 лет, сыновьями — Ахматом 25 лет, Хасаном 12 лет и Мазаном 9 лет и дочерьми Гаджу 20 лет, Карагаш 17 лет, Кюллюмхан 15 лет и Бурдукыз 5 лет в том, что он с семьей освобожден на волю... уплачивает выкуп разным имуществом и деньгами за себя 30 руб., за жену 70 руб., за старшего сына Ахмата 200 руб.,

за второго Хасана 70 руб., а за младшего Мазана 40 руб., всего 410 руб., из них теперь отдано 50 руб., а остальные 360 руб. в 6 лет ежегодно осенью по 60 руб. и первую уплату делает осенью сего 1868 г. Младшая его дочь Бурдукыз по малолетству делается свободной без выкупа, за трех же старших дочерей Гыджу, Каргаш и Кюллюмхан выкуп за каждую в 150 руб. владелец получает из калыма при выходе ее замуж. Из имущества же своего Кулча половину отдает владельцу теперь же. Вследствие чего...

Примечание: В исправной уплате выкупа крестьянин Кулча дал владельцу своему подписку, на которой наложено засвидетельствование по общему исход. журналу за № 385.

Имущество Кулча, из которого он должен отдать половину, состоит из 13 коров, двух двухлеток, 4-х телков, 1 осла и 1 кобылицы.

Следуемый по сему свидетельству выкуп всего 410 руб. вольноотпущенник Кулча своему владельцу уплатил сполна, в том удостоверяю.

16 марта 1870 г. За мирового посредника

Штабс-капитан Кузовлев.

Основным все же считалось скотоводство, и то, что к нему относится, отбиралось в первую очередь.

7.

1867. Ноября 8. 140.

Крестьянину жителя аула Хурзука Мурзакула Дудова, Одуману 50 лет с женою Джаджу 43 лет и дочерью Джаширкыз 6 лет в том что... со своим всем имуществом он должен уплатить выкуп за себя 250 руб. и за жену 250 руб., всего 500 руб. разным имуществом и деньгами в продолжении 3 лет. При этом все скотоводство, за исключением самого необходимого, должно быть отдано теперь же и затем земля и то, что недостает до 500 руб., уплачивает в 3 года. Дочь же его Джаширкыз освобождается без выкупа. Вследствие чего...

Примечание: В исправной уплате выкупа Одуман дал Мурзакулу Дудову подписку, на которой наложено засвидетельствование по особому журналу за № 144.

В счет следующего по сему свидетельству выкупа Одуман уплатил своему владельцу: землею 190 руб., скотом 156 руб., и деньгами 14 руб., а всего 360 руб., в том удостоверяю. 19 марта 1870 г.

За мирового посредника

Штабс-капитан Кузовлев.

Остальные следуемые по сему свидетельству 140 руб. сполна уплачены 19 февраля 1874 г.

Поручик (подпись).

Мы видим здесь случай, когда «ylgyly-qul» имеет землю и выплачивает ею частично свой выкуп. Однако в первую очередь владельца интересует то, что относится к скотоводству, как имеющему основное значение в хозяйстве.

В примечании помечены суммы, уплаченные землей и скотом. Если принять во внимание существовавшие в те времена цены на землю, то ясно, что отданная земля представляла собою ничтожный клочок, и наоборот, скота на 156 руб. приходилось довольно много.

Наконец, поражает маленькая сумма, уплаченная деньгами, — ясно, что у крестьянина-крепостного больших денежных скоплений не могло быть, особенно принимая во внимание натуральный характер хозяйства.

В других случаях мы имеем и прямое указание на количество имеющейся у кула земли.

8.

1868. Мая 8. 467.

Крестьянину жителя аула Хурзука Чотча Дудова, Тууду 40 лет с женой Устукку 35 лет, с сыновьями Орта 10 лет и Сабанай 5 лет и дочерьми Багалы 14 лет и Узгун 8 лет в том, что он... со всем своим имуществом (которое состоит из одной лошади и участка покосной земли на 4 копны) уплачивает выкуп разным имуществом и деньгами за себя и жену по 200 р., всего 400 руб., в 7 лет ежегодно осенью по 57 руб. и первую уплату делает осенью сего 1868 г. Оба сына его Орта и Сабанай по малолетству и дочь Багалы по добровольному желанию владельца делаются свободными без выкупа, за младшую же дочь Узгун выкуп 30 руб. владелец получает из калыма по выходе ее замуж. Вследствие чего...

Как ни незначительно в данном случае имущество кула, но все же он имел собственную землю, скорее всего полученную когда-нибудь в подарок. Но мы имеем факты, когда кул владеет землею в количестве, довольно крупном для Карачая.

9.

1867. Октября 13. 73.

Крестьянам жителя аула Хурзука Нану Дудова, Машаю 40 лет с сыновьями Нагаем 13 лет и Мамаем 7 лет и его братьям Юсупу 24 лет, Кума 32 лет с женой Залихан 25 лет, в том что... и отдав ему все свое движимое и недвижимое имущество, за исключением 3-х участков пахотной земли на Уллу-Каме, дома с двором и конюшней с землею под ними и одного участка пахотной земли на Хурзуке (что сие имущество осталось в пользу их) не оставивши за собою никакого долга владельцу своему относительно выкупа. Вследствие чего...

В данном случае кул имеет 4 пахотных участка, дом с двором и конюшней — все это является значительным уже богатством для Карачая; помимо этого мы видим, что и в числе того имущества, что он отдал владельцу за выкуп, упоминается недвижимое имущество.

Любопытен и факт совместной, без раздела, жизни трех братьев-крестьян, не отмечавшийся в других свидетельствах и тоже связанный с большей зажиточностью и, возможно, нежеланием дробить свои земли.

Наконец, в одном из свидетельств мы находим и косвенную характеристику положения кулов после освобождения.

10.

1868. Января 1. 350.

Крестьянину жителя аула Хурзука Ахмата Алиева, Мачуко 43 лет с женой Худж 50 лет, с сыном Шагаем 16 лет и дочерью Хорай 9 лет в том, что они с семьей, освобождаясь на волю, по обоюдному соглашению со своим владельцем, уплачивают выкуп разным имуществом и деньгами за себя 85 руб., за жену 50 руб. и за сына Шагая 110 руб., всего двести сорок рублей в 5 лет ежегодно осенью по 50 руб.

и первую уплату делает осенью сего 1868 г. За дочь его Хорай выкуп 40 руб. владелец получает из калыма при выдаче ее замуж. Вследствие чего...

Примечание: В исправной уплате крестьянин Мачуко дал владельцу своему подписку, на которой положено засвидетельствование по общему исходящему журналу за № 441.

Из выкупа по 1870 г. женщина Худж следуемые в выкуп 50 руб. уплатила, муж ее, не найдя возможности уплатить деньгами, поступил в работники (к владельцу) на 3 года, начиная с 1 декабря 1869 г., а так как он человек, могущий работать только сидя дома, то владелец обещал доставлять ему необходимый материал. Из них он должен по указанию владельца изготовлять разные предметы. Косить сено и пасти скот владелец заставлять не должен, а обязан одевать и кормить крестьянина.

Сын же Шагай, поступивший в работники к одному карачаевцу на 5 лет еще 2 года тому назад, по желанию владельца Ахмата Алиева уплатит свой выкуп по окончании 5 лет работы, в том свидетельствую. 5 декабря 1869 г.

Подписал штабс-капитан...

С подлинным верно: штабс-капитан...

Шагай уплатил выкуп 32 руб. в том удостоверяю. 12 декабря 1870 г.

Штабс-капитан...

Остальные 80 руб. отдал 10 февраля 1871 г.

Поручик...

Особый интерес представляют здесь примечания, раскрывающие тот путь, которым в большинстве шли «освобожденные», но нищие кулы.

Отдав все свое имущество или значительную часть его, оставшись без земли, многие из них могли пойти только по пути батрачества.

Очень часто батрачили у своего бывшего владельца, причем в подобных случаях жизнь их почти ничем не отличалась от прежней. «qarьn-çalcь — «работник только за еду» или так наз. «пятилетний батрак» — вот в чьи ряды становилась масса «освобождаемых» кулов. В данном свидетельстве мы имеем, вероятно, частный случай, когда кул Мачуко был калекой, знающим какое-либо ремесло, которого хозяин эксплоатировал, возможно, уже не только для нужд семьи, но и сбывая выработанные предметы на сторону.

6

Итак, материал свидетельств подтверждает выводы, сделанные из «списка», и позволяет их углубить и развить.

Прежде всего мы находим в них яркое подтверждение существования двух основных категорий — рабов и крепостных и полного отсутствия собственности и прав у первых (см. первые два свидетельства). Однако и сами крепостные не являются чем-то цельным. К моменту «освобождения» крестьян, когда Карачай уже был связан с Россией, испытывал ее влияние и был в известной степени вовлечен в общий круговорот товарно-денежных отношений, — к этому моменту мы находим и среди самих крепостных расслоение. Оно, прежде всего, выражалось в наличии в их руках собственных земель, иногда в довольно значительном количестве. Это явление отмечалось и ранее: «23. Кулы и казаки имеют

собственные земли, подаренные им старшинами или купленные самими; земли эти они пашут для себя и весь урожай берут в свою пользу, не отдавая из оного старшине ничего».[1]

Характерным является тот факт, что случаи, когда крепостной имел свою землю, в большинстве относятся к крестьянам, принадлежавшим князьям, т. е. «высшему» слою крепостных. Эти последние хотя и подвергались в большей степени эксплоатации, но, с другой стороны, благодаря близости к более крупному княжескому хозяйству, имели и бóльшую возможность роста своего благосостояния — приказчичество, подарки, сопровождение князя в набегах и путешествиях и т. п.

Подытоживая выводы из данных свидетельств по линии условий «освобождения», мы можем отметить, что последние были чрезвычайно разнообразны как по сумме выкупа, так и по способу его уплаты. «çuluv» — выкуп за каждого «освобождаемого» определялся его трудоспособностью, чаще всего связанной с возрастом. Но имел большое значение и сам владелец. Вряд ли является случайностью, что наиболее высокие выкупы назначаются тогда, когда владельцем является князь. В среднем, за вполне трудоспособного крестьянина брался выкуп 200, даже 250 руб.

Подобные же выводы можно сделать и из материалов списка в случаях, где указаны суммы выкупа. Необходимо только отметить, что обычно здесь указана сумма выкупа за всю семью, но поскольку мы в каждом случае отмечали количество трудоспособных в данной семье, то можно все же учесть среднюю сумму выкупа за одного трудоспособного. Она равняется тем же 200 руб. за человека, а каждое семейство в среднем уплачивало по 400 руб. 127 семейств уплатили своим бывшим владельцам 50 885 руб. Такие крупные суммы при том незначительном хозяйстве, которое имел кул, конечно, были очень тяжелы для уплаты и совершенно разоряли освобождаемого. Это усугублялось еще отобранием или дележом имущества и земель. Таким образом, ясно, что реформа, создавая большое количество безземельных и неимущих крестьян, создавала внутренний рынок дешевой рабочей силы, еще более дешевой потому, что, в виду отсутствия развитой промышленности или даже ремесла, эти рабочие руки в основном должны были найти себе применение в сельском хозяйстве в качестве батраков. Но и сельское хозяйство, отсталое технически и мелкое, не могло поглотить этой массы обездоленных. Мерой, ослабляющей напряженность положения, было переселение на земли, отведенные правительством по тебердинско-кубанским ущельям. Тем не менее вплоть до самой революции мы имеем в старых аулах огромное количество бездомных и безземельных батраков. В приговоре сельского схода аула Хурзук 23 июня 1912 г. говорится: «4. В нашем ауле имеется совершенно безземельных 260 домов, даже не имеют эти домохозяева мест под усадьбу... Эти домохозяева принуждены жить по квартирам, по кошам и у родственников».

С другой стороны, мы имеем налицо и рост крупных хозяев из среды, в первую очередь карауздеей, имевших земли и скот и не столь непривычных к труду, как князья; получив значительные суммы в качестве выкупа, карауздеи быстро выделили из себя значительную прослойку крупных хозяев-кулаков. «Освобождение» крестьян и создание рынка дешевой рабочей силы дало толчок ряду хозяйств и тех карауздеей, которые не имели раньше рабов и крепостных и не имели возможности применять наемный труд и за счет его развивать свое хозяйство. Отмеченное выше неравенство среди самих кулов-крепостных, наличие в прошлом среди них даже эксплоататоров рабского труда создало предпосылку для выделения и из среды бывших кулов крупных хозяев, впоследствии превращавшихся в кулаков.

---

[1] Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, т. I—II. Одесса, 1882.

7

Таким образом, приведенные выше документы вполне подтверждают характеристику общества Карачая, данную нами в начале работы.

Ко времени «освобождения» крестьян мы имели в Карачае следующие моменты. Карачаевское общество ушло уже довольно далеко по пути феодализации, так как основная форма, в которой «неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственного производителя», была натуральная рента, рента трудом и продуктами, характерная для феодализма. Характерные черты переживавшегося Карачаем процесса феодализации заключались в следующем:

1. Значительная роль родовых пережитков в формах собственности и эксплоатации, использовавшихся феодалами в своих интересах. Особенно сильны эти пережитки в вопросах землевладения. Фактически существовавшая феодальная собственность на землю в некоторых случаях (летние пастбища, отчасти таукышлыки) сохраняла видимость «общинного владения».

2. Значительная роль рабства. Можем ли мы считать, что Карачай переживал рабовладельческую формацию. Нам кажется, что это было бы ошибкой. Рабство не являлось здесь основой производства, основным производителем являлся закабаленный в той или иной степени крестьянин (ylgyly-qul, qara-өzdeп). Вместе с тем, можем ли мы определить рабство в Карачае как патриархальное?

Рабы составляли предмет торговли, эксплоатировались не только в домашнем хозяйстве, но и в основных видах производительного труда, классовый антагонизм между рабом и его владельцем (особенно, если это был князь или крупный карауздень) был очень велик даже в бытовых мелочах. Труд для владельца считался позором и лежал целиком на плечах крепостных и рабов. «Охота за рабами» превратилась для некоторых князей и узденей в своеобразный промысел. Однако все вышеуказанное относится в первую очередь к рабам, представляющим собственность князей и крупных карауздeней. Что касается форм взаимоотношений между рабами и мелкими карауздeнями или крепостными, их владельцами, то они напоминают нам картину патриархального рабства. Подобный владелец не считал для себя труд позором и часто работал рядом со своим рабом. Развитие рабства стимулировалось черноморской работорговлей и влиянием Кабарды, в которой рабство играло большую роль. Сохранение рабства до позднего времени характерно для целого ряда стран Востока, в том числе и Кавказа (Кабарда, Балкария, Грузия и др.).

3. Феодальные отношения строились на основе не только наделения землею, но и в форме наделения скотом, что связано со спецификой скотоводческого района и встречалось и в других местах.[1]

4. Характерной чертой развивавшегося в Карачае феодализма являлось преобладание мелких крепостников, что еще более отягощало положение крепостного крестьянина. Налицо встречающаяся на ранних ступенях развития феодализма многоступенность в структуре общества. Оба эти факта опять-таки общи ряду обществ Кавказа (Кабарда, Балкария, Грузия и др.).

5. Одним из трудных моментов является факт отсутствия в нем городов и развитого ремесла с цеховым устройством — столь типичного для западноевропейского феодализма. Как мы можем объяснить это? Прежде всего, хотя город и является составной частью феодального общества, но вместе с тем он уже и первый шаг к его разложению. Западноевропейские феодальные города вырастали в основном двумя путями: или за счет существовавших ранее и типичных для рабовладельческой формации городов [2] — «Если античность исходила из г о р о д а

[1] Л. П. Потапов. Краткий очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933 г. — С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Изв. ГАИМК, вып. 103, 1934.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, стр. 14. Соч., т. IV. Партиздат. Москва, 1933.

и его небольшой округи, то средневековье исходило из д е р е в н и» и т. д. (а Карачай, как мы знаем, не прошел рабовладельческой формации), или за счет беглых крепостных-ремесленников (а последний факт не имел массового характера в Карачае). Не случайным является и отсутствие развитого ремесла. Нам думается, что в известной степени это связано с той же спецификой скотоводческого, к тому же полукочевого хозяйства. Как известно, скотоводы-кочевники одними из первых развили у себя обмен.[1] Предметами обмена служил, в первую очередь, скот, представляющий собою чрезвычайно удобный товар, сам себя несущий на рынок. На всем Северном Кавказе было время, когда скот играл роль денег. При этом надо отметить, что Карачай — одна из самых богатых скотом областей, а карачаевская овца считается лучшей на всем Северном Кавказе. Предметами обмена служили и продукты скотоводства — шерсть, кожа, овчины, а отчасти и готовые изделия — бурки, сукна. Последние являлись продуктами домашнего производства внутри натуральной хозяйственной ячейки — семьи или феодального поместья. Наконец, объектом обмена являлись рабы, особенно в Черноморской торговле с Турцией и Крымом. Все потребности (главным образом потребности господствующего класса в предметах потребления), не удовлетворявшиеся внутри своего хозяйства, восполнялись обменом. Торговля велась с Турцией, Крымом, Закавказьем, Дагестаном, а позднее — с Россией, использовавшей Кавказ как рынок для сбыта своих товаров.

Итак, одной из причин отсутствия развитого ремесла мы считаем характер обмена с соседними областями. Во-вторых, мы должны учитывать и факт экономического и политического завоевания Кавказа царской Россией.[2] Оно, несомненно, если так можно выразиться, скомкало процесс развития феодализма путем вовлечения Карачая в круговорот товарно-денежных отношений, путем политических мероприятий, направленных на ослабление власти местных феодалов и, наконец, самим фактом «освобождения» крестьян, прервавшего ход дальнейшего развития феодализма и направившего его в другую сторону, сторону развития капитализма. Некоторые предпосылки этого развития были налицо и внутри феодального Карачая. Мы знаем, что к моменту «освобождения» наблюдалось значительное расслоение среди самих крепостных, из которых выделялась группа более крупных хозяев, владеющих скотом, землями и рабами.

«Освобождение» крестьян, проведенное на кабальных условиях, было новым шагом в развитии Карачая. Совершилось отделение производителя от средств производства, с одной стороны, создавшее рынок рабочей силы, а с другой стороны — спрос на эту последнюю.

Итак, в конце XIX в. Карачай вступил на дорогу развития капиталистических отношений. Это развитие происходило в специфических условиях колонии, с почти полным отсутствием промышленности, низкой техникой хозяйства и т. п., что сыграло значительную роль в сохранении ряда пережитков предыдущих общественных форм феодально-родовых отношений, используемых нарождавшимся кулачеством в целях эксплоатации.[3]

Но Карачай, не прошел до конца этой дороги, благодаря победоносной Октябрьской социалистичоской революции, открывшей перед ним широкий путь некапиталистического развития, путь строительства социализма.

---

[1] По карачаевски слово «mal» обозначает и «скот» и «товар».

[2] При этом надо помнить, что завоевание Кавказа тянулось вплоть до конца третьей четверти XIX в. Кроме того, как отмечал В. И. Ленин, «экономическое завоевание Кавказа Россией совершилось гораздо позже политического» (В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, изд. 1931 г., стр. 463).

[3] Вопрос о «пережиточных» формах эксплоатации является темой другой нашей работы, публикуемой в Материалах по этнографии, издаваемых Гос. музеем этнографии в Ленинграде.

Résumé

E. Studeneckaja

Sur le féodalisme et l'esclavage au Karatchaï au XIX-e siècle

Dans son travail, l'auteur se base principalement sur les documents des archives (état nominatif des serfs et esclaves au Karatchaï et de leurs maîtres et certificats d'affranchissement) et sur les données rassemblées par elle au cours d'une mission au Karatchaï en 1934. L'analyse de ces matériaux l'amène aux conclusions suivantes. Dans la 1-e moitié du XIX-e siècle, le pays traversait une période de féodalisation avec esclavage et survivances des relations clanales. La plupart des terres se trouvaient dans les mains des princes et des өzden, entre autre la majeure partie des pâturages d'été, qui nominalement étaient propriété commune. Les Karatchaï se divisaient en hommes libres — tav bij (princes) et qara-өzden, et non-libres — ylgyly-qul (serfs) et yglysizqul (esclaves). Les princes et une partie des өzden possédaient des serfs et des esclaves. Les serfs vivaient sur la terre de leur maître, étaient soumis aux corvées et à la taille, mais avaient aussi leur propre bétail et parfois leur propre terre et même leurs esclaves. Il existait donc parmi eux une certaine différenciation. Les esclaves s'acquiéraient par achat ou par rapt; ils ne jouissaient d'aucun droit et ne possédaient rien. Les kara-өzden étaient personnellement libres, mais devaient au prince le service et les corvées, ainsi que le payement d'une rente en nature, bien que beaucoup moins élevée que les serfs. «La libération» des serfs, réalisée dans des conditions avantageuses seulement pour leurs propriétaires, créa une main d'oeuvre à bon marché et donna l'impulsion au développement des rapports mercantiles et monétaires.

В. Г. Тан-Богораз

О работе Е. Д. Стрелова: „Одежда и украшения якутки в половине XVIII века"

Часто совершенно справедливо отмечается крайняя скудость археологических работ по якутам. Суждение это можно было бы распространить и указать, что вообще по огромному и разнообразному кругу народов, обитающих на севере и северо-востоке Евразии, археологические работы в сущности еще не начаты. Все так называемые малые народности крайнего севера, обитающие вдоль полярного прибрежья, от норвежской границы до Берингова пролива и от Берингова пролива до китайской границы, а также внутри страны по северной таежной полосе, до сих пор совершенно выпадают из археологической работы. Якуты, среди которых работал Е. Д. Стрелов, занимают обширный бассейн Лены и ее притоков.

Другой не менее обширный бассейн реки Амура, в сущности говоря, был затронут археологической работой только последней экспедицией Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР 1935 г.

Работа Е. Д. Стрелова и по своему объему и по содержанию является весьма ограниченной. Она относится лишь к нескольким погребениям богатых якуток и, таким образом, описывает парадную одежду и украшения якутки в половине XVIII в. Правда, вещи, заключавшиеся в погребениях, прекрасно сохранились и дали возможность автору приложить к своему описанию несколько таблиц очень эффектного вида. Интересно отметить указание автора о том, что одежда, описанная им, до такой степени непохожа на обычную древнюю якутскую одежду, что выставленные в якутском музее рисунки художника Носова вызвали у многих сомнения в принадлежности описанных погребений именно якутам, а не другим народностям Якутии.

Мы видим, таким образом, что в ближайшем окружении якутского музея многие работники имеют до сих пор весьма неопределенные знания об элементах якутской материальной культуры.

К сожалению, коллекции, собранные автором, не идут дальше парадной одежды и парадных украшений. Повидимому, в погребение не были вложены никакие рабочие орудия, обычные для якутских женщин XVIII в.

Таким образом новое знание, получаемое из указанных раскопок, относится к сочетанию мехов, шелковых материй и сукна, вышивок, разноцветного бисера и бус, меди с серебром и т. д.

Я все-таки считаю полезным напечатать эту работу в таком виде, как она представлена.

Отмечу еще одну подробность: в украшениях, составленных из бисера, кожаных полосок и медных колец, большое значение имели медные трубочки.

По указанию автора эти медные трубочки — самое обычное явление в старинных могилах — встречаются также и в украшениях последнего времени.

Я должен указать, что также в шаманских одеждах, в украшениях бубна, плаща и нагрудника весьма часто встречаются такие же медные трубочки, которые, по объяснению туземных специалистов, служили для того, чтобы временно прятать душу пациента после того, как шаман во время своего полета успеет отнять ее у духа — похитителя. Похититель погонится сзади, тогда, чтобы спутать его, шаман спрячет душу в одну из этих многочисленных трубочек — к о л д о г о н.

Было бы интересно установить отношения между этими двумя типами медных трубочек, обыкновенных, служащих для украшения женской одежды, и специальных, служащих для надобностей шаманского действия.

Далее мы имеем любопытное описание одежды, наглухо зашитой для того, чтобы связать движения покойницы, если бы она после смерти захотела вернуться к живым.

Автор, к сожалению, относится к этим любопытнейшим предосторожностям как то мимоходом, и описания его недостаточно подробны.

Он, напр., сообщает, что ему приходилось иметь дело с такими погребениями, где крышка надмогильного сруба была закреплена поперечными брусьями, концы которых пропускались через отверстия в столбах. Правда, этот материал был частично опубликован в трудах общества «Саха-Кескиле».

Но, конечно, было уместно, во-первых, приложить и к данной работе соответственные чертежи, а во-вторых, дать более точную схему предохранительного зашивания погребальной одежды.

Е. Д. Стрелов

Одежда и украшение якутки в половине XVIII в.

(По археологическим материалам)

По всем данным доисторическая территория якутов лежала где-то на юге. Переселившись на крайний север, якуты должны были заменить свою одежду другою, более приспособленною к новым условиям обитания. Вернее всего, они позаимствовали ее у туземцев. Но отдельные детали и украшения могли остаться и на новой родине прежними. Поэтому изучение древнего якутского костюма может добавить еще несколько новых черточек к тому, что уже известно из жизни якутов дорусского периода.

В интересах этого дела я даю здесь самое точное и детальное описание якутских женских погребений, сообщая попутно и такие данные, которые хотя и не имеют непосредственного отношения к женскому костюму, но избавят других исследователей в этой области от многого, что дается лишь в результате длительной научной практики.

Необходимо отметить здесь помощь художника М. М. Носова, который с исключительной точностью зарисовал красками костюмы на рис. 17, 18, 19, 20, а также библиографа Якутии Н. Н. Грибановского, помогшего ценными библиографическими указаниями и принявшего на себя все хлопоты, связанные с изданием этой работы. Обоим им за эту помощь я приношу глубокую благодарность.

I

В научной литературе, касающейся якутов, их костюму отведено немало места. Однако, руководствуясь только этими данными, трудно составить себе правильное о нем представление; тем более об одежде какого-либо определенного периода. Причиною этого является то, что описания одежды у нескольких авторов не всегда совпадают, хотя все они говорят об одежде одного и того же времени. Кроме того, записи, особенно у более ранних авторов, в большинстве случаев произведены наспех, проездом, и потому не достаточно подробны, а зарисовки выполнены, надо полагать, или невнимательно или, вернее, с чужих слов.

Последнее особенно может быть отнесено к альбому И. Булычева — «Путешествие по Восточной Сибири». Роскошно изданный в половине прошлого столетия альбом при самом беглом с ним знакомстве создает впечатление, что автор и художник менее всего заботились о научно точном воспроизведении действительности. В этом легко убедиться, если взглянуть на виды р. Лены на листах 7, 8, 12, 13, 16, 17 и 18 альбома. Своею неправдоподобностью виды эти у человека, хотя бы раз видевшего р. Лену от с. Качуга до г. Якутска, прежде всего вызывают недоумение: перед читателем все время стоит чуждый, не ленский пейзаж, в центре которого живописная речушка с утопающими в зелени

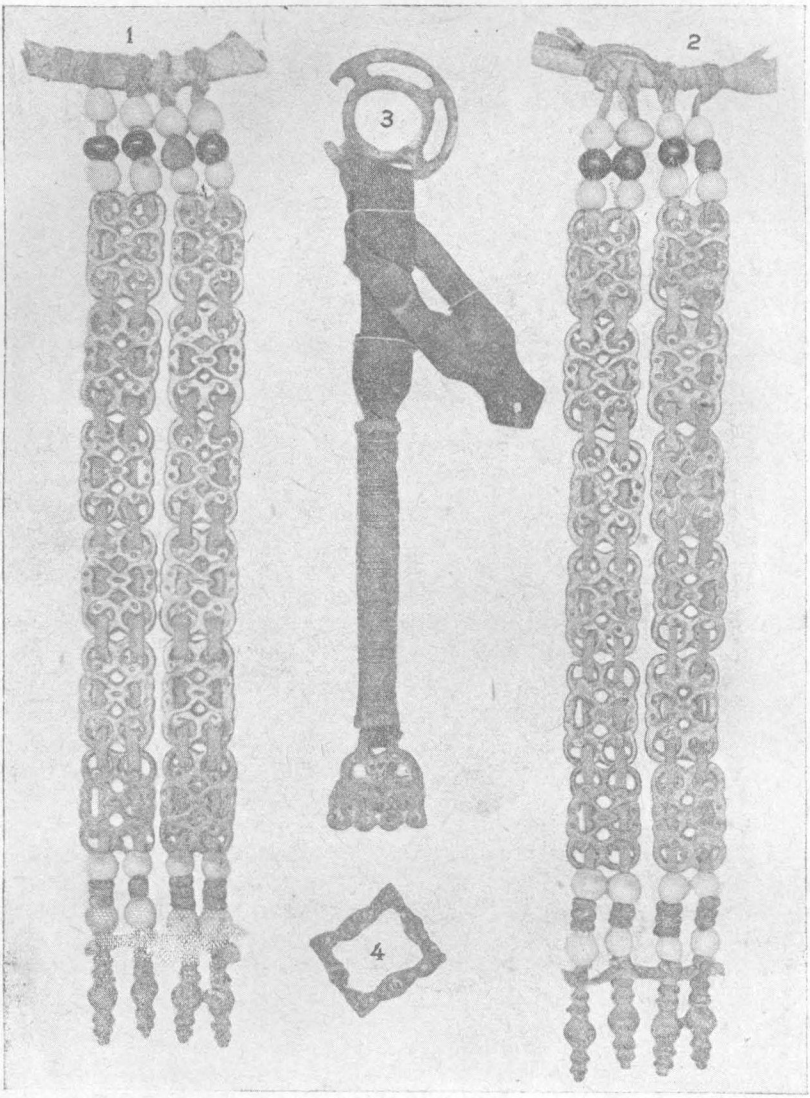

Рис. 1. 1, 2 — подвески; 3 — медная игольница; 4 — бронзовая пряжка.

миниатюрными островочками и с берегами, покрытыми причудливою тропическою растительностью, а на этом фоне — странные, не ленские суда, лодочки и «шитики» с рулями, никогда не виданными на Лене.

Переходя к человеческим фигурам, то же самое нужно сказать и об якуте, изображенном на 20-м листе альбома: это скорее индеец, задрапировавшийся в плащ, чем типичный якут в своей одежде.

Столько же сходства с якутским быком и у быка, изображенного на листе 21-м.

После этого будет вполне законным усомниться также в правдивости передачи женского костюма и украшений на 22-м листе альбома.

К счастью, почти одновременно с Булычевым якутскую одежду описали и другие авторы, как, напр., Миддендорф (1843 г.), Маак (1854 г.) и несколько позже Серошевский; поэтому имеется возможность проверить данные Булы-

чева. Пока же отметим, что, судя по рисункам в его альбоме, нашивки на поясе, другие украшения, а также серьги у якутской женщины того времени, к которому относится работа Булычева, были металлические.

Обращаясь теперь еще к одному источнику, а именно к «Живописной России», можно без труда установить следующую связь его с источниками, указанными ранее: центральная фигура на стр. 283, ч. I, т. XII «Живописной России» позаимствована с 22-го листа альбома Булычева; якутка, едущая на быке, на том же рисунке — с 21-го листа, «шитики» — с 13-го листа, а женщина, сидящая к зрителю спиной, взята у Миддендорфа со стр. 761 его «Путешествия на Север и Восток Сибири» (отд. VI — «Коренные жители Сибири»). Таким образом «Живописная Россия» ничего нового в отношении якутского женского костюма не дает.

Если обратиться теперь к более ранним литературным источникам, чем альбом Булычева, то первым из них по времени, дающим наглядное представление об якутской одежде, является (по данным «Библиографии Якутии» Н. Н. Грибановского) «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей», изданное К. В. Миллером в 1776 г. В тексте второй части этого труда имеются 30 цветных гравюр, на шести из которых изображены якуты — мужчины, женщина и девушка.

Кто является автором «Описания» — неизвестно, так как об этом ничего не сказано в титульном его листе, но, судя по тому, что в 1796 и 1799 гг. вышли из печати подобные же книги, правда в несколько измененном виде, но под тем же названием, с теми же шестью гравюрами, только с обозначением автора — И. Г. Георги, последнему, очевидно, принадлежит и первое «Описание», т. е. изданное Миллером в 1776 г. Но если автором «Описания» является Георги, то неизвестно, чьи и какого времени материалы легли в основу шести гравюр, изображающих якутов, так как сам Георги в Якутии не был.

Упомянутая книга во всех трех изданиях крайне редка, в Якутске ее нет вовсе, и потому для настоящей работы используется только аннотация к ней Н. Н. Грибановского, видевшего эти гравюры в Ленинграде. В отношении четырех гравюр в его аннотации сказано: «Якутская баба и девка с лица и со спины, на головах у них шапки с рожками. Якутки татуированы и костюм вышит цветным бисером».

Но, если обратиться теперь к «Путешествию флота капитана Сарычева», то за январь 1786 г., т. е. спустя только 10 лет после издания «Описания» К. В. Миллером, находим следующую запись: «Платье носят якуты, богатые из оленей, а бедные из лошадиной кожи, и притом как зимою, так и летом почти одинакового покрою, с тою только разностью, что для зимнего кожи употребляются с шерстью. Вместо рубашки надевают нагрудник, потом род длинного полушубка шерстью внутрь; а сверх всего с завороченными полами кафтан, называемый санаях, шерстью вверх. Штаны у них короткие, на четверть выше колен, к ним привязываются ремешками наколенники, спускающиеся немного пониже икр; потом на ноги одеваются носки, а на них сапоги, называемые этербесы. Достаточные якуты сверх всего платья носят привязанные к поясу два набедренника, состоящие из двух четвероугольных лоскутов красного или синего сукна...» и далее: «...женское якутское буднишное платье почти такое же, как и мужское, но наряднее, длиннее и полнее обыкновенного, покрыто цветным сукном, фанзою и китайкою, унизано серебряными и медными бляшками разных фигур и обложено кругом широкою опушкою из мехов бобровых и выдренных. К сему платью шапки надевают особого роду, с тремя вверху хохлами из птичьих перьев; в ушах носят серебряные большие кольца, волосы завязывают назад в косу» (стр. 23 и 24).

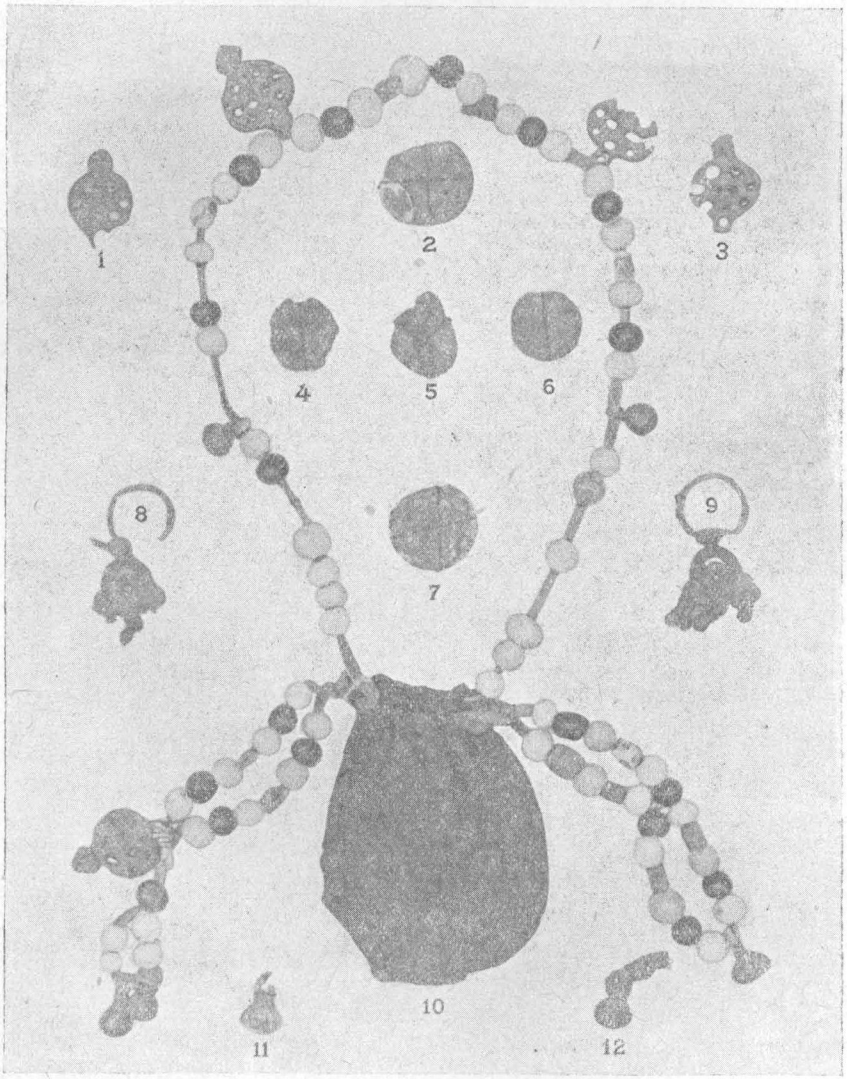

Рис. 2. 1, 3 — подвески; 2, 4, 5, 6, 7 — медные монеты; 8, 9 — серьги; 10 — кошелек; 11, 12 — подвески.

Таким образом и у Сарычева, как и у всех позднейших авторов, писавших об якутской женской одежде, бисер отсутствует совершенно, тогда как в «Описании» — исключительно бисер.

Создается впечатление, что 1776 г. («Описание») и 1786 г. (Сарычев) это та грань, когда якутский женский костюм претерпевал значительные изменения. Конечно, смена одних украшений другими, введение новых материалов для одежды и изменение ее покроя не могли совершиться в каких-нибудь 10 лет. Во-первых, 1776 г. это только год издания «Описания» и он отнюдь не указывает на время, когда был собран материал для этого издания, и, во-вторых, смена эта и не могла происходить по всей Якутии одновременно и равномерно: окраинные районы несомненно отставали.

В распоряжении исследователя более ранних литературных источников по этому вопросу, чем упоминавшиеся выше, нет. Поэтому единственный выход —

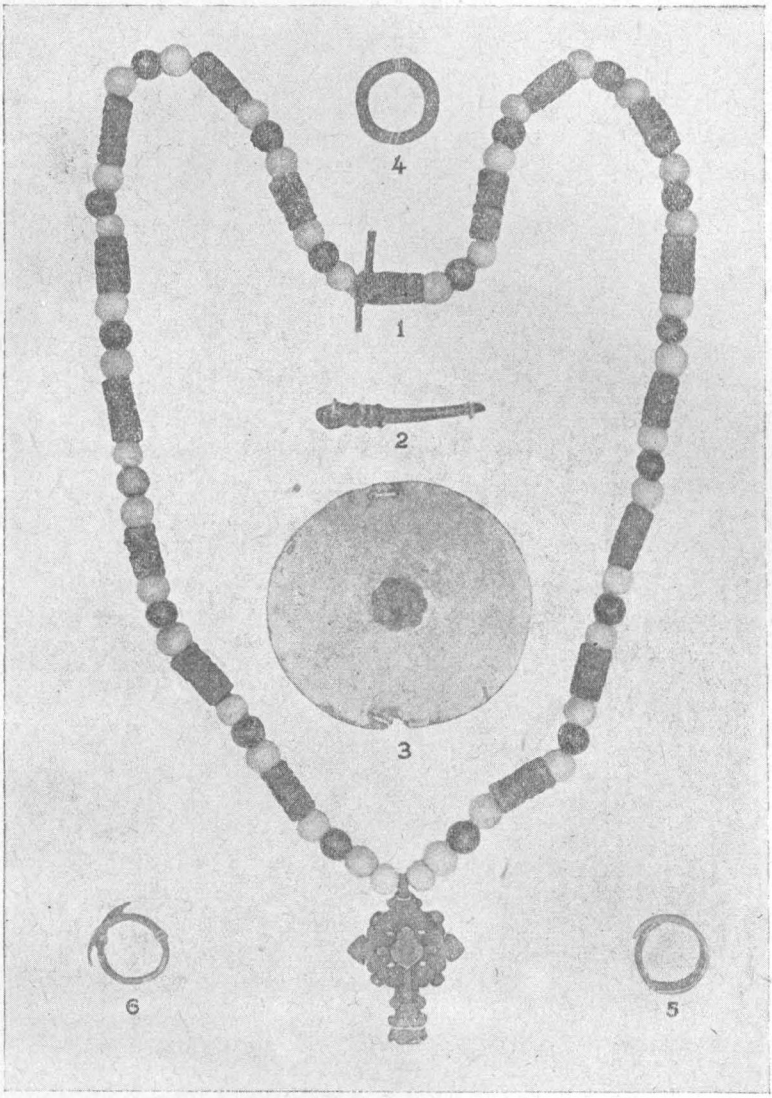

Рис. 3. 1 — нательный крестик; 2 — медная поделка; 3 — медная подвеска; 4, 5, 6 — кольца.

это прибегнуть к помощи археологии, тем более, что только она дает возможность непосредственного наблюдения жизни человека в давно минувшие времена.

2

В древности у якутов было два способа погребений умерших, а именно, арангасы — погребения над поверхностью земли (на столбах, на деревьях) и трупосожжение; современный же способ — зарывание в землю — появился позже, после прихода русских, которыми и введен насильственно.[1]

[1] Е. Д. Стрелов. Лук, стрелы и копье древнего якута. Сборник трудов Исследовательского общ. «Саха Кескиле», вып. I (4), 1927, стр. 58—60.

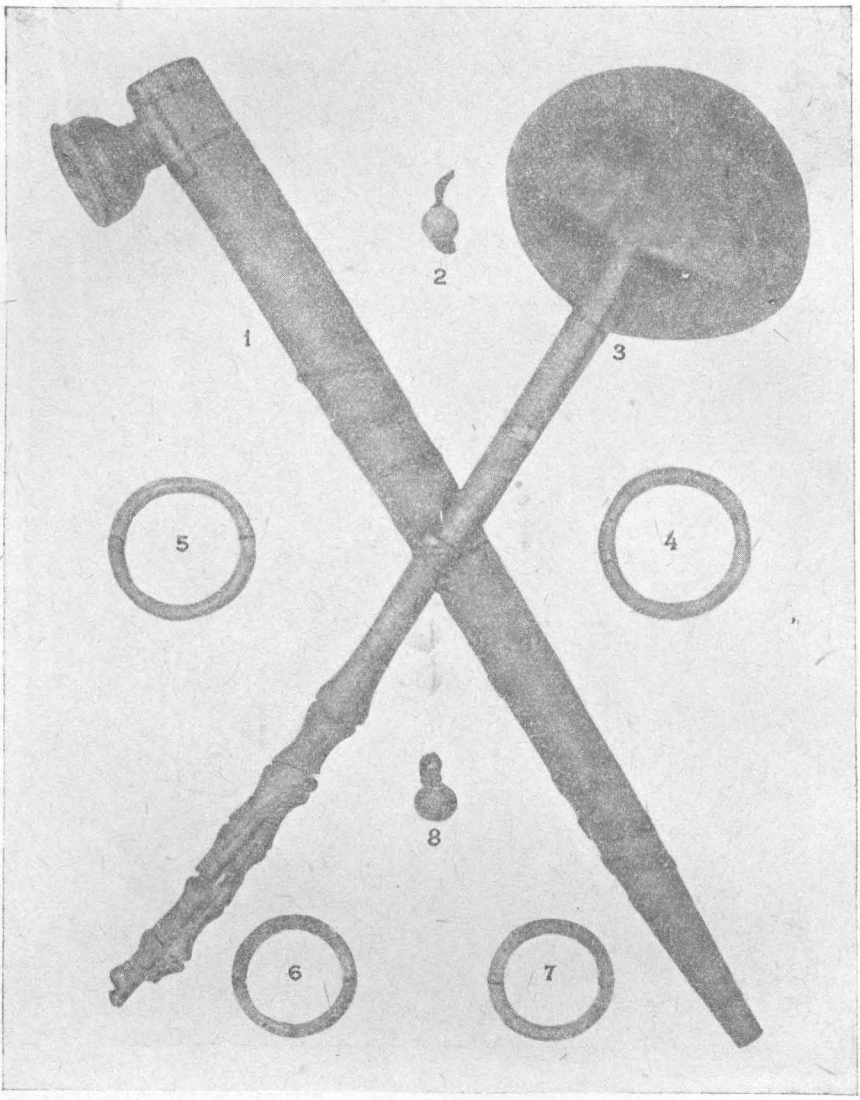

Рис. 4. 1 — трубка; 2, 8 — металлические пуговицы; 3 — деревянная ложка; 4, 5, 6, 7 — медные кольца.

Древние арангасы, относящиеся, напр., к XVII в., по вполне понятным причинам не могли сохраниться до нашего времени. Тем более не оставалось никаких следов в результате трупосожжений. Таким образом только какие-либо случайные находки могут дать представление о костюме якутской женщины к моменту прихода в Якутию русских.

Самые древние могилы, какие мне приходилось встречать до настоящего времени, ни в каком случае не могут быть отнесены далее половины XVIII в. Очевидно, это грань, после которой, с одной стороны, начинают изживаться арангасы и трупосожжения, с другой — входит в обычай чуждое доселе якутам, навязанное им русскими, зарывание покойника в землю.

В Якутии условия сохранения трупов и зарытых с ними вещей особенно благоприятны вследствие вечной мерзлоты почвы. Хотя якуты и не хоронят

своих покойников глубже 1—1½ м, все же влияние вечно мерзлого слоя сказывается во многом. Прежде всего здесь нет могильных червей, разрушающих ткань тела; очевидно, близость вечно мерзлого слоя не благоприятствует их зарождению и развитию. Процесс разложения трупа при слабом доступе воздуха и при температуре близкой к 0° идет каким-то иным, не обычным порядком, в результате чего трупы всегда мумифицируются; будучи же извлечены из могилы, быстро высыхают, не издавая трупного запаха. Иногда мумификация достигает такой полноты, что сохраняются ногти, уши, нос, губы, морщины на коже и т. п. Не сохраняются только кишечник и желудок.

Степень сохранности трупа зависит прежде всего от времени года, когда похоронен покойник, а затем, конечно, и от глубины могилы. Само собою понятно, что более стойки зимние погребения, хотя труп, зарытый в мае, тоже может замерзнуть и не оттаять затем со стороны спины в течение полутора столетий. В этом мне пришлось убедиться осенью 1922 г. во время раскопок в Хоринском наслеге Западно-Кангаласского улуса. Здесь, в одном из погребений, под спиною покойника была обнаружена небольшая ветвь березы с не вполне еще распустившимися листочками. Ветвь настолько сохранила первоначальную свежесть, сочность, гибкость и зеленую окраску листьев, что если бы это случилось не поздней осенью, когда листва опала уже с деревьев, то можно было бы искать какого-либо другого объяснения этой находки.

Из металлов полному окислению подвергаются только железо, свинец и олово, медь же, бронза и серебро покрываются окисями только с поверхности и потому в случае нужды легко чистятся соответствующими реактивами. Лучше всего сохраняется волос, благодаря чему всегда возможно определить меха на одежде. Шелковые и шерстяные ткани и такие же нитки почти не изменяются, но окраска их несколько буреет; однако побурение это не настолько сильно, чтобы невозможно было определить первоначальный цвет. Бисерные вышивки остаются в полной неприкосновенности, но нитки из жил, закрепляющие бисер, иногда настолько подгнивают, что неосторожное сотрясение может разрушить бисерный узор. Чтобы этого не произошло, необходимо на месте раскопок заливать бисерные вышивки густым раствором желатина, после чего можно спокойно приступать к перевозке добытых материалов.

Самым страшным врагом, нарушающим целость погребения в Якутии, является овражка (суслик), которая особенно охотно роет свои норы в могильных холмиках. Объясняется это тем, что надмогильное сооружение и более густая растительность, развивающаяся на взрыхленной при рытье могилы почве, лучше скрывает нору от пернатых хищников.

Овражка, поселившаяся на могиле, обычно роет свои норы по направлению к гробу, и если последний настолько уже подгнил, что не служит неодолимым препятствием, то она забирается внутрь, засоряет его землей, растительным мусором, перемешивает мелкие вещи, украшения и разрушает бисерный узор на одежде покойника. С другой стороны, если овражке даже и не удается проникнуть внутрь гроба, то все же многочисленные ее норы служат каналами, по которым циркулирует теплый воздух летом, холодный — зимой, что способствует более быстрому разрушению всего погребения.

3

Из ряда старинных якутских могил с женскими погребениями, раскопанными мною в период 1914—1922 гг., наиболее богатыми по обилию украшений оказались три: одна в так называемой «Атласовской» («Шахурдинской») заимке, километрах в 7—8 на запад от г. Якутска, и две на вершине Лысой горы в Хоринском наслеге Западно-Кангаласского улуса, километрах в 10—12 от Якутска.

Первая могила была разрыта в августе 1914 г., причем гроб с покойницею в нетронутом виде перевезен в город, где в том же месяце описан, и материал технически обработан. Что же касается двух других могил, то между раскопками, с одной стороны, и описанием и обработкой материалов — с другой, прошло довольно много времени. Колоды с покойницами из этих могил были доставлены в сентябре 1920 г. в амбар Якутского музея, простояли там в нераскрытом виде до 18 марта 1926 г., когда, наконец, представилась возможность открыть крышки, описать добытый материал и заняться технической его обработкой. Планшеты с коллекциями из всех трех могил поступили в 1926 г. в Исторический отдел Якутского музея, где и хранятся сейчас вместе с прочими моими археологическими коллекциями как собственность музея.

Первая могила расположена на опушке леса на берегу высохшего озера. Около могильного холмика, заключенного в полусгнивший сруб, валяются отдельные части развалившейся оградки. Столбики этой оградки как бы выточены на токарном станке; ряд углублений сменяется возвышающимися частями то с прямыми сторонами, то с закругленными. Основываясь на этой резьбе, якут, указавший могилу, заключил, что в данном случае похоронена женщина. И хотя в этот раз предположение его оправдалось, впоследствии же мне не раз приходилось наталкиваться и на мужские погребения с подобными же столбиками у надмогильной оградки. Таким образом по этому признаку нельзя определить заранее, с мужским или женским погребением придется иметь дело исследователю.

После удаления верхнего слоя земли ясно обозначилось могильное пятно. Верхний слой земли — глина, подстилающий — песок. На глубине $^1/_3$ м от поверхности попадаются древесные угли, а уже на четвертой лопате встречена крышка гроба. Последний составлен из четырех толстых досок по бокам, одной, служащей дном, и двух полубревен вместо крышки. Поверх этой крышки положена прямоугольная, сшитая из бересты, пластина, вышитая по бокам берестой со сквозным узором (рис. 11, 3). В гробу — женщина, обращенная головою на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, причем кисти рук покоятся на нижней части живота. Лицо закрыто лисьим мехом. На голове меховая шапка с круглой серебряной пластинкой над лбом. Форма шапки такая же, как и на рис. 15. В ушах серьги, представляющие собою медную проволоку, на которую вздеты пять чередующихся между собою черных и белых корольков и конец которой, служащий для вдевания в ухо, загнут кольцом. Проволока на серьгах окислилась насквозь и потому местами поломалась при нашивке на планшеты (рис. 10, 2 и 4).

Покойница одета в короткую, доходящую только до колен, одежду, сшитую из синей дабы, на холщевой подкладке, обильно украшенную бисерной вышивкой (рис. 17). Бисер нашит не прямо на материю, а сначала на ровдугу (замшу), которая в свою очередь пришита к дабе. Очевидно, когда одежда изнашивалась, с нее спарывали ровдужные полосы с вышивкой и нашивали на новую.

Бисер и корольки на вышивках и украшениях только трех цветов: белого, черного и голубого. И по моим наблюдениям исключительно только эти три цвета и встречаются в старинных якутских могилах. Прозрачные стеклянные корольки зеленого и фиолетового цветов, а также бисер других цветов, обычные для одежды и украшений XIX в., совершенно отсутствуют в могилах половины XVIII в.

Бисер на вышивках местами развалился вследствие того, что закрепляющие его нитки истлели, но так как еще в могиле все расшитые части одежды были залиты густым раствором желатина, — удалось сохранить все узоры настолько, что впоследствии, при реставрации якутского женского костюма в целом, художник без малейших затруднений рисовал по ним самые мельчайшие детали узора.

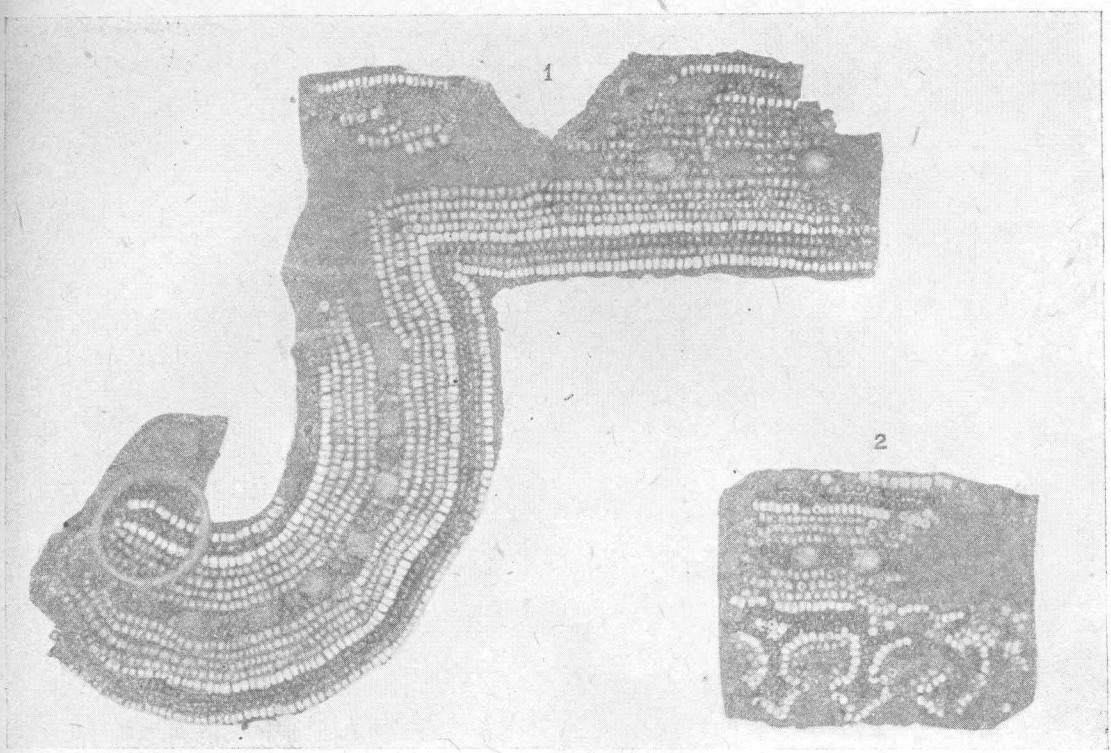

Рис. 5. 1 — бисерная вышивка по ровдуге; 2 — бисерная вышивка по подолу одежды.

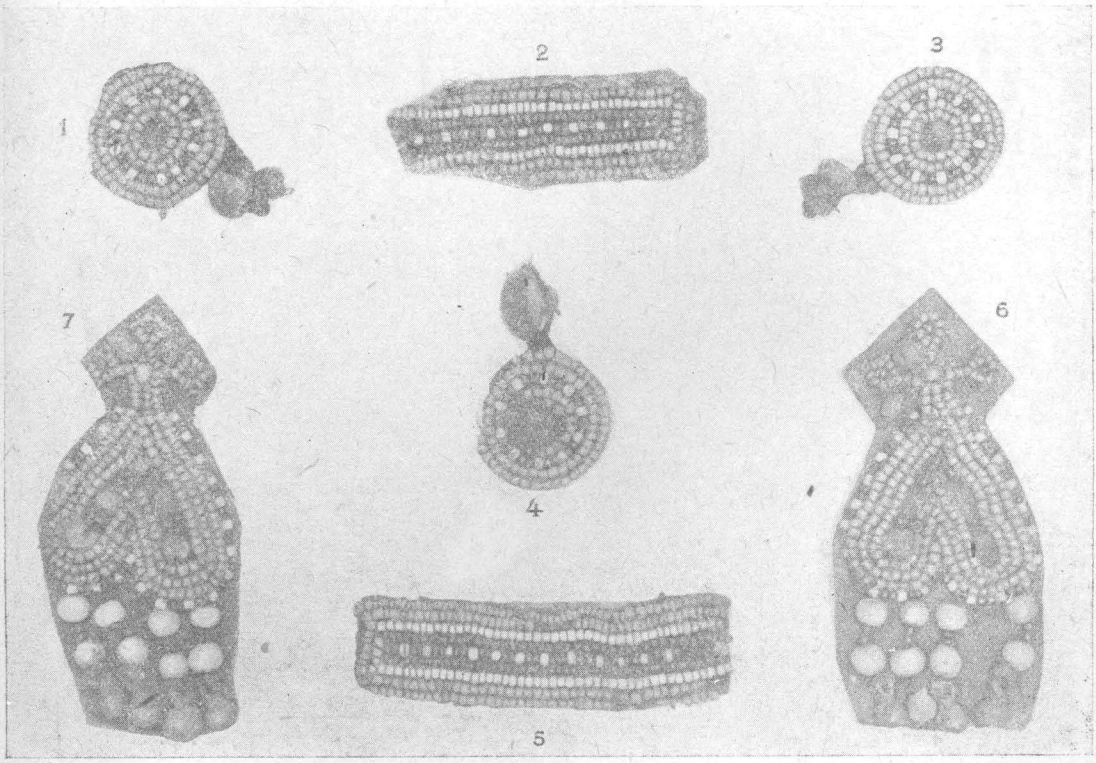

Рис. 6. 1, 3, 4 — оловянные бляшки, зашитые бисером, и пуговицы; 2, 5 — ровдужные полоски, вышитые бисером; 6, 7 — подвески в виде сердечка.

Даба хотя на вид и казалась совершенно цельною, но при попытке расправить складки или раскрыть полы одежды рассыпалась, почему сделать точные обмеры последней для выяснения покроя никак не удалось. Для музея же в качестве образца лоскут дабы пришлось закреплять бесцветным желатином с консервирующими веществами, в каковом виде после просушки он и нашит на планшет (рис. 11, 2).

Воротник у верхней одежды (рис. 7, 2) стоячий, сплошь зашитый бисером и белыми корольками; застегивался он на две металлические пуговицы, имеющие форму гирьки (рис. 4, 8). Подобные пуговицы всегда встречаются в старинных якутских могилах; как это видно по рис. 2 и 6 (11, 12 и 1, 3, 4), они употреблялись не только как застежки, но шли также на те или иные украшения в качестве подвесков. Подобные подвески находил также Маак в Вилюйском округе, только там нижняя часть их не круглая, а коническая.[1]

Описываемая одежда застегнута на три пуговицы (рис. 6, 1, 3 и 4), две из которых точно такие же, как и на воротнике, третья же несколько крупнее и имеет форму не гирьки, а грибка (рис. 6, 4). Основанием продолговатых ровдужных петель служат ровдужные же кружочки 3—3½ см в диаметре, сплошь зашитые бисером, с оловянными бляшками в центре (рис. 6, 1, 3 и 4). Олово во всю толщину окислилось, имеет матовый цвет и при нажиме легко крошится. На концах рукавов, отступя 1 см от края, с той стороны, которая не прилегает к туловищу, имеются ровдужные полоски, вышитые девятью рядами черного, белого и голубого бисера (рис. 6, 2 и 5).

На груди, приблизительно против каждого соска, прикреплены к дабе нитками оригинальные вышивки бисером по ровдуге, имеющие форму перевернутого сердечка, продолжением которого вверху служит крестик (рис. 6, 6 и 7). В углах крестиков и в середине каждого сердечка сохранились остатки оловянных бляшек, окисливших во всю толщину. Снизу у каждого сердечка имеется по четыре свободно висящих подвеска, составленных каждый из двух голубых корольков, разделенных двумя черными бисеринками, и такой же пуговицы на конце, какими был застегнут воротник описываемой одежды.

На передней части одежды, как раз в талии — опять своеобразная бисерная вышивка по ровдуге (рис. 5, 1), состоящая из 17 рядов бисера черного, белого и голубого с оловянными бляшками в середине. Вышивка идет сначала по линии пояса через весь живот, затем под острым углом опускается немного вниз, после чего плавно закругляется по направлению к бокам одежды, но, не доходя до них, резко обрывается по вертикальной линии. На концах этой вышивки пришиты ровдужные язычки, оканчивающиеся петлями, в которые вдеты медные кольца; к последним подвешены у правого бока покойницы кошелек (рис. 2, 10), а у левого — медная игольница (рис. 1, 3). Кошелек сделан из ровдуги и с лицевой стороны вышит нитками; узор стерся настолько, что зарисовать его не представляется возможным. Кошелек открывается и закрывается при помощи ровдужных ремешков, продетых через ряд отверстий, прорезанных в верхней его части. На ремешки вдеты черные и голубые корольки, чередующиеся с медными трубочками, точно такими же, как на цепочке у креста на рис. 3, 1, или на косоплетке, изображенной на рис. 9, 7.

Эти медные трубочки — самое обычное явление в старинных могилах хоринских якутов, но, судя по Мааку,[2] они были в употреблении также и в Вилюйском округе; не являются они редкостью и в украшениях самого последнего времени, где обычно занимают место между корольками на каких-либо подвесках.

Кроме ремешков, служащих для открывания и закрывания кошелька, на нем имеется еще один, который служит для привязывания кошелька к кольцу.

[1] Маак. Вилюйский округ Якутской области, табл. 1, №№ 4 и 18.
[2] Маак., ук. соч., ч. III, табл. 1, №№ 10, 11 и 18.

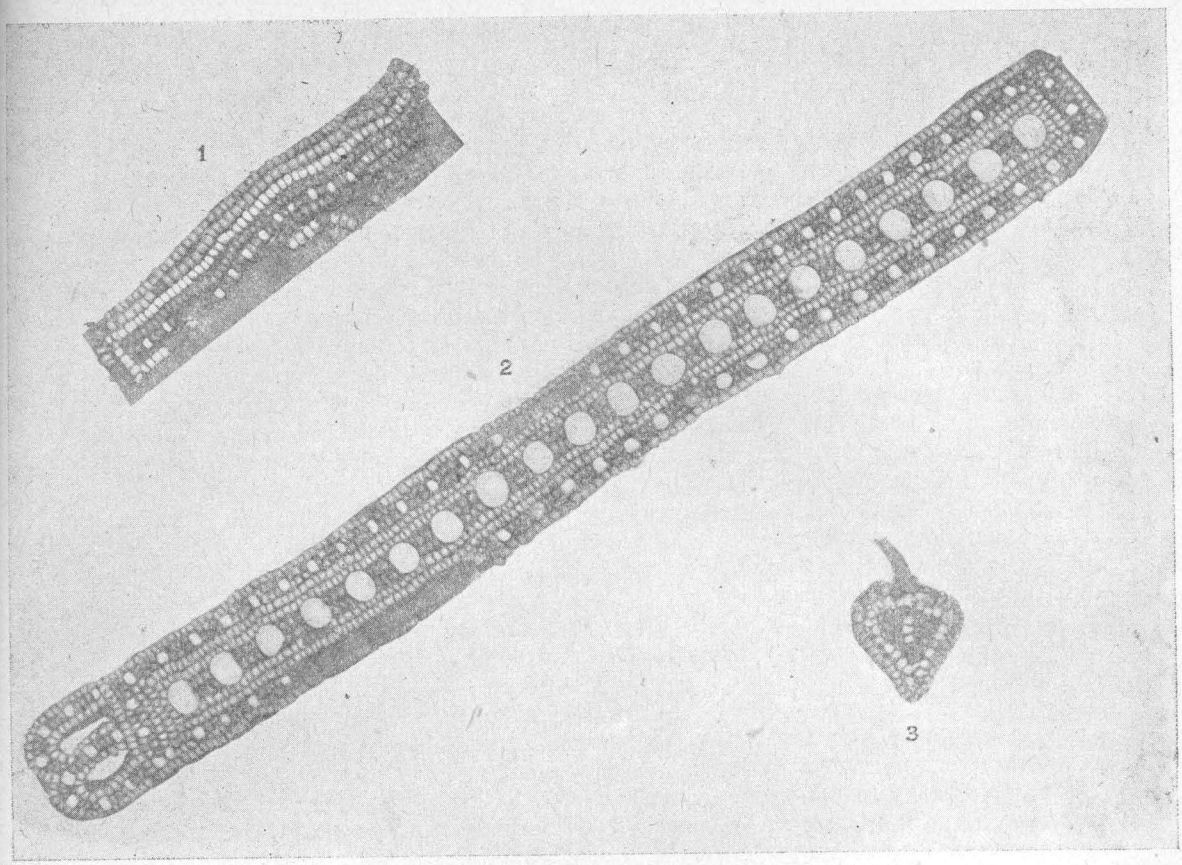

Рис. 7. 1 — вышивка на воротнике нижней рубашки; 2 — воротник верхней одежды; 3 — вышивка на обуви (этербесах).

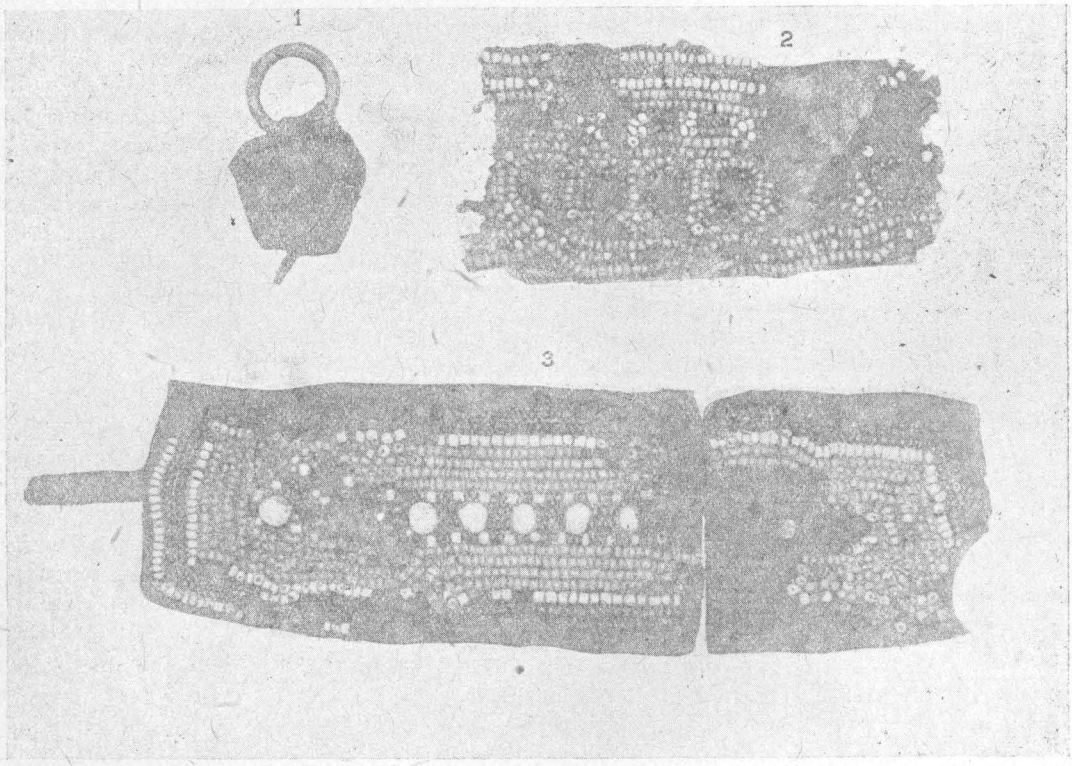

Рис. 8. 1 — кольцо, вшитое в переднюю часть штанов; 2 — вышивка на обуви; 3 — ровдужный пояс.

На этот ремешок также вздеты голубые и черные корольки, медные трубочки и пуговицы. На обоих ремешках имеется еще три тонких, плоских медных подвеска, с несколькими сквозными отверстиями в каждом; кроме того, точно такие же, но сломанные (рис. 2, 1 и 3), найдены лежащими около кошелька: по всей вероятности и они в момент погребения находились на ремешках.

В кошельке обнаружена пара оловянных серег (рис. 2, 8 и 9). Подобных серег в раскопках не попадалось ни разу. Обнаружено также пять русских медных монет-полушек (рис. 2, 2, 4, 5, 6 и 7), на одной из которых после удаления окиси без труда читается: 1747 г., бронзовая пряжка от дамского пояса, по тонкости работы несомненно не якутского происхождения (рис. 1, 4), и, наконец, медная поделка, употреблявшаяся, вероятно, для чистки трубки (рис. 3, 2). Наличие монет с обозначением года дает возможность установить бесспорную одностороннюю дату погребения, т. е. оно, следовательно, не могло совершиться ранее 1747 г. Остальные четыре монеты представляют собою такие же полушки, как и описанная, но прочесть на них год чеканки не представляется возможным, так как с поверхности они глубоко окислились.

На противоположном конце описываемой бисерной вышивки, т. е. у левого бока покойницы, на таком же медном кольце, на каком привязан кошелек, висит медная игольница (рис. 1, 3), ремешок которой сначала прикреплен к двойному медному кольцу, в котором внутреннее кольцо соединено с наружным крестообразно расположенными перешейками, а уже это кольцо привязано к простому, пришитому у пояса в конце бисерного узора.

Двойное кольцо — самое обычное явление для хоринских могил как мужских, так и женских, и чаще всего оно бывает пришито близ пояса для привязывания кошелька, сумочки, ножа, игольницы и т. п. Употреблялось оно также якутами и Вилюйского округа, хотя в несколько ином виде: наружное и внутреннее кольца соединены здесь, кроме четырех перешейков, еще четырьмя маленькими колечками.[1]

Игольница (рис. 1, 3) состоит из медной, покрытой резным и давленым орнаментом, трубки и пропущенного через нее ровдужного ремешка, на нижнем конце которого прикреплен медный подвесок со сквозным узором, препятствующий трубочке соскользнуть с ремня вниз. В самом начале и в конце трубочки ремень туго перевязан поперек нитками, отчего между этими точками ремень имеет вид лодочки, куда и складываются иголки. Чтобы достать последние из игольницы, необходимо одной рукой взяться за подвесок, другой же передвигать трубочку по ремню вверх настолько, чтобы можно было взять из лодочки иглу, после чего трубочка опять передвигается на прежнее место.

В настоящее время таких игольниц уже нет в употреблении совершенно, но на женских шубах XIX в. имеются пришитые к боку кожаные шнурки со вздетыми на них трубочками и с металлической чашечкой-колокольчиком или с корольком на конце. Эти трубочки своим происхождением и местом на одежде несомненно обязаны вышеописанной игольнице.

Иголок в игольнице, найденной при покойнице, не сохранилось, но обильная ржавчина в лодочке указывает, что они были там в момент погребения.

По подолу одежды во всю длину нашита широкая ровдужная полоса, сплошь зашитая белым, черным и голубым бисером с оловянными блестками в середине бисерной дорожки и в центрах кружков, завершающих узор в верхней его части. Эта вышивка сохранилась плохо, так как нитки, закреплявшие бисер, сгнили, почему последний и осыпается при малейшем прикосновении. При помощи желатина удалось все же закрепить часть вышивки во всю ее ширину, благодаря чему и удалось получить вполне надежный материал для научной реставрации якутского женского костюма (рис. 5, 2).

[1] Маак, ук. соч., ч. III, табл. 1, № 23.

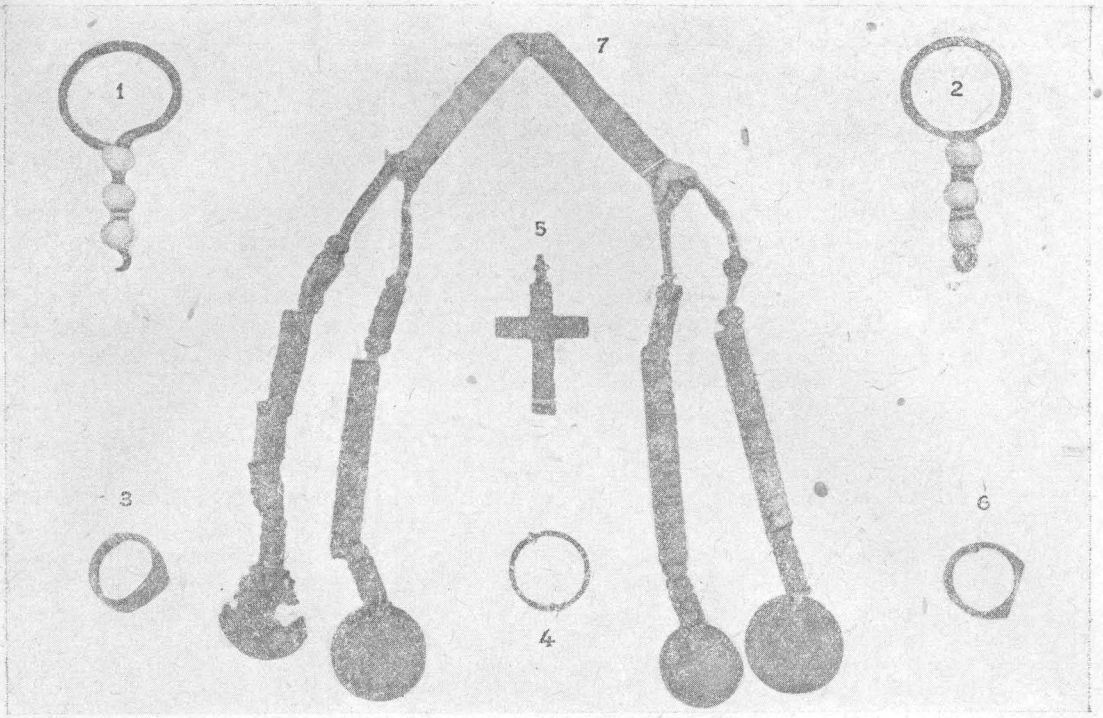

Рис. 9. 1, 2, 3, 4, 5, 6 — отдельные части косоплетки; 7 — косоплетка.

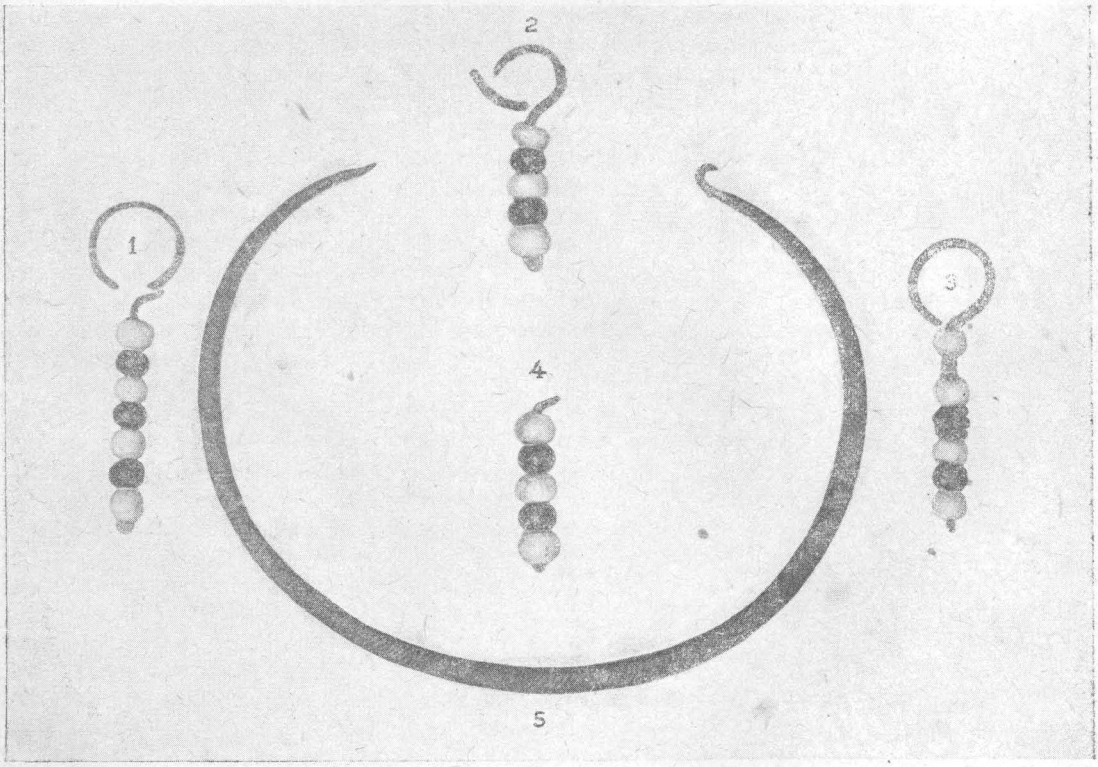

Рис. 10. 1, 2, 3, 4 — подвески, 5— обруч.

На безымянном пальце каждой руки покойницы одето по серебряному кольцу, суживающиеся концы которых не спаяны вместе, а свободно заходят один за другой спирально, почему эти кольца можно было увеличивать и уменьшать в зависимости от толщины пальцев (рис. 3, 5 и 6).

Выше кисти на обеих руках надеты широкие и тонкие медные браслеты с давленным выпуклым орнаментом (рис. 11, 1 и 4). Концы каждого из этих браслетов загнуты один наружу, другой внутрь, благодаря чему их без труда можно было застегивать и расстегивать, слегка сжимая для этого свободной рукой.

Под описанной одеждой на покойнице имеется еще вторая, а именно рубаха, сшитая из тонкой ровдуги. Вышита она только в одном месте — немного ниже воротника. Вышивка эта представляет собою две короткие полоски, расшитые девятью рядами голубого, черного и белого бисера (рис. 7, 1), которые прикреплены к рубахе в таком же направлении, как петлицы на отложном воротнике форменной тужурки.

На шее покойницы, поверх ровдужной рубахи, надет небольшой серебряный крестик неякутской работы, подвешенный на шнурке, украшенном голубыми и черными корольками, чередующимися с такими же медными трубочками, какие были описаны выше. Порядок размещения их следующий: корольки голубой, черный, голубой, затем трубочка, дальше опять корольки голубой, черный, голубой и трубочка и т. д., в том же порядке. Рубаха опоясана ровдужным поясом, расшитым бисером трех цветов с голубыми корольками по средней линии (рис. 8, 3 и 20, № 3). Бисер на поясе хотя и осыпался, все же, будучи закреплен желатином на месте раскопок, сохранил в точности первоначальный узор на обоих концах, что дало возможность реставрировать и весь пояс в целом.

Под рубахой в верхней части туловища больше не обнаружено никакой одежды, в нижней же части имеются короткие ровдужные штаны, с передней стороны которых, несколько ниже опушки, пришиты кожаные скобки, служащие для привязывания четырех подвесков (рис. 1, 1 и 2). Каждая пара подвесков внизу скреплена между собою ремешком, так что представляет собою как бы одно целое. Подвески висят вдоль ног и потому при ходьбе должны были звенеть. Пластинки этих подвесков отлиты из желтой меди и представляют собою точную копию подвесков, найденных Мааком в Вилюйском округе.[1] Пластинки вздеты на длинные узкие ровдужные ремешки, пропущенные для этого через крайние отверстия каждой пластинки. Вверху подвески оканчиваются тремя корольками — голубым, черным, голубым, внизу же вместо черного королька вздета медная трубочка, какая уже описывалась выше, а дальше вслед за последним голубым корольком имеются на каждой паре подвесков по четыре массивных литых металлических фигурки (рис. 1, 1 и 2, а также на рис. 10, 4). Эти фигурки должны были звенеть при ходьбе, ударяясь друг о друга.

На передней же части штанов, ближе к бокам, вшиты в кожу по медному гладкому кольцу (рис. 8, 1).

На ногах покойницы мягкая ровдужная обувь — этербесы, доходящие до колен. Верхняя часть голенища кругом расшита трехцветным бисером (рис. 8, 2). В нижней части этербесов, где пришиваются обыкновенно ремни для завязывания, с наружных сторон вышиты голубым, белым и черным бисером по маленькому сердечку, из середины широкой части которого выходил ремешок (рис. 7, 3; рис. 20, 2).

Другой ремень, находящийся на внутренней стороне этербесов, пришит без всяких украшений. Оба ремня опоясывали ногу спирально почти на $^1/_6$ м.

Помимо описанных вещей в этой могиле найдены еще трубка (за правым голенищем), деревянные ложка и миска, а также четыре медных гладких кольца, королек и пуговица, очевидно оторвавшиеся от одежды (рис. 4).

[1] Маак, ук. соч., ч. III, табл. 1, № 17.

Вторая могила, давшая много нового в отношении якутской женской одежды половины XVIII в., находилась на гребне Лысой горы между Хоринской и Атласовской падями, приблизительно в 12 км на юго-запад от г. Якутска. Местонахождение этой могилы вместе с другими описано мною в статье «Лук, стрелы и копье древнего якута»,[1] откуда и приводится это описание.

«Склон горы в сторону р. Лены настолько крут в этом месте, что его можно считать неприступным, а потому, чтобы попасть к могилам, необходимо пройти сначала с полверсты по пади и уже тогда только по довольно крутому распаду взбираться на гору.

Здесь, наверху, на самом ее гребне, начиная от южного склона и далее на север до Атласовской пади, почти на полверсты вдоль гребня, по одной прямой линии, с небольшими между собою промежутками, расположены старинные могилы хоринских якутов.

Отсюда открывается величественный вид на долину реки Лены, начиная от мыса Ытык-Хая до Кангаласского камня. На юге виднеются деревни Табага и Владимирская, на севере — город, а между ними на голой равнине разбросаны небольшими группами юрты Багарадского, Орсютского и Хоринского наслегов, обрамленные сплошной сетью бютяйных[2] изгородей. Под самой горой тянется беспрерывная цепь озер. Вдали — Лена.

На горе почти к самым могилам подступает сплошная стена леса, который почему-то обрывается резкой гранью, не доходя сажен тридцать до гребня, оставляя между последним и собою длинную, узкую и совершенно голую полосу, вдоль которой и расположены могилы. Таково местоположение хоринских погребений».

Надмогильное сооружение отсутствует и погребение обнаружено только при помощи щупа, которым исследовался гребень горы на протяжении 300 м от самой крайней со стороны Хоринцев могилы.

Могила расположена как раз против высокой, единственной здесь, ели, которая особо чтится и поэтому бережно охраняется хоринскими якутами от порубки.

По снятии дернового слоя и зачистки обнаженного места рельефно вырисовывается могильное пятно, в зависимости от которого и начато рытье ямы. На глубине $^1/_2$ м встречена верхняя часть сруба, состоящего из нескольких тонких круглых бревен (приблизительно 9 см в диаметре), покрытых берестяной пластиной.

Внутри сруба лиственничная колода-гроб, сохранившаяся довольно хорошо, в которой похоронена женщина, обращенная головою на юго-запад, лицом вверх.

В виду начавшегося ненастья колоду пришлось перевезти в г. Якутск, где она оставалась нераскрытою до 15 марта 1926 г., когда вместе со всем имуществом музея перевезена во вновь отведенное здание, и через два дня была открыта крышка колоды, произведены фотографические снимки и детальное описание.

Длина колоды 207 см, в обхвате — 162 см (рис. 13). Сделана она из ствола лиственницы, причем на торце заметна насеченная линия, по которой, очевидно, предполагалось произвести раскол, однако последний в действительности не везде совпал с этою линиею. По хорошо видным слоям на торце можно было установить, что дерево было срублено в возрасте более 200 лет.

Руки покойницы вытянуты вдоль туловища, причем кисти их покоятся на нижней части живота. Под головой вместо подушки — пестрая шкура бело-рыжего телка. На голове шапка-капор (рис. 15), край которой, обрамляющий лицо, сшит из меха росомахи, сама же шапка — из лап красной лисицы. С передней части на шапке, сразу же за полосой росомашьего меха, нашита круглая, тонкая серебряная пластинка до 5 см в диаметре.

---

[1] Сборник трудов Иссл. общ. «Саха Кескиле», вып. 1 (4), 1927, стр. 61.

[2] Бютяй — огороженное место для пастьбы скота.

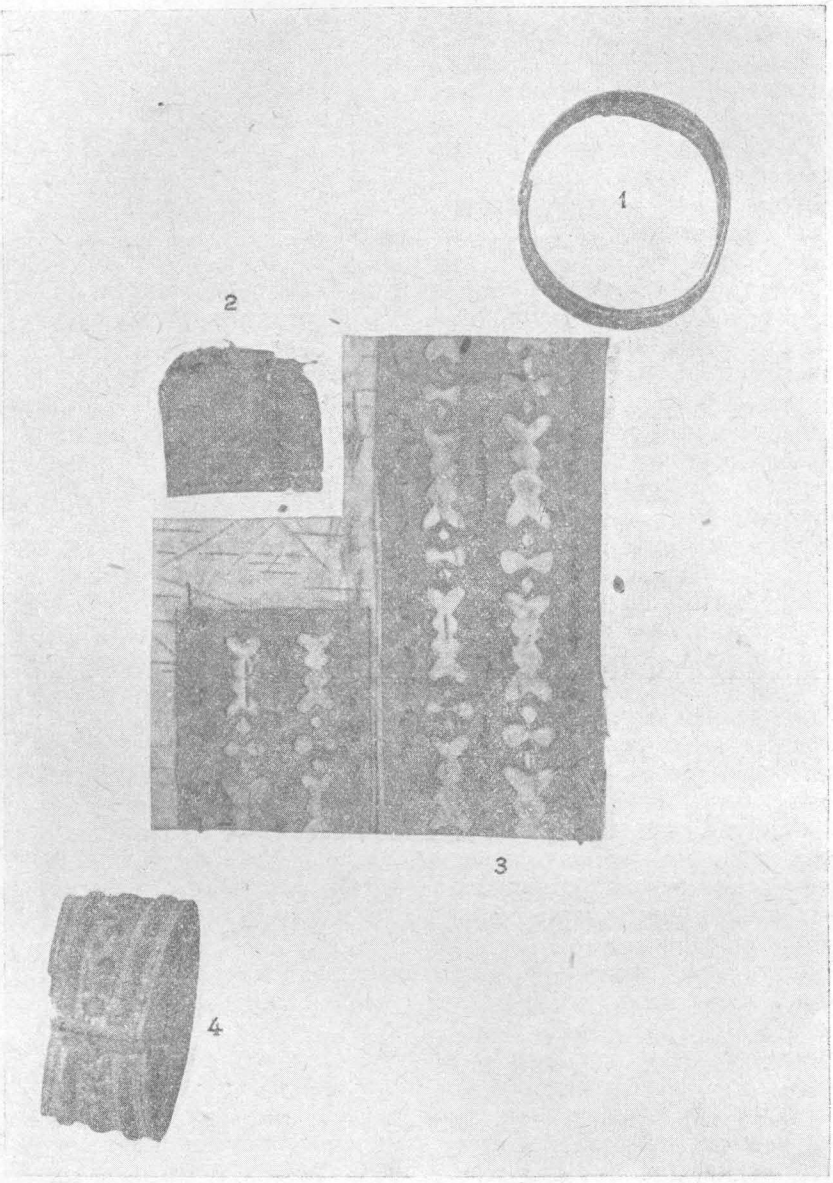

Рис. 11. 1, 4 — медные браслеты; 2 — лоскут дабы; 3 — прямоугольная, сшитая из бересты пластина, вышитая по бокам берестой со сквозным узором.

Лицо покойницы закрыто каким-то мехом волосами наружу; он походит на мех из лап красной лисицы. При попытке снять мех с лица обнаружено, что края его крепко пришиты к шапке, поэтому снять его удалось, только распоров шов, шедший вокруг всего лица до самой шеи.

Начиная от плеч, до ступеней ног покойница завернута в шкуру лошади волосами наружу. Судя по сохранившейся на шкуре гриве, длина волос которой не превышает 18 см, можно заключить, что лошадь была не моложе одного года и не старше двух лет.

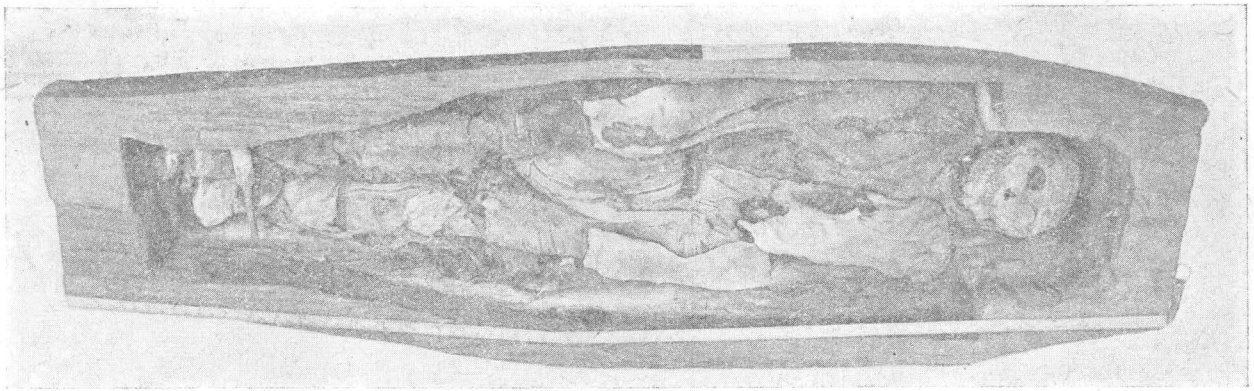

Рис. 12. Могила № 3.

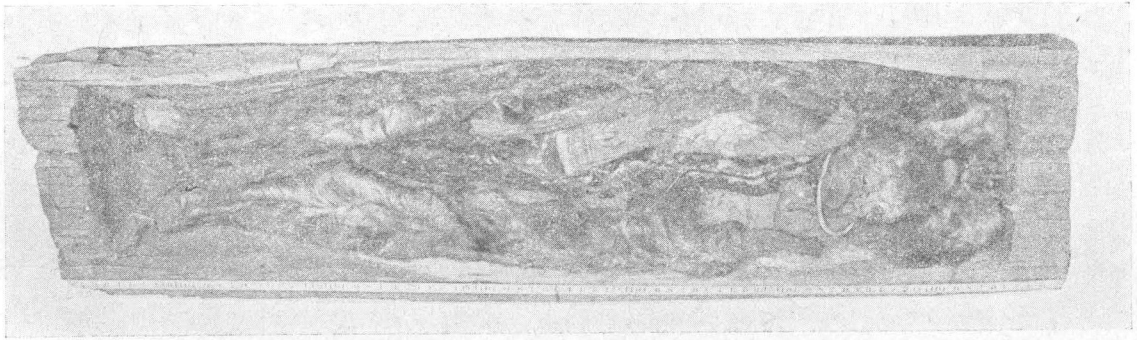

Рис. 13. Могила № 2.

На шее покойницы надет массивный как бы витой металлический обруч (рис. 14), окислившийся настолько, что у концов его, т. е. в более тонких местах, окись проникла на всю толщину. Окись яркозеленого цвета, что указывает на то, что обруч был сделан из меди или бронзы. Обруч сходен с изображением на рис. 10, 5.

На покойнице надета ровдужная одежда длиною на 9—10 см ниже колен, опушенная по рукавам, полам и подолу мехами разных цветов и с меховыми же нашивками вокруг верхней части рукава.

Подол этой одежды, как было сказано, обрамлен меховой опушкой. Общая ширина опушки 30½ см. Начиная снизу, 3½ см занимают полоски, из которых самая нижняя белого меха, средняя темного и верхняя белого. Выше идет полоса темного меха, шириною в 27 см. Судя по длине волос, их цвету, форме и толщине, можно с уверенностью сказать, что как темный, так и белый мех изготовлены из шкуры оленя и именно из части, содранной с голеней упомянутого животного.

Описанная опушка тянется вокруг всего подола и затем спереди под прямым углом поднимается вверх, обрамляя полы одежды со стороны переднего разреза от самого низа до выреза для шеи. Порядок расположения мехов у этой опушки тот же, что и на подоле, с той только разницей, что здесь ширина последней темной полосы не 27 см, а только 4½ — 5 см; кроме того, крайние (цветные) полосы выделяются несколько резче, так как шерсть на них несколько короче, чем на подоле.

Как упоминалось выше, описываемая одежда имеет спереди во всю длину разрез до шеи и застегивается десятью ровдужными ремешками — вязками, пришитыми к полам попарно друг против друга, причем правая пола помещается сверху левой.

При попытке распахнуть полы одежды обнаруживается, что, начиная от шейного выреза до самого низа, они, кроме скрепления вязками, крепко сшиты одна с другою жильными нитками; отверстия на нижних концах обоих рукавов тоже наглухо зашиты; таким образом кисти рук покойницы не высовываются из рукавов.

Это зашивание указывает, насколько сильно была развита боязнь покойников у якутов. Всеми мерами они старались обезопасить себя на случай, если покойник или покойница вздумали бы вредить оставшимся в живых. И действительно, если бы подобным образом одеть живого человека, то он оказался бы в самом беспомощном положении, так как, ничего не видя (лицо зашито мехом), плохо владел бы руками, зашитыми в рукава, и в то же время без посторонней помощи не смог бы избавиться от подобной одежды, зашитой спереди. Мне приходилось иметь дело с такими погребениями, где даже надмогильное сооружение устраивалось таким образом, что крышка надмогильного сруба закреплялась поперечными брусьями, концы которых пропускались через отверстия, проделанные в столбиках, вкопанных по бокам могилы.[1]

Рукава около кисти рук, т. е. на самом их конце, имеют тоже меховые опушки, причем здесь по самой кромке идет сначала узенькая полоска белого меха, а за нею сразу темная, шириною в 5 см. Опушки на рукавах из того же оленьего меха, что и на подоле и полах, белая полоска здесь настолько узка, что едва заметна.

Начиная приблизительно с половины бицепса, ровдуга сменяется мехом из лисьих лап, который, не доходя 5 см до места вшивки рукавов, опять уступает место ровдуге. Ровдуга пришита к корпусу одежды так, как обыкновенно вшиваются рукава. Ширина описанных меховых колец равняется 18—20 см. Расположение этих колец на рукавах, а также опушка на нижней части видны на рис. 18. Воротник отсутствует, а вместо него имеется только круглый вырез для шеи.

Описанная одежда предназначалась, вероятно, не для зимы, так как с внутренней ее стороны нет никакого меха; но это одежда и не комнатная, так как под

[1] Е. Д. Стрелов., ук. соч., стр. 62, 64 и прил., рис. 2 и 11.

нею имеется другая, более короткая, богато украшенная нашивками из кожи со сквозным узором (рис. 18). Обилие этих украшений в свою очередь дает основание предполагать, что вторая одежда не является нижнею, т. е. нательною, соответствующею белью.

На ногах покойницы надеты торбаса из черной кожи, доходящие до коленной чашечки. Под коленом и выше ступни они подвязаны ременными вязками. Дальше идут штаны из меха с оленьих ног, надетые шерстью наружу.

Как уже упоминалось выше, под верхней одеждой имеется еще одна, которая и изображена художником Носовым в красках (рис. 18). Эта короткая одежда, не доходящая на 18 см до колен, так же как и верхняя имеет спереди разрез от шеи до самого низа. Так же как и первая, она обрамлена по подолу, полам и на концах рукавов меховой опушкою из меха разной окраски; но сшита она не из ровдуги, как первая, а из красного или оранжевого сукна, которое к моменту раскопок настолько побурело, что имеет такой цвет, как на упомянутом рисунке худ. Носова (рис. 18). Подкладкой у этой одежды служит грубый холст.

По подолу идет меховая опушка в 11—12 см шириною; из них $^3/_4$ см приходится, как и в первой одежде, на три полоски белого, темного и опять белого меха, четвертая же полоса (темного меха) здесь всего только около 8 см шириной. Опушка проходит вокруг всего подола, затем спереди под прямым углом поворачивает вверх, обрамляя обе стороны разреза до самого выреза для шеи. Разница между опушками на подоле и на полах заключается лишь в том, что крайние темные полосы меха на полах имеют в ширину всего только около $4^1/_2$ см. На одежде сохранились три пары ременных вязок, которыми она застегивалась. Воротника нет, а вместо него имеется просто круглый вырез для шеи.

Рукава оканчиваются точно такой же опушкой, как и на полах. После этой опушки вверх по рукаву идет сначала полоска какой-то материи грязно-белого цвета, а затем рукав опоясан полосою тонкой черной кожи шириною в 5 см, под которую подложена синяя даба. На нижней части кожной полосы имеется вышивка, исполненная шелковыми нитками тамбурным швом. Вышивка эта состоит из семи рядов волнистых линий синего и красного цветов, идущих параллельно вокруг всего рукава. Оба цвета вышивки чередуются между собою в следующем порядке: самая нижняя линия синяя, затем красная, опять синяя, снова красная и т. д. в том же порядке.

Упомянутая вышивка занимает как раз половину ширины полосы, а дальше в верхней ее части вырезаны два ряда сквозных отверстий, через которые красиво выделяется подложенная снизу синяя даба. После сквозного узора идет неширокая полоска кожи, ничем не украшенная. Выше этой кожаной полоски весь рукав сшит из той же материи, как и на корпусе одежды, но близ плеча его охватывает опять полоса такой тонкой черной кожи, как у конца рукавов. Ширина этой полосы 11—12 см, причем в коже прорезаны сквозные кружки и полукружки, через которые виднеются снизу и с краев синяя даба, а в середине — коричневато-желтая шелковая ткань.

По бокам средней дорожки, состоящей из двух рядов полукружков, обращенных друг к другу выпуклыми сторонами, на фоне черной кожи рельефно выделяются по три волнистых линии, вышитые голубым шелком тамбурным швом. На кожу между каждыми четырьмя полукружками нашиты сверху кожаные же ромбики, прометанные по краям тонкими шелковыми нитками желтого цвета. Такими же нитками обметаны и края тех кружков, под которыми подложена синяя даба.

Вся эта кожаная опояска, когда краски имели первоначальную свежесть, несомненно выглядела очень эффектною и обращала на себя внимание как тонкостью работы, так и рельефностью многоцветного узора.

Упомянутые линии кружков и вышивка шелком охватывают не весь рукав, а только боковые и нижние его части, на верхней же, т. е. по линии плеча, они пересечены таким же почти узором, идущим под прямым углом к описанному.

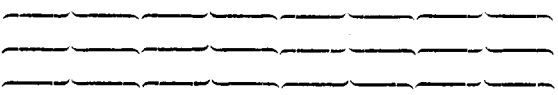
Половина этого узора хорошо видна на рис. 18, но к сожалению многие детали, как, напр., ромбики, видны плохо, желтая же обметка на ромбиках и отверстиях совсем не вышла, хотя на оригинале работы худ. Носова, изображающем одежду в три четверти натуральной величины (хранится в Якутском музее), все эти детали выполнены по извлеченным при раскопках материалам почти с фотографической точностью.

На полах описываемой одежды сразу же вслед за меховой опушкой тоже нашито по кожаной ленте с вырезанными в ней сквозными кружками и полукружками и с такими же кожаными ромбиками и желтой шелковой обметкой, как и на только что описанной полосе, опоясывающей верхнюю часть рукава. Ленты эти начинаются внизу сразу от меховой опушки на подоле и доходят до шейного выреза, врезаясь в кожаную же «кокетку», лежащую вокруг всего шейного выреза на плечах и верхних частях груди и спины.

«Кокетка» имеет форму прямоугольника с отверстием для шеи посередине. Вышивка и сквозной узор, украшающий «кокетку», строго подчинены общей ее форме, почему отдельные ряды сквозных вырезок и волнистые линии, исполненные тамбурным же швом, идут все время параллельно кромке «кокетки», меняя направление только под прямым углом.

Под «кокеткой» имеется подкладка, местами из синей дабы, местами из желто-коричневой шелковой ткани, так что отдельные дорожки сквозных отверстий в коже рельефно отделяются друг от друга благодаря смене синего и желто-коричневого цветов. Порядок чередования последних таков: сначала идет полоса синей подкладки, затем красиво выделяются два ряда овальных отверстий с просвечивающей желто-коричневой шелковой тканью, после чего опять полоса с синей подкладкой, за которой следует узкая желто-коричневая полоска, просвечивающая здесь только через ряд сквозных отверстий, и наконец, последняя полоса в виде горизонтальной короткой ленты, идущей от шейного выреза до половины плеча — опять на синей подкладке.

Между двойными рядами отверстий как с желтой подкладкой, так и с синей, на кожу нашиты такие же ромбики, как и на лентах, идущих по полам одежды и на рукавах. Точно так же все отверстия и ромбики «кокетки» обметаны по краям желтыми шелковыми нитками, а по бокам сквозного узора тянутся параллельными рядами волнистые линии, шитые голубым шелком тамбурным швом. Линии эти представляют ряды как бы соединенных между собою скобок и имеют, примерно, такой вид:

Посередине спины, вдоль, начиная от самой «кокетки» вплоть до меховой опушки, на подоле тянется почти такая же кожаная лента со сквозным узором и с подкладкой из синей дабы и желто-коричневой шелковой ткани, как и на верхней части рукава. Разница здесь только в том, что у спинного украшения с краев ленты идет сначала ряд сквозных полукружков, а затем два ряда полных кружков, тогда как на рукавах в первом ряду полные кружки, во втором — полукружки и в третьем — кружки.

Средняя часть описываемой дорожки точно такая же, как и на верхней части рукава, т. е. между тремя рядами волнистых линий, вышитых голубым шелком, проходит полоска с двумя рядами полукружков, рельефно выделяющихся на шелковой ткани желто-коричневого цвета, подложенной снизу.

Между каждой парой кружков с синей подкладкой и полукружков с желто-коричневой на кожу нашиты ромбики таким же порядком, как это описывалось выше, т. е. с обметкою их отверстий по краям желтою шелковою ниткою.

Рис. 14. Медный обруч вокруг шеи.

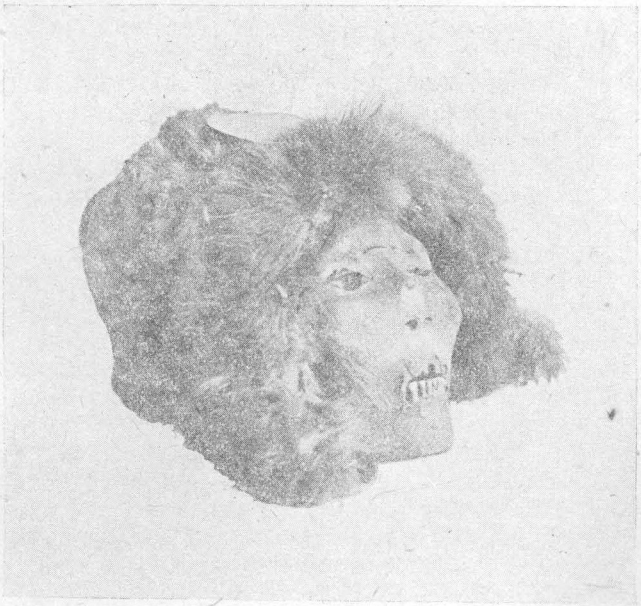

Рис. 15. Шапка-капор.

В этом же погребении, кроме перечисленных выше вещей, у левого бедра покойницы под второю одеждою найдены два небольших гладких медных кольца, из которых нижнее сохранило следы ременных вязок, на втором же, находившемся выше на $4^1/_2$ см, следов ремней нет. Около нижнего кольца рассыпан мельчайший порошок оливкового цвета, чрезвычайно похожий на нюхательный табак. По всей вероятности к нижнему кольцу и был привязан мешочек с нюхательным табаком.

Когда с головы покойницы была удалена шапка, то оказалось, что волосы острижены в скобку (рис. 14), а в ушах — обычные для якутских женских погребений XVIII в. серьги, сделанные из медной проволоки, конец которой, проходящий через мочки, загнут кольцом, а на остальной части проволоки вдето по пять крупных корольков черного (2) и белого (3) цвета. Больше в этой могиле никаких других украшений (колец, браслетов) не найдено.

Тазовые кости подтверждают, что это погребение женское.

5

Последняя из трех могил, дающая более полное представление об якутском женском костюме, находилось от только что описанной в 80 м к северо-востоку на том же самом гребне Лысой горы против последних юрт (считая вниз по р. Лене) Хоринского наслега Западно-Кангаласского улуса. Раскопана она одновременно с предыдущей, т. е. 10 сентября 1920 г.

Могила обозначена едва заметным расплывшимся холмиком, пронизанным овражечьими норами. По удалении верхнего дернового слоя резко обозначается могильное пятно, в зависимости от которого и начато рытье ямы. На глубине немного больше полуметра встречен сруб, покрытый четырьмя узкими плахами и пластиной, сшитой из бересты. Внутри сруба гроб-колода, по форме грубо подражающая человеческому телу: там, где должны находиться плечи покойницы, колода заметно толще, а в головах и ногах тоньше (рис. 12). В гробу женщина, обращенная головою на юго-запад, лицом вверх. Колода с внутренней стороны местами расколота, причем трещины схвачены железными скобками. Внутри колода выдолблена точно по форме человеческого тела (рис. 12): сначала идет круглая выемка для головы. Выемка расширяется в том месте, где должны находиться плечи, и в таком виде идет до таза, откуда опять сужается. Выдалбливание колоды произведено каким-то жолобообразным инструментом, очевидно «теслом», которым делают желоба, так как следы его хорошо видны, особенно в том месте колоды, где находится голова покойницы.

Колода вместе с покойницей в один день с описанным до этого погребением доставлена в город, где тоже пролежала до марта 1926 г., когда, наконец, представилась возможность открыть крышку, сфотографировать и приступить к осмотру и детальному ее описанию.

Покойница лежит вверх лицом, причем руки ее вытянуты вдоль туловища по обе стороны живота. На голове меховая шапка, но настолько сгнившая, что не представляется возможным определить, есть ли у ней такой же верх, как у позднейших женских шапок, или же она круглая, как на рис. 15. Впереди, немного выше лба к шапке прикреплена круглая плоская серебряная пластинка.

В ушах покойницы обычные для этого периода серьги, состоящие каждая из 2 белых и 3 черных корольков, вдетых на медную проволоку, причем в правом ухе одна серьга, в левом — две. Когда шапка была удалена с головы, то оказалось, что волосы покойницы относительно коротко острижены (5—7 см). Лицо закрыто куском меха волосами наружу.

Покойница в короткой, немного не доходящей до колен, одежде из толстой ровдуги (рис. 19). Рукава в верхней части вшиты сборами и, начиная от плечевого шва, почти до локтевого сустава обшиты каким-то мехом волосами наружу, т. е. так же как и в предыдущем погребении. Ниже этой меховой опояски рукава опять

ровдужные, и только самые концы их оторочены полоской меха в $3^1/_2$ см шириной. Так же как и в описанном уже погребении, кисти рук спрятаны в рукава, концы которых накрепко зашиты жильными нитками. На обоих рукавах на безымянных пальцах имеется по одному медному кольцу.

Впереди одежда имеет разрез до самого низа, причем на краю каждой полы от шейного выреза до пояса нашиты полосы такого же меха, как и на рукавах. Застегнута одежда ременными вязками. На том месте, где должен быть пояс, нашит широкою полосою бисер белого, черного и синего цветов, чередующихся в следующем порядке: с краев по одному ряду белого цвета, дальше по два ряда

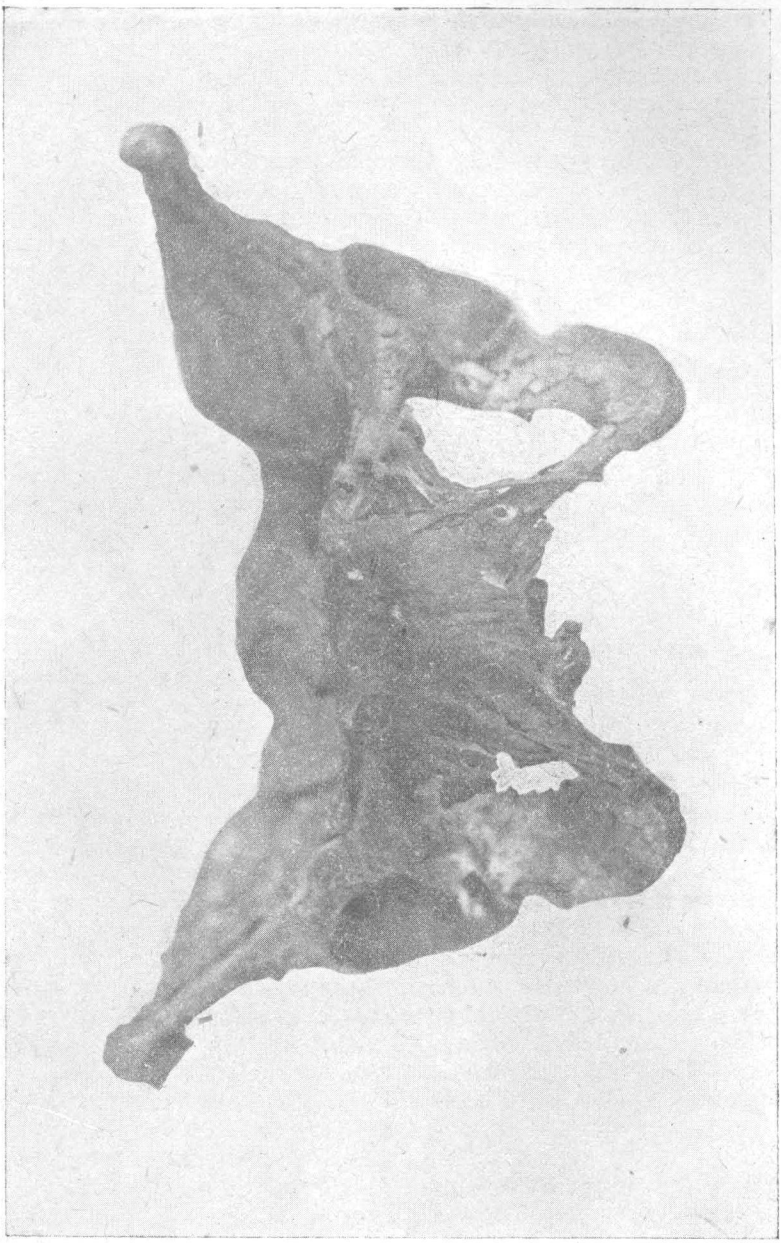

Рис. 16. Могила № 3. Часть сохранившейся тазовой кости.

черного, затем по четыре ряда синего, потом опять по ряду белого, и, наконец, в середине — два ряда черного бисера.

Начиная от пояса, до самого низа на обе полы по краям разреза нашиты бисерные полосы, в которых цветной бисер чередуется в следующем порядке: по краям по ряду белого, далее по четыре ряда синего, затем опять по ряду белого, после чего по два ряда черного и по ряду белого, а в середине четыре ряда синего. Описанные бисерные полосы, дойдя до нижнего края одежды, поворачивают под прямым углом и идут по подолу одежды, доходя только до боковых частей, откуда под прямым же углом опять поднимаются вверх приблизительно на 18 см (рис. 19).

На ногах покойницы надеты короткие меховые наколенники шерстью наружу, а под ними видны штаны из оленьего меха. На штанах, начиная от верхней части коленного сустава до половины голени, с обеих сторон каждой гачи, нашиты наподобие лампас бисерные полосы следующего вида: по краям по два ряда синего бисера, затем по одному ряду белого и в середине два ряда черного. Ноги обуты в короткие торбасы.

Под описанной одеждой имеется вторая, отороченная мехом и застегнутая на груди и животе двумя медными и двумя оловянными пуговицами. Кроме того, с левой стороны в верхней части груди пришита продолговатая бусинка, сделанная из прозрачного зеленого стекла, с отверстием в верхней, более тонкой ее части. На стекле местами сохранилась краска с перламутровым отливом.

На плечах второй одежды имеется какой-то узор, но так как эта одежда сильно сгнила, зарисовать его не представилось возможным. На груди между первой и второй одеждой найдена медная монета, которая, после удаления слоя окиси, оказалась полушкой 1747 г. Таким образом и это погребение, хотя и односторонне, но датируется.

Нижняя часть второй одежды от пояса совершенно сгнила и поэтому трудно сказать к этой или третьей одежде были пришиты медное и железное кольца, найденные с правой и с левой стороны живота в нижней его части. Скорее всего эти кольца должны были служить для подвязывания штанов.

Под первой одеждой, начиная от пояса, посередине живота и ниже лежат две пары подвесков, составленных из медных пластинок со сквозным узором, и корольков, вздетых на 8 ремешков. В самом низу — двойные кольца (рис. 20, 6). Пояса на второй одежде не обнаружено, и таким образом неизвестно, как и к чему были прикреплены эти подвески.

Сохранилась верхняя часть женского полового органа (рис. 16), что вместе с тазовыми костями с несомненностью доказывает, что погребена была женщина, в чем можно было усомниться при виде коротких волос на голове, короткой одежды и штанов.

Все три описанные погребения являются наиболее богатыми в смысле количества украшений и сохранности одежды; остальные, с которыми мне приходилось иметь дело как археологу, обычно повторяют их в отдельных частях, иногда же вносят и некоторые новые детали.

Так, напр., в одной женской могиле, односторонне датированной монетою XVIII в., встречен такой же почти бисерный пояс, какой изображен на рис. 19, но с оригинальными медными подвесками во всю длину пояса (рис. 20, 7). В другой могиле, датированной фишами с изображением Людовика XIV, вместо пояса на верхней длинной одежде, вокруг всей талии нашит ряд сердцеобразных бисерных вышивок, с подвешенными к ним фишами желтой меди на ремешках, украшенных бисером и корольками разных цветов (рис. 20, 1). Наконец, еще одна могила (рис. 9, 1—7), по всей вероятности могила девушки, тоже датированная фишами, дала возможность познакомиться еще с одним украшением якутской женщины — косоплеткой. Последняя состоит из четырех подвесков, составленных из медных трубочек (какие описывались уже в первом погребении), перемежающихся с оловянными или свинцовыми

Рис. 17. Могила № 1. Одежда с бисерной вышивкой.

Рис. 18. Могила № 2. Одежда, богато украшенная нашивками из кожи.

Рис. 19. Короткая одежда из ровдуги.

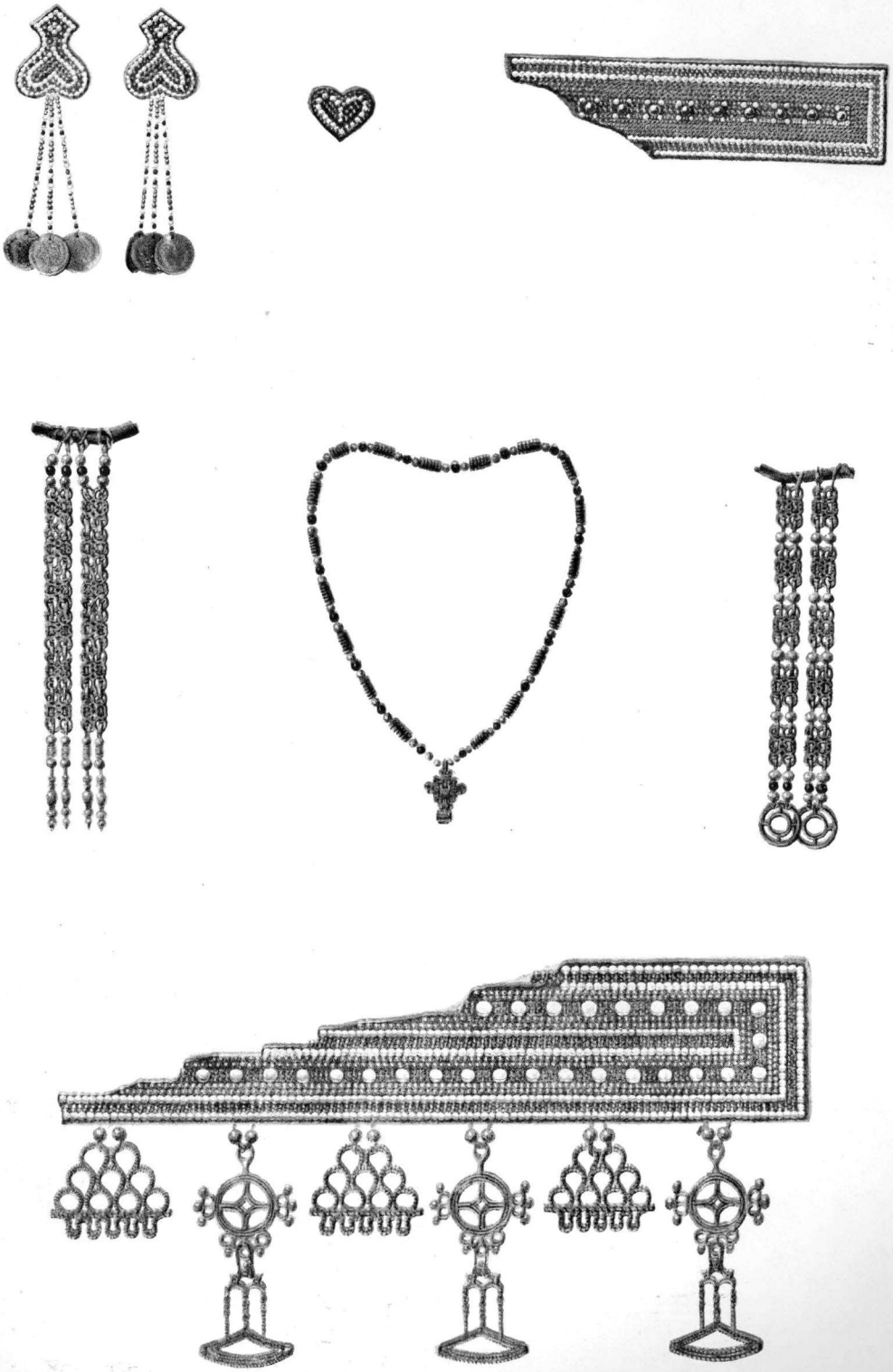

Рис. 20. Верхний ряд слева направо: сердцеобразные бисерные вышивки с подвешенными к ним фишами; вышивка на обуви, вышивка бисером. Средний ряд слева направо: подвеска, ожерелье, подвески из медных пластинок. Внизу: бисерный пояс.

корольками, вздетыми на тонкие ровдужные ремешки, прикрепленные попарно к более широкому ремню. Каждый подвесок оканчивается внизу круглой фишей, сделанной из желтой меди, которые и дали возможность датировать погребение.

В заключение необходимо остановиться на одном вопросе: действительно ли описанные погребения являются погребениями якутскими, а не какой-либо другой народности. Одежда, описанная здесь, так не похожа на ту, которую обычно считают древнею якутскою одеждою (рисунки ее можно встретить у многих авторов, писавших об якутах), что выставленные в Якутском музее рисунки худ. Носова вызвали у многих сомнение в принадлежности описанных погребений якутам, а не другим народностям Якутии, как, напр., ламутам, юкагирам и пр.

Подобное предположение опровергнуть не трудно, так как оно могло зародиться только у таких людей, которые совершенно не считаются ни с исторической преемственностью, ни с самой историей, а руководствуются исключительно зрительными впечатлениями.

И действительно, все описанные погребения со стороны древности бесспорно датируются монетами и фишами. Эта дата — половина XVIII в. Таким образом погребение не могло быть совершено ранее этой даты, раз в них найдены монеты указанного времени. С другой стороны в XVIII в. в Хоринском наслеге Западно-Кангаласского улуса жили только якуты, что подтверждается целым рядом документов, хранящихся в Якутском Центральном архиве, как напр.: ясачными книгами, ревизскими сказками, а также отчетами князцов и родовых старшин, в которых точно описаны границы поселений их родов. Все эти документы бесспорно подтверждают, что в XVIII в. в пределах Хоринского наслега жили только якуты, тогда как ламуты и юкагиры кочевали далеко на севере, где их застали еще первые русские завоеватели.

Кроме этого имеются и другие доказательства. Ни одна из народностей, населяющих Якутию, кроме якутов, не носит на шапках круглой серебряной пластины (tuhaqta), кроме якутов никто не шьет конским волосом (в погребениях— украшения из бересты); буфы на одежде якута в дореволюционное время находят свое основание в меховых или кожаных опоясках в верхней части рукава, встреченных в описанных погребениях; игольница вполне оправдывает присутствие трубочек на позднейшей одежде якутов и т. д. и т. д.

Несомненно, что переход от описанной здесь одежды к той, которую принято считать национальною и древнею одеждою якутов, скрыт в могилах второй половины XVIII в. и начала XIX в., т. е. в тех «христианских» погребениях с надмогильным крестом, которых по дореволюционным законам не могла касаться рука исследователя.

Résumé

E. Strelov

L'habillement et les parures de la femme iakoute dans le milieu du XVIII-e siècle

La littérature scientifique renferme des données assez nombreuses, mais peu concordantes, sur le costume des Iakoutes. L'auteur les soumet à une revue critique, puis décrit deux modes de sépulture en usage chez les Iakoutes: l'aran-gassy — inhumation au-dessus de la surface du sol, et l'incinération.

L'auteur décrit trois tombeaux féminins fouillés par lui, l'un à Atlassovskaïa zaïmka, à 7—8 km d'Iakoutsk, les deux autres au sommet de la montagne Lyssaïa, à 10—12 km de cette ville. D'après les monnaies et les fiches qu'elles renferment, ces sépultures datent du milieu du XVIII-e siècle. L'habillement féminin ici trouvé diffère de celui décrit par beaucoup d'autres auteurs, mais il appartient incontestablement à des Iakoutes; à cette époque, la contrée était habitée exclusivement par des Iakoutes, comme le démontre l'auteur.

Н. В. Кюнер

Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял)

Коллективные охоты, в позднейшее время также общественные (общинные) охоты, как ранняя форма соединения труда для добывания средств существования, являются обычной формою экономической организации народностей, стоящих на низшей ступени социального развития, в стадии первобытного общества или его разложения и перехода к индивидуальному хозяйству. В виде пережитка коллективные (общественные) охоты сохраняются и на дальнейших ступенях социально-экономического развития в феодальном и даже в раннем капиталистическом обществе, изменяя свой характер и организацию и становясь нередко лишь одним из видов развлечения (известным примером этого являются облавные охоты у монголо-бурят). В той или иной форме коллективные или общественные охоты встречаются у многих народов, как уже в 1881 г. было показано на соответствующих примерах (также в отношении рыбной охоты и других коллективных занятий) Н. И. Зибером в «Очерках первобытной экономической культуры».[1] Теперь, с накоплением многочисленного нового материала, эти примеры могут быть умножены и уточнены, а также освещены с новой точки зрения.

В особенности коллективные (общественные) охоты характерны для мелких, более или менее экономически и политически изолированных племен, сохранивших примитивные черты организации хозяйства и общественного строя. К числу таких племен могут быть отнесены племена горной Формозы, у которых коллективные охоты сохраняют значение регулярно действующей организации труда и хозяйственной деятельности.

Особый вид охоты у них, получивший известность далеко за пределами ограниченной территории, где они обитают, так называемая охота за головами, которая долгое время существовала, обладает теми же чертами организации и производственной техники, как и обычная охота. Следовательно, к охоте за головами приложимы почти целиком те замечания и соображения, которые могут быть высказаны в отношении обычной охоты как основного занятия для большей части этих племен.

Приводимые в дальнейшем сведения о коллективных охотах у одного из формозских племен, именно у племени атайял, заимствованы из японских материалов. Сведения эти содержат значительные пробелы, несмотря на разнообразие и объемистость опубликованных материалов, и совершенно не отвечают ни по содержанию, ни по методу обработки современным научным требованиям. Необходимо также подчеркнуть явную тенденциозность подбора и освещения рассматриваемых японских материалов в целом, подсказанную классовыми и империалистическими тенденциями их авторов и издателей.

---

[1] Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Гл. I, стр. 7—40; 2-е испр. изд., СПб., 1899.

Племя атайял,[1] иначе тайял, в японской транскрипции Taiyaru, занимая наиболее изолированную и трудно-доступную часть горной области северо-восточной Формозы, поныне сохраняет из всех формозских племен в большей степени первоначальные черты хозяйственного и социального состояния родового общества, только начинающего переходить в стадию разложения. Поэтому в хозяйственном укладе этого племени охота удерживает преобладающее значение, рядом с рыбной ловлей и разными видами лесного промысла, и в связи с этим существующее у этого племени земледелие в форме горного или лесного (огневого) земледелия носит также примитивный характер.

Исключительная роль, которую охота сохраняет в экономике племени атайял в отличие от других формозских племен, на чьей территории леса сильно поредели, и охота уступила первенство земледелию, придает изучению охоты у племени атайял особое значение, а своеобразная организация этой отрасли хозяйственной деятельности, тесно связанная коллективной формою с родовым строем племени, возбуждает живое внимание и становится интересным вопросом, пока еще полностью не изученным. Настоящая статья посвящается выяснению как-раз той стороны вопроса, которая относится к коллективной форме существующей охотничьей организации рассматриваемого племени в рамках использования наличного материала, уже опубликованного преимущественно на японском языке.

Для занятия охотою у племени атайял организуются особые охотничьи общества, которые на языке атайял называются rattan (ratta) или kotto-rattan. Общества бывают постоянные и непостоянные. Они организуются из членов одного или нескольких объединений кровного родства (семейных групп). Из целого рода обычно не организуют охотничьего общества. Для охоты общества используют сообща охотничий участок или, отправляясь на охоту, придерживаются согласованных действий, для чего внутри такого общества вырабатывается план охотничьей экспедиции, который затем выполняется.

---

[1] Основная литература о племени атайял:

На японском языке: U. Mori. Taiwan-banzoku-shi, т. I. Taihoku, 1917. Изд. Rinji-Taiwan-kyūkan-chosa-kai. Описание туземных племен Формозы. Изд. Временной комиссии по исследованию старинных обычаев Формозы, т. I, посвященный племени атайял.— Banzoku-chosa-hokoku-sho. Taiyaru-zempen. Taihoku, Taisho 1917. Изд. Rinji-Taiwan-kyūkan-chosa-kai (Rinji-Taiwan-kyūkan-chōsa-daiichi-bu). Отчет по исследованию туземных племен Тайяру (Атайял), т. I, Таихоку, 1918. Изд. Временной комиссии по исследованию старинных обычаев Формозы. Ч. I. Исследования старинных обычаев Формозы. — K. Ino. Taiwan-bunka-shi. Tokyo, 1928, 3 тома.

На европейских языках: R. Torii. Études antropologiques. Les aborigènes de Formose. Tokyo, 1910. Journal of the collège of science of the imperial university of Tokyo, XXVIII, article 6, 1910. — G. L. Mackay, From far Formosa. New York, Fleming H. Revell Co, 1895. — G. L. Mackay. 23 years in Formosa. From far Formosa. London, 1900. — MacGovern, Janet B. Montgomery. Among the head-hunters of Formosa. London Fisher Unwin, 1922. — O. Wiedfeldt, Dr. Wirthschaftliche, rechtliche und soziale Grundtatsachen und Grundformen der Atayalen auf Formosa: Mitteilungen der deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens (Tokyo), Bd. XVc, 1915. — O. Wertheimer. Das Eingeborenen-Problem in Formosa und die japanische Kolonisierungs-arbeit: Geist des Ostens, 1913, Juli, p. 208—218. — W. E. Priestley. Formosa, isle of camphor: Asia, 1933, may, vol. XXXIII, n. 5, p. 296—301. — S. Ishii. The island of Formosa and its primitive inhabitants. London, 1916: Transactions and Proceedings of the Japan society, XIV, 1915—1916.— A. M. Y. Some glimpses of Formosa. The Japan chronicle, weekly edition, 1935, october, 31, p. 560—561. — A. M. Y. The tourists view of Formosa: The Japan chronicle, weekly edit. 1935, november, 7, p. 586—588. — J. M. Alvarez. Formosa. Barcelona, L. Gili, 1930. Ср. его же статью в Anthropos, 1927, XXIV, № 1—2. E. H. Bunsen de. Formosa: Geographical Journal, 1927, september, vol. LXX, № 3, p. 266—287. — Bureau of aboriginal affairs, Taihoku (Formosa). Report on the control of the aborigines in Formosa, 1915.

На русском языке: А. Мольтрехт. Четыре месяца зоологической и этнографической работы среди дикарей центральной и южной Формозы. С 1 табл.: Изв. Русск. геогр. общ., 1916, т. LII, вып. 1. Ср. Н. К. Мацокин. Этнография о-ва Формозы. Вестн. Азии, 1914, 31—32. — Н. А. Невский. Материалы по говорам языка Цоу. Ленинград, 1935 (Тр. Инст. восток., XI). Японские материалы для настоящей статьи целиком взяты из U. Mori. Taiwan-banzoku-shi, т. I, Тайхоку, 1917, почему в тексте статьи особых ссылок на это издание не делается.

Охота большей частью бывает ружейной. Сформировав партию (группу из 5—10 человек), отправляются на охоту с собакою. Охотники на зверей главным образом употребляют одновременно огнестрельное оружие, лук, стрелы, копье.

Что касается мест охоты, то для каждого рода или селения (общины) имеется охотничий участок, выделенный издавна только для него. По собственному усмотрению не разрешается захватывать чужой участок. В известных случаях род (община) владеет охотничьим участком совместно с соседним родом (общиною). Захват охотничьих участков является нередко спорным вопросом между отдельными родами (общинами), порождая много раздоров и кончаясь компромиссом в виде уступки участка за соответствующую компенсацию. Случается, что охотники убивают зверей, убежавших из других мест, или охотятся на соседнем участке. Если выяснится, что они вышли из границ собственного участка, то от убитой добычи отделяют шкуру и мясо в пользу владельца участка — чужого рода или селения; остающиеся ценные части (рога, наросты на рогах, ноги и проч.) полагается вернуть охотникам.

Для охоты охотничья партия (группа), сопровождаемая собакою (только изредка бывает, что несколько человек отправляются на охоту без собаки), заготовляет провиант на десять и более дней, на пути устраивает хижину в лесу для ночлега. Охотятся в течение дня. Пойманную добычу разделывают, сдирают и сушат шкуры, а мясо погружают в глубокое место горного ручья, где оно хорошо сохраняется от порчи в течение нескольких дней. Шкуру медведя сдирают редко, большей частью опаляют шерсть, и, разрезав мясо вместе с кожей, употребляют в пищу.

Помимо охоты с помощью оружия (ружья, лука, копья, как указано выше) ставят силки и западни, в которые запутывается нога зверя; иногда ловушки соединяются с настороженным луком или ружьем, убивающим зверя; вырывают яму, куда, оступившись, зверь падает; кладут также приманку под камнем, задавливающим зверя, тронувшего приманку. Эти способы вообще применяются в случае индивидуальной охоты.

При дележе добычи, если предметом охоты служит олень, наросты на рогах (панты) или рога и «олений бич» (так называется половой орган оленя-самца) дают хозяину собаки, вышедшей на охоту, как наиболее ценную часть добычи; [1] ноги оленя и шкуру, как следующую по ценности часть добычи, дают стрелку. Когда охотятся на леопарда, то хозяину собаки дают кости, ценимые также в медицине, а стрелку — шкуру. При охоте на медведя стрелку дают шкуру и печень (желчь), хозяину собаки особой доли не дают, так как успех поимки медведя всецело относят к заслуге стрелка.

Мясо добычи распределяется между всеми обитателями селения или родового (семейного) объединения, снарядившего охотничью партию, независимо от личного участия или неучастия в данной охоте. Распределение производится поровну по числу членов каждой семьи. Головы добытых на охоте зверей обычно дарят старшинам или старейшему среди них по возрасту. Существует убеждение, что если не разделить между всеми охотниками добычу или присвоить добычу, пойманную другими, то виновные в этом непременно подвергнутся болезни. Поэтому, если убьют зверя, пойманного другими охотниками, то принятый порядок требует разыскать этих охотников и передать им добычу, сохранив для себя лишь известную часть ее, которую добровольно выделит владелец добычи.

---

[1] Все эти оленьи продукты имеют применение в китайской медицине как специфические лекарственные средства и, очевидно, под китайским влиянием приобрели ценность также в глазах формозских горцев. О применении в китайской медицине отдельных продуктов, получаемых от оленя, см. А. В. Маракуев и А. В. Рудаков. Пятнистый олень в китайской фармакопее (отд. отт. из «Вестн. Дальневост. фил. Акад. Наук СССР», № 11, 1935. Дальгиз, Хабаровск, 1935). Стр. 11—16 — панты; стр. 16—20 — рога; стр. 23—24 — кости; стр. 30 — олений член.

Перед отправлением на охоту гадают об удаче по крику птиц или на основании сновидений и действуют сообразно с обнаруженными приметами. Существует ряд запретов в отношении охоты. Так, по пути на охоту совершенно избегают говорить об ожидаемой добыче из опасения, что если весть об этом дойдет до зверя, то он убежит, и удачи не будет. После ухода охотничьей экспедиции люди, оставшиеся дома, избегают есть свиное мясо, что указывает на недавнее приручение свиньи. Если поесть этого мяса, то либо сами охотники, либо их собаки будут поранены зверем. На время охотничьей экспедиции сородичи участников ее избегают давать или получать от других огонь, прекращают ткацкую работу и не берут в руки пеньку или пряжу. Если пользоваться всеми этими предметами, то вожатый охотничьей экспедиции споткнется о камень или заблудится в пути.[1]

Если во время охоты окажутся раненые, то это считается несчастливой приметою, почему прекращают охоту и возвращаются домой. Ранение на охоте приписывается тому, что в селении имеется человек, нарушивший запреты. Его тщательно ищут и, когда найдут, виновный обязан предоставить раненому известную компенсацию для искупления своей вины. Он же несет издержки, связанные с выполнением обряда очищения селения от проникшей туда нечистоты. Обряд очищения заключается в том, что виновный подносит свинью, ее убивают по определенному ритуалу, а мясо принесенной в жертву свиньи распределяют между обитателями селения.

Если охота даст обильную добычу, то удачу приписывают божественному заступничеству духов предков. В случае отсутствия добычи, охотники внимательно следят за своим поведением, так как неудача рассматривается как наказание со стороны духов предков за нахождение в селении людей, виновных в поступках, относимых к числу нечистых. В особенности поиски предполагаемого виновного становятся необходимыми, если охотничья экспедиция несколько раз останется без добычи. Если виновного не удастся разыскать по внешним признакам, как нарушителя запретов или виновного в иных неблаговидных (нечистых) поступках, то все селение совершает обряд очищения и убивает свинью.

Если члены других охотничьих обществ или просто приезжие, находящиеся в селении, примут участие в охотничьей экспедиции данного общества, то из охотничьей добычи прежде всего дается гостю, участнику охоты, часть мяса от головы или ноги. Остальное распределяется общим порядком. Если в селении окажется приезжий гость, то непременно ему дарят по обычаю долю этого мяса. Если пожалеют и не дадут равной доли, то по поверию в следующую охоту добычи не будет.

В случае, если на охоте собрано большое количество добычи, то продают мясо людям, не принадлежащим к местному населению, или обменивают его. Выручка либо распределяется между всеми участниками охотничьей партии, либо обменивается на водку, которая совместно выпивается. Не бывает, чтобы выручка присваивалась частью участников.

Индивидуальные охотники, ведущие охоту вне коллективной организации указанных охотничьих обществ, в отношении собственной добычи, взятой из ловушек или с помощью каких-либо других приспособлений, не имеют особой обязанности делиться с другими добычей, все же в обычае распределять мясо от этой добычи между близкими людьми.

Зверь, добытый на охоте, может случайно попасть в руки других охотников. Если это обстоятельство осталось незамеченным, но впоследствии оно

[1] Источник такого рода запретов легко уясняется из аналогичных примеров, перечисляемых Фрезером для других племен или народов в той же восточной или юго-восточной Азии, родственных или близких по происхождению к племенам Формозы, через приемы магии или сходные с этим представления (Золотая ветвь, вып. 1. М.—Л. Огиз — Московский рабочий, 1931).

узнается от третьих лиц, то считается совершенно правильным требовать известной компенсации за захваченную добычу через посредников.

Считается высокой честью убить на охоте медведя. Из шкуры медведя на месте горла вырезают часть белых волос в форме полумесяца и носят их на верху шляпы в качестве самого почетного знака. Такая шляпа считается почетной вещью и носится, кроме охотника, убившего медведя, только старшинами или заслуженными воинами. Вообще только во время охоты за медведем не предоставляют, как сказано выше, особой доли хозяину собаки. Это потому, что медведь является сильным и свирепым животным, и если собаки на охоте не станут преследовать его, то добыча его целиком будет зависеть от искусства стрелков.

Охота вообще является наиболее излюбленным занятием горцев Формозы и, заключая в себе элементы воинственности, почитается единственным делом, достойным мужчин и заслуживающим их уважения, будучи также развлечением для них. Напротив, земледелие считается лишь женским занятием и остается в пренебрежении, пока изменившиеся условия для охоты (уничтожение лесов) не заставляют и мужчин приниматься за земледелие. Кроме того, на охоте один удачный выстрел может принести добычу ценою в несколько десятков монет. Поэтому в селениях, богатых охотничьей добычей, наблюдается склонность населения чрезмерно ценить охоту и не расширять земледелия; наоборот, в местностях, где охота в силу различных причин приходит в упадок, земледелие начинает расти.

Роль охоты у племени атайял и других племен аборигенов острова, соседей атайял, поддерживается во всех случаях тем обстоятельством, что помимо промыслового, чисто экономического значения охота имеет еще ритуальное или социально-идеологическое значение. В последнем отношении она находит специальное выражение в охоте за головами.

Ныне среди части горцев из племени атайял и иных племен, охота за головами заменяется охотою за оленем и другими животными. В этом случае головы убитых животных заменяют человеческие головы, выполняя то же ритуальное или символическое значение.

Эта прямая связь требует уделить внимание рассмотрению вопроса об охоте за головами у того же племени атайял, тем более, что ей свойственна та же организация, как и обыкновенной охоте. Следовательно, она является лишь особым видом коллективной охоты, служащей темою для настоящей статьи.

Охота за головами ранее встречалась у всех формозских племен, все же наиболее распространенной она оставалась до недавнего времени именно у племени атайял.

В отношении племени атайял, по сведениям цитируемого японского автора,[1] можно свести к следующим 6 пунктам основные мотивы охоты за головами: 1) ради приобретения звания взрослого мужчины; 2) ради разрешения спора, например, для отклонения несправедливого подозрения; 3) ради отомщения за близких родственников; 4) ради устранения соперника, домогающегося брака с той же девушкою; 5) ради отвращения несчастливых примет во время опасной эпидемии или порождающих ее нечистых причин и, наконец, 6) ради прославления собственной храбрости или повышения почетной репутации.

Более подробное рассмотрение перечисленных мотивов может показать, что они так или иначе связаны с самым существованием отдельных племен. В прошлом жизнь формозских горцев являлась сплошной борьбою против окружавших их противников среди соседних племен, в некоторых случаях даже соседних родов, с которыми каждое племя, даже каждый род, боролись в одиночку. Поэтому храбрость мужчин, на которых падала вся тяжесть этой борьбы, была самым необходимым качеством. Это породило необходимость формального признания звания взрослого мужчины и установления его внешних признаков. Отрубание челове-

[1] Другие японские авторы несколько изменяют перечень данных мотивов.

ческой головы и считалось правом на звание взрослого мужчины, а татуировка, на которую могли претендовать только лица, отрубившие голову у противника, служила внешним признаком достигнутого звания. Так как количеством отрубленных голов определялась мера храбрости, то в татуировке или других внешних знаках отличия мужчин точно указывалось число отрубленных голов. Некоторые именитые храбрецы из племени атайял могли насчитать по 30—40, даже по 50 и более отрубленных голов.

Применение охоты за головами, как средства для решения спора, было обусловлено отсутствием в обществе атайял, как и у других племен Формозы, судебного органа (старшина не имеет судебных функций и выступает лишь в роли посредника между сородичами). Поэтому спорящие апеллировали к духам предков и проводили охоту за головами, прося духов даровать победу правой стороне. После этого каждая спорящая сторона организовывала собственную охотничью партию (не обязательно, чтобы участники спора сами проводили охоту); от результатов действий каждой партии (добыча головы или большего числа голов) зависело решение спора. В случае неопределенных результатов охотничьи экспедиции могли быть повторены впредь до получения решительного результата, которому потерявшая сторона безусловно подчинялась.

Охота за головами в качестве способа отомщения за убийство применялась при убийстве родственника другим человеком. В этом случае отец, старший брат и другие родственники имели обязанность мести. Однако отомщение не требовало непременно убийства самого виновника и его близких, но в силу распространения ответственности за проступки отдельных членов рода или селения (общины) на весь род или селение (общину) оказывалось достаточным убить любого человека, принадлежащего к тому же племени или роду. В этом случае применялась обычным порядком охота за головами. Впрочем, если убийца принадлежал к тому же роду или хотя к другому роду, но к тому, с которым были до того времени дружеские отношения, то считалось несчастливым, чтобы члены одного и того же рода или дружественных родов убивали друг друга. Поэтому дело об убийстве заканчивалось полюбовным выкупом, как и в том случае, когда убийца происходил из другого племени, но из местности, с которой до того времени поддерживались дружественные отношения.

Охота за головами служила также подготовкою к браку, так как только успешно закончивший ее мужчина приобретал звание совершеннолетнего мужчины и мог украсить себя татуировкою и домогаться брака с избранной девушкою. В случае наличия двух или более кандидатов в мужья одной девушки охота за головами служила способом для указания наиболее храброго и, следовательно, наиболее достойного кандидата, которым становился претендент, добывший наибольшее количество голов.

В случае распространения в селении эпидемии, охота за головами считалась также наилучшим средством для изгнания духа болезни или для очищения местности от других несчастливых явлений. В прошлом охота за головами служила также, по аналогичной причине, средством для прекращения траура по покойному отцу или старшему брату.

Хотя охота за головами являлась доказательством храбрости победителя и обеспечивала ему уважение всего рода, все же она не предпринималась произвольно только с этой целью, но обычно, когда возникали другие поводы для ведения охоты за головами, ею пользовались для собственного возвеличения. Отрубивший много голов становился в общине влиятельным советником и, как самый популярный человек, избирался в старшины, хотя бы в остальном он не обладал нужными качествами, был неумен и заносчив.

Таковы важнейшие мотивы — в изложении японского автора — ведения охоты за головами, которая, поэтому, почти никогда не бывала случайной или без основательной причины. И организация ее велась в силу тех же соображений по определенному плану и носила регулярный характер, являясь, как сказано

одним из видов коллективной охоты. Это ясно видно из примеров для племени атайял, собранных прежде всего у цитируемого японского автора. Для этой охоты, — говорит он, — люди одного рода образовывали особую партию, самое меньшее из 3—4 человек, нередко из 20—30 человек и максимум из 45 человек; в среднем же партия состояла из 10 человек. Очень редко охота велась в одиночку.[1] Партия вербовалась из взрослых членов рода (gagaa) или из членов религиозной или охотничьей организации. Во главе ее предводителем избирался старший годами или более способный из участников партии или приглашался с этой целью один из влиятельных членов селения. Но даже в тех случаях, когда старшина данной общины не принимал личного участия в охоте, он или старейший в роде бывал постоянно осведомлен о такой охоте, происходящей в его селении или общине (роде), и должен был разделять ответственность за нее наравне с непосредственными участниками. Обычно же план охоты и все приготовления к экспедиции, связанной с ней, вырабатывались именно старшиною или старейшим в роде.

Когда охота была решена, все участники ее с согласия инициатора сходились на собрание и избирали упомянутого руководителя партии и совместно обсуждали план экспедиции. Затем произносили молитву, обращенную к духам предков, которые «обеспечивали» успех предстоящей экспедиции, и специальную молитву охоты за головами. По окончании молитв, члены партии погружали указательные пальцы в воду кубка в знак заключения торжественного договора между собою для организованной экспедиции.

Время охоты предводитель намечал посредством гадания на снах участников. Вполне понятно, что в зависимости от порождающих ее причин сроки охоты за головами не могли быть регулярными. С другой стороны, так как охота за головами считалась ритуальной жертвою, на нее не выходили до совершения обрядов очищения. Вот почему охота за головами не производилась во время религиозных празднеств или когда участники ее считались нечистыми — во время приближения родов жены или во время траура. При назначении срока охоты за головами и отправлении в экспедицию эти запреты обязательно принимались в расчет; они же полностью соблюдались во время самой охоты за головами, как и связанные с этими запретами приметы, перечисленные выше в отношении обыкновенной охоты.

При отправлении на охоту за головами участники ее брали с собою мешок в память военных подвигов данного рода или общины (так наз. chinato), служащий в качестве талисмана. В этот мешок, хранимый в доме старейшего в роде или старшины общины, складывались части добычи войны или охоты за головами (пучок волос с отрубленной головы), а также священный зажигательный прибор с сосновыми щепками.[2]

По дороге участники партии слушали пение птицы «белоглазки» и гадали по нему о счастливом исходе экспедиции. Если гадание оказывалось неблагоприятным, то партия останавливалась и снова гадала; в случае повторного неблагоприятного результата гадания, партия возвращалась домой и ждала счастливых знамений для вторичного отправления.

Достигнув места, назначенного для охоты, нападающие вешали в соседнем лесу мешок-амулет, совершали моление об успехе и обряд очищения и подтверждения договора. Затем, оставив провиант и прочие излишние вещи, произво-

[1] Это объясняется тем, что почти никогда не бывало отрубания головы при внезапно представившемся случае, разве только при неожиданной встрече с врагом, или под влиянием гнева от нанесенного оскорбления. В обычных случаях охота проводилась по плану и проходила через известный порядок предварительных приготовлений, иначе был возможен случай общественного непризнания акта отрубания головы вне определенного порядка при непредвиденных обстоятельствах.

[2] С помощью этого зажигательного прибора в ночь перед отправлением на охоту предводитель партии выбивал огонь. По числу ударов по камню, прежде чем возникнет огонь, он определял число голов, которые будут добыты.

дили внезапное нападение на противника, предварительно расставив в земле бамбуковые колышки на пути предполагаемого отступления противника или по окружности селения для затруднения бегства и распределив роли каждого участника в нападении, охране тыла, резерве и т. д. Чтобы создать панику среди противника, пускали горящие стрелы в травяные крыши строений селения и зажигали их. На каждого раненого или убитого среди противников нападающие разом прыгали и отрубали голову, независимо от пола (мужчина или женщина) и возраста (ребенок или старик). Пленных никогда не брали, но иногда бывало, что троих-четверых крепких ребят не убивали, а уводили домой и выращивали как собственных детей.

Когда неприятельский воин бывал ранен стрелком, то честь отрубания головы взрослый стрелок уступал молодежи, еще не имеющей татуировки, или поручал ей с полдороги нести отрубленные головы. Уступка компенсировалась отцом или старшим братом подношением свиньи уступившему стрелку. Если убитый имел при себе оружие, оно становилось добычею стрелка.

После того как головы были добыты, нападавшие производили быстрое отступление, заметая следы во избежание погони. На обратном пути головы, добытые на охоте, омывались в воде ручья, надрезывалась кожа на лбу, и через сделанные два отверстия пропускалась лоза и оба конца ее связывались, чтобы удобнее было держать головы в руках.

Приближаясь к родной деревне, возвращающаяся партия давала сигнал о своем возвращении и условным знаком возвещала о количестве добычи. Все члены семьи, к которой принадлежали участники партии, надев парадное одеяние, выходили из селения и устраивали приветственную встречу победителям. В сопровождении встречающих, партия входила в селение. Головы относили в дом отрубившего их и помещали на специальной полке, где им подносили пищу и водку и выполняли перед ними обряд призывания «духов» убитых, чтобы обеспечить помощь их и их родственников дому, отрубившему голову. На другой день относили головы в дом старшины, где снова угощали их, устраивали пляски, пение и общее пиршество. После этого головы помещали посредине полки, устроенной перед входом в селение среди старых черепов. Пение и пляски, а также угощение голов повторялось до тех пор, пока под действием солнца, ветра и дождя не сгниет мясо головы, и не отделится прочь кожа.

В начале селения после удачной охоты за головами помещался высоко на дереве род знамени, сделанного из бамбукового шеста с прикрепленным к нему пучком травы, а перед домом отрубившего голову ставился особый значок. Существовали и другие знаки или приспособления, которыми пользовались в отдельных селениях, в связи с чествованием духов убитых врагов и уходом за головами, как трофеями, обеспечивающими благоденствие селения, рода или семьи, один из членов которых отрубил голову.

Если нападение оказывалось неудачным или если на обратном пути нападавшие подвергались сами нападению и были вынуждены бросить захваченные трофеи, то возвращение партии в селение происходило украдкою, а водка и прочее угощение, приготовленные для встречи победителей, выбрасывались вне селения. После наступления полнолуния, произведя обычные гадания на снах и пении птиц, потерпевшая неудачу партия снова предпринимала охоту за головами.

В случае, если в партии были раненые или убитые, по возвращении искали в селении виновного в неудаче человека, нарушившего запреты, как это наблюдается также при неудачном окончании обыкновенной охоты. Найденный виновный принуждался возместить ущерб семье убитого или раненого и поднести свинью для выполнения обряда очищения; вместе с тем организатор охоты подносил родственникам пострадавшего участника охоты подарок и лекарство для лечения. Предводитель партии обычно убивал свинью и совершал обряд очищения.

В прежнее время в каждом селении формозских племен устраивались полки с выставленными на них черепами. Кроме того, несколько штук черепов вешались на балках хлебных амбаров ради «обеспечения» урожая. В последнее время, вместе с прекращением охоты за головами обычай хранения черепов исчез, и только в дальних селениях сохраняются поныне открыто полки для черепов.

Полки устраивались вне селения, по одной для каждого рода (gagaa), поэтому если в селении были два рода, то устраивались две полки. Местонахождение их выбиралось по соседству с домом старшины, являвшегося в то же время старейшим в роде. Полка, сделанная из бамбука, устанавливалась на высоте 1—2 м над землею; черепа помещались в один ряд, свежие по середине, старые по сторонам. Касаться полки руками нельзя было; хотя бы черепа упали, их нельзя подбирать и ставить вновь. После разрушения полки черепа подбирали, продевали лиану вистарии и вешали их сбоку зернового амбара.

Над полками для черепов (голов) у группы Садакка клана Кирися устраивали крышу, чтобы дольше сохранить кожу и волосы на головах. Сверху полки ставили род лестницы из бамбукового шеста с привязанными у каждого колена перекладинами из камыша. Существовало поверие, что «духи» убитых пользуются этой лестницею, чтобы подниматься из этого мира и спускаться назад.

Случаи охоты за головами сделались за последние годы единичными вследствие постепенных изменений в экономике и социальном укладе формозских племен и в частности атайял.

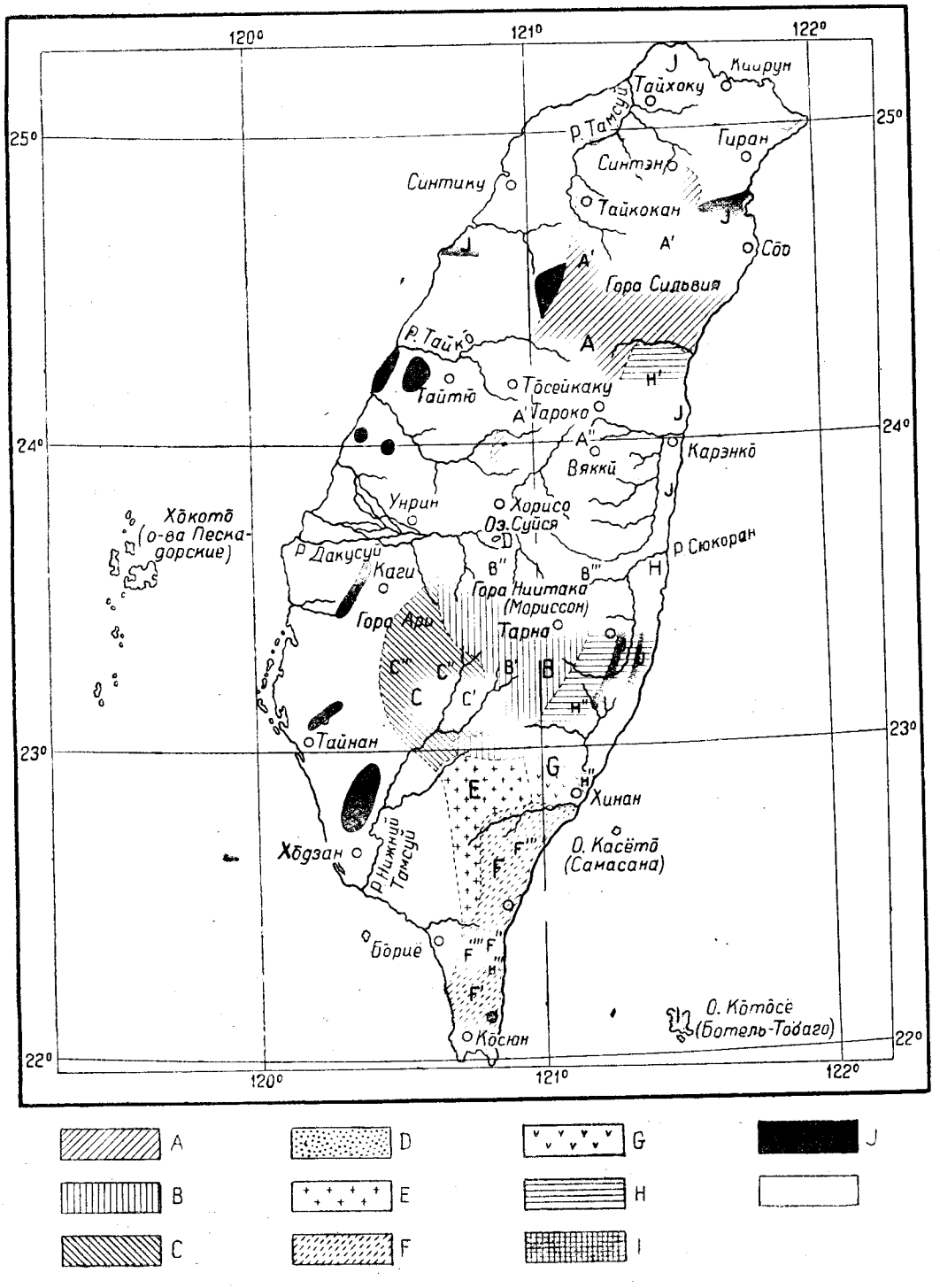
Пояснения к картам

Из трех приложенных на отдельных листах карт первая карта, показывающая расселение формозских племен, взята из книги Torii, R. Les aborigènes de Formose: Journal of the college of science, Imp. university of Tokyo, vol. XXVIII, art. 6, december 23rd, 1910, табл. I. На оригинальной многокрасочной карте каждое племя обозначено особым цветом, что заменено на нашей карте различной штриховкой общего красного цвета, а французский текст транскрибирован по русски. На данной карте показаны разделение и номенклатура формозских племен, как они были установлены указанным исследователем по материадам его четырех поездок на Формозу между 1896 и 1899 гг. Эта номенклатура несколько отличается от более ранней, принятой первыми японскими исследователями формозских племен Ino, Y. и Awano, D. Taiwan-banjin-jijo (1899), согласно которой формозские племена делились на 8 племен: 1) Ataïyal; 2) Vonoum; 3) Tso; 4) Spayowan; 5) Tsarisiène; 6) Pyouma; 7) Amiss и 8) Peipo. Тории увеличил число племен до девяти, добавив племя Ями на о-ве Ботель-Тобаго, и разделил все племена таким образом: 1) Taïyal; 2) Niitaka-Tso; 3) Bounoun; 4) Soou, иначе Суйся; 5) Tsarisène; 6) Paiwan; 7) Pyouma или туземцы Пинан (Хинан); 8) Ami и 9) Yami, с оговоркою, что предлагаемое деление является этнографическим и лингвистическим, но не антропологическим. Вне этого деления остались Peipo, окитаенные туземцы, живущие преимущественно в западной половине Формозы, среди китайского населения и в немногих местах восточной половины среди прочих племен. Перечисленные основные племена распадаются на меньшие части (группы): племя Атайял на две группы (западную и восточную), Бунун — на три группы, Цоу — на три группы, Паиван — на четыре группы, Ами — на три группы (северную, центральную и южную). На настоящей карте отдельные племена обозначены соответственно латинскими буквами, а их подразделения (группы) апострофами, добавленными к этим буквам.

Расселение указанных племен почти целиком охватывает восточную гористую часть Формозы, а территория, занятая отдельными племенами, может быть обозначена таким образом:

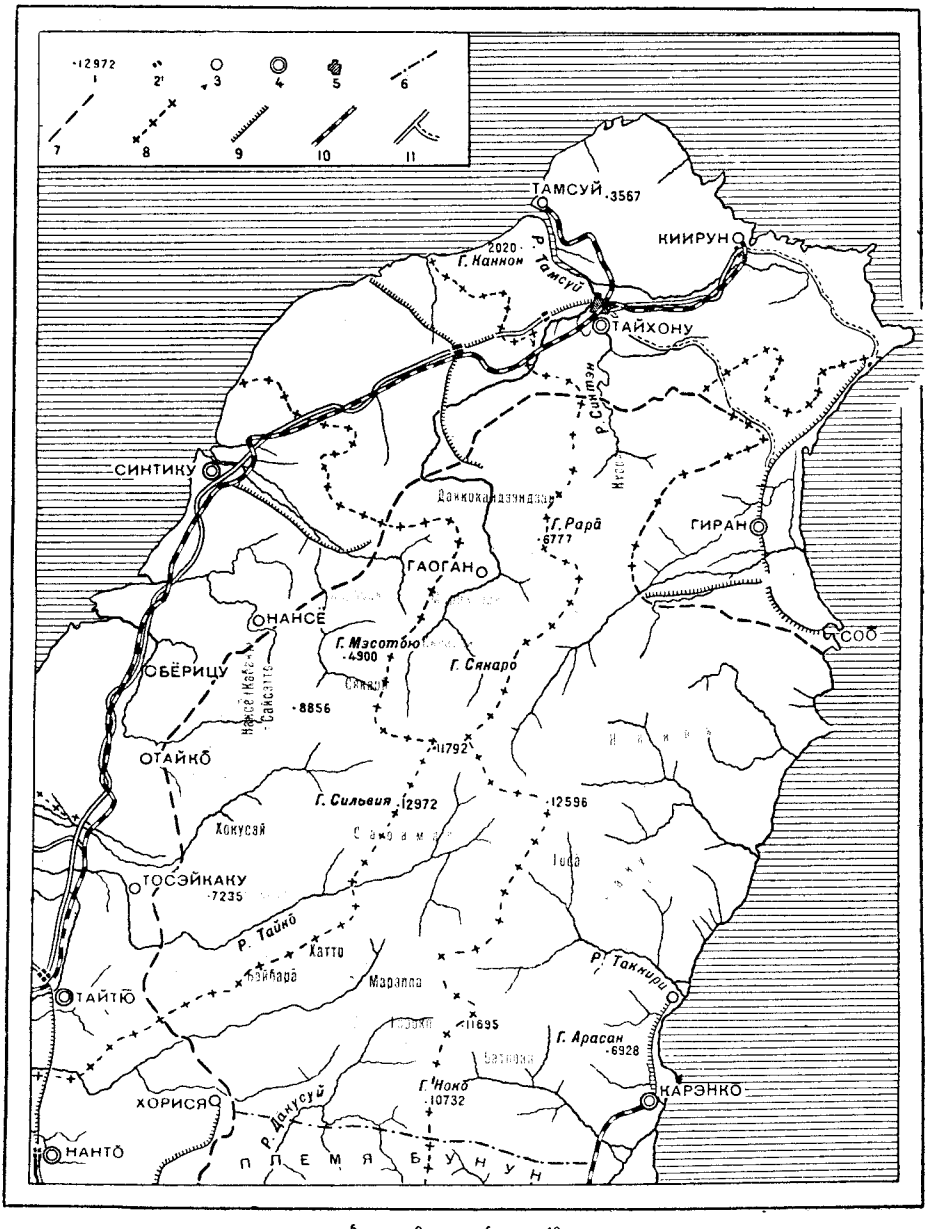
I. Племя атайял («A») занимает оба склона центрального хребта вокруг горы Сильвии между Синтэн на С. и Хори на Ю., причем большая часть территории занята кланами западной группы и меньшая (юго-восточная вокруг Воккуи) кланами восточной группы.

II. Племя Ниитака или Цоу («C») сосредоточено в местности вокруг горы Ари (кит. Али-шань), отсюда его наименование: племя Али-шань (Ари-дзан). Одна из групп этого племени вышла с более высокой горы Ниитака, отсюда наименование всего племени, предложенное Тории. Это племя не имеет общеплеменного обозначения, как другие формозские племена, и слово «Цоу», которое ныне прилагается к нему японскими авторами,

120°
121°
122°
25°
24°
23°
22°
Киирун
Тайхоку
р. Тамсуй
Гиран
Синтэнко
Синтику
Тайкокан
Сōо
Гора Сидьвия
р. Тайкō
Тайтю
Тōсейкаку
Тароко
Карэнкō
Вяккй
Унрин
Хорисо
Оз. Суйся
Хōкотō (о-ва Песка-дорские)
р. Дакусуй
Каги
р. Сюкоран
Гора Ниитака (Мориссон)
Гора Ари
Тарна
Тайнан
Хинан
О. Касётō (Самасана)
Хōдзан
р. Нижний Тамсуй
Бōрие
Кōсюн
О. Котōсё (Ботель-Тобаго)
A
B
C
D
E
F
G
H
I
J

КАРТА

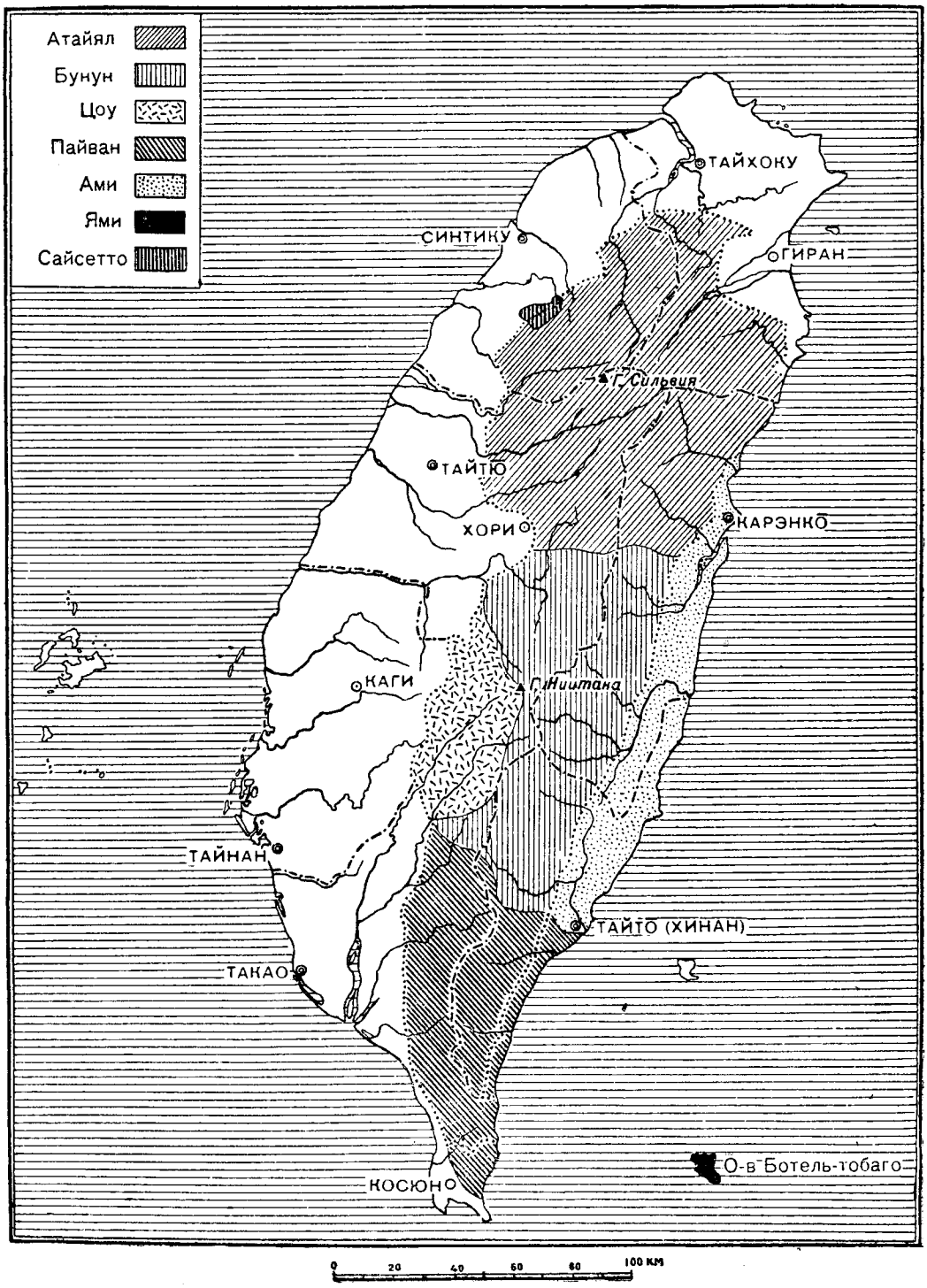
ТЕРРИТОРИИ ПЛЕМЕНИ АТАЙЯЛ

КАРТА

РАССЕЛЕНИЯ ТУЗЕМНЫХ ПЛЕМЕН ФОРМОЗЫ

(1931 г.)

означает просто: «человек» в смысле человека своего племени. Среди этого племени различаются три группы, обитающие на востоке, западе и юго-востоке.

III. Племя Бунун («B») обитает из всех племен наиболее высокий горный массив горы Ниитака (Мориссон). Племя состоит из трех групп.

IV. Племя Сау («D»), очень малочисленное, обитает на берегу озера Суйся в округе Хори (Хорися).

V. Племя Цалисен («E») занимает территорию от параллели города Хинан на С. до параллели города Борие на юге. Обычаи этого племени походят на обычаи племен Пайван, Пюма и Ями, чьи территории примыкают непосредственно или помещаются в близком расстоянии.

VI. Племя Пайван («F») занимает весь прибрежный хребет от г. Хинань на С. до южной оконечности Формозы. Оно распадается на четыре группы.

VII. Племя Пюма («G») занимает территорию между племенами Пайван на Ю., Ами на С. и Цалисен на З., с которыми оно имеет много общего по обычаям.

VIII. Племя Ами («H») занимает восточную береговую полосу Формозы от гавани Карэнко на С. до г. Хинан на Ю. Оно распадается на 3 группы: северную, центральную и южную, последняя в виде небольшого клина удержалась среди территории Пайван.

IX. Племя Ями («I») является обитателями о-ва Ботель-Тобаго. По преданию, предки их прибыли с Батанского архипелага в группе северных Филиппинских о-вов. По языку и обычаям Ями целиком походят на туземных обитателей севера Филиппинских о-вов, где имеется о-в того же имени (Ями) на юг от пролива Баси.

X. Пейпо, окитаянные туземцы Формозы («J») живут отдельными гнездами среди китайского населения, как показано на карте, где эта часть Формозы оставлена без окраски. Одна группа Пейпо, сохранившая более тесную связь с другими племенам и (атайял), известна ныне японцам под именем Сайсетто в округе Нансё (т. н. Нансё-кабан— цивилизованные туземцы Нансё).

Вторая карта «Территории племени атайял» взята из книги «Taiwan-banzoku-shi», т. I, к стр. 20 (изд. 1917 г.). На ней показано размещение отдельных кланов этого племени (всего 24), имена которых даны красным цветом. Условные знаки на карте следующие: 1 — высота вершин (в японских футах), 2 — селение, 3 — город, 4 — город (окружной), 5 — город (столичный), 6 — граница между территориями отдельных племен горцев, 7 — граница общей территории горцев, 8 — административная граница, 9 — узкоколейная железная дорога, 10 — железная дорога нормального типа, 11 — шоссейная дорога.

Обе карты показывают распределение и состав формозских племен для времени не менее 20 лет назад. За этот промежуток в группировке и размещении отдельных племен произошли некоторые изменения в связи с растущим наступлением японской колонизации и захватами туземной территории («умиротворением непокорных племен»). Поэтому на современных японских картах и в новейших японских описаниях Формозы деление дается в упрощенном виде, а границы их территории в сокращенном объеме.

Помещаемая третья карта — «Карта расселения туземных племен Формозы», взятая из большого географического и этнографического описания Японии и ее колоний (Дай-Ниппон-тири-фудзоку-тайкэй), изд. 1931 г., т. 15, различает только шесть племен: Атайял, Бунун, Цоу, Пайван, Ами и Ями, не считая Сайсетто или цивилизованных туземцев.

Résumé

N. Kühner

Les chasses collectives chez les aborigenes de Formose (Atayals)

Les chasses collectives, en tant que forme ordinaire d'organisation économique des peuples au stade primitif ou de la société de clan, caractérisent les petites tribus économiquement et politiquement isolées, au nombre desquelles se trouvent les tribus de Formose. Dans son travail, l'auteur utilise les matériaux contenus dans les publications japonaises relatives aux tribus de Formose, non encore scientifiquement étudiés.

Chez les Atayals, à la différence des autres tribus de Formose, la chasse joue jusqu'à ce jour un rôle prédominant dans la vie économique et est étroitement liée par sa forme collective au régime de clan de la tribu. Au point de vue de l'organisation, elle se présente sous forme de sociétés de chasse dont les membres sont unis entre eux par les liens de consanguinité et qui utilisent des districts de chasse déterminés. La chasse même est pratiquée en commun et son produit partagé également

entre les membres, mais avec attribution de la meilleure part au propriétaire du chien qui a traqué le gibier ou au tireur qui l'a abattu (dans la chasse à l'ours).

Il convient de mentionner en particulier les tabous relatifs à la chasse, qui tirent leur origine, comme dans les autres tribus du sud-est de l'Asie se trouvant au même degré de développement social, des idées de magie primitive, et les rites de purification accomplis en cas de violation de ces interdictions.

La chasse, en tant qu'occupation guerrière, jouit d'une faveur spéciale chez les tribus de Formose, mais à la suite de la destruction des forêts elle perd peu à peu son rôle prépondérant et cède la place à l'agriculture.

Une forme particulière de la chasse collective est la chasse aux têtes, qui disparaît aujourd'hui. L'auteur décrit son organisation, ses procédés, ses termes, qui concordent presque entièrement avec ceux de la chasse ordinaire, de même que les interdictions qui s'y rattachent et les rites purificateurs. Leur particularité est le mode de conservation des têtes («rayons de crânes») et les honneurs qui leur sont rendus dans le but d'assurer le secours de l'esprit de la tête à la famille du chasseur qui l'a coupée.

ЗАМЕТКИ

А. И. Андреев

Буляши

(Одно из эвенкийских объединений XVII в.)

На ряду с большим числом тунгусских (эвенкийских) родов, кочевавших в бассейнах Нижней и Средней Тунгусок и по левым притокам Лены, когда началось обложение русскими тамошних туземцев ясаком, документы XVII в. упоминают несколько родовых названий, точное приурочение которых к определенному племени представляет известные трудности. Так, в наказе 1627 г. мангазейским воеводам Тимофею Боборыкину и Поликарпу Полтеву,[1] между прочим, читаем: «и живут... вверх (Нижней) Тунгуски реки многие люди сыроядцы: буляши и тунгусы и шелягирцы и чапагиры и синегырцы...» Если о последних из названных тунгусских родов мы имеем некоторые позднейшие известия того же XVII в., то о первых — буляшах — упоминание их в наказе 1627 г. было единственным указанием, где приводилось название этого рода или совокупности родов. Поиски в источниках XVII в. дали несколько новых данных о них.

Первые сведения о буляшах были получены в Москве почти за шесть лет до того, как встретилось приведенное выше упоминание о них: в июле 1621 г. мангазейские воеводы Дмитрий Погожий и Иван Тонеев писали в Москву,[2] что служилые люди Супонко Васильев с товарищами привезли в Мангазею с Нижней Тунгуски «иноземцов и неясашных людей буляшей шесть человек», которые при расспросе сказали, что «они люди кочевные, а живут на реке на Оленье, а та река впала в Лин, в большую реку»; они же сообщили, что по реке Оленьей живет до 200 буляшей. По их словам, «по большей по Лине реке живут многие люди и с ними з буляши торгуют: соболи у них покупают на железо; язык де у них меж собой не сходитца, и с ними не воюютца, и огненново бою у них никаково нет; а избы де у них, как у русских людей, и лошади есть же; а про то они не ведают: пашенные ли они люди или непашенные; а платье носят таково ж, как и русские люди; а ходу... сухим путем от Мангазейского уезду до Буканскова зимовья, до реки до Оленьи, недели с 4, а воденого ходу до 7 недель». На основании этих данных под рекой Оленьей, впадающей в «большую реку Лин», т. е. в Лену, следует, кажется, разуметь не приток Вилюя, как думает Миллер и вслед за ним Фишер,[3] а реку Оленгу, левый приток Лены, упоминаемый в росписи 1640—1641 гг.[4]

Соседями буляшей, по их словам, был народ, не названный в документе по имени, но в котором не трудно узнать ту «якуцкую конную орду» или якутов, ближайшее знакомство с которыми относится к более позднему времени (1631—

[1] Русск. Истор. Библ., II, стб. 849.
[2] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 118—120.
[3] История Сибири, гл. XI, § 48; Сибирская история, СПб., 1774, стр. 360.
[4] Доп. к АИ, II, стр. 246.

1632 гг.). Таким образом в приведенном известии 1621 г. следует видеть не только первое свидетельство о буляшах, но и первые сведения об якутах, встречающиеся в документах XVII в., что было отмечено Миллером в его неопубликованной главе XI «Истории Сибири» и кратко, без ссылок на документы, повторено Фишером.[1]

На основании сведений, полученных от буляшей, мангазейские воеводы отправили в Буканское зимовье тобольского казака Ивашку Коковкина с толмачем пустозерцом Игнашкой Ханоптеевым, вместе с тремя из буляшей, чтобы приводить их сородичей к шерти, побуждать их прекратить нападения на русских промышленных и служилых людей и платить ежегодный ясак. Уже по отбытии их произошло событие, которое дает небольшой штрих для характеристики взаимных отношений отдельных племен, кочевавших в XVII в. в обширном крае между Енисеем и Леной. Вместе с шестью буляшами была привезена в Мангазею из того же Буканского зимовья «полоняная девка, родом тидириска»,[2] по словам нашего источника,[3] «та... девка у них в полону жила года з два и изучилась у них буляшскому языку». Когда после отъезда Ив. Коковкина и толмача Игнашки Ханоптеева стали разыскивать в Мангазее людей, знающих тунгусский и буляшский языки, то неожиданно упомянутая «девка тидириска, которая привезена из Буляшей... учала говорить самоядцким языком, а саманатчики з буляши, которые оставлены в Мангазеи, буляшским языком». Так как в Мангазее было много лиц, знавших самоедский язык, то они «тое девку допрашивали: для чего она преж того, как были не отпущены буляши в Буканское зимовье, самоядцким языком не говорила?» — На что получили следующий ответ: «Не велел ей говорить самоядцким языком толмач Игнашка Ханоптеев», который был толмачом и в первую встречу служилых людей с буляшами. При помощи этой «девки» удалось узнать от буляшей, что «как их наши служивые люди изымали в Буканском зимовье, и они... дали... ясаку тобольскому казаку Ивашку Богомолу да толмачу Игнашку Ханоптееву... 5 сороков 9 соболей да 80 шуб собольих», тогда как Ивашко Богомол доставил в Мангазею всего лишь 20 соболей. В связи с этим в 1622 г. началась переписка между Мангазеей и Москвой, которая продолжалась еще в 1627 г.[4] В 1627 г. Москва уже в третий раз требовала[5] произвести дознание по этому делу, предписывая расспросить еще раз «жонку самоядку», к тому времени вышедшую в Мангазее замуж за толмача Якунку, об именах и поведении служилых людей, посланных в свое время к буляшам, которые в этой грамоте называются «тулесами»: «схватали ль» служилые люди у ясашного зимовья 6 человек «тулесов» и получили ли с них окуп, и если взяли, то столько сороков соболей, кроме 80 шуб собольих, и у кого именем. Конец переписки неизвестен, но об интересующих нас буляшах найдены и некоторые другие данные, которые позволяют точнее определить их принадлежность к одному из племен, кочевавших в крае в XVII в.

Сведения о буляшах имеются в том «экстракте» из мангазейских ясачных книг, который был составлен в мангазейском архиве по поручению Г. Ф. Миллера в июле 1739 г., когда он был в Туруханске. Как известно, в архиве Сибирского приказа ясачные книги по Мангазее сохранились лишь с 1626 г.,[6] Миллер же видел в Туруханске более ранние книги с 1608 г., и из них были сделаны для него соответствующие извлечения, на основании которых написана им, между прочим, история постепенного обложения тунгусов Нижней Тунгуски ясаком. Под

[1] Сибирская история, стр. 359—360.

[2] Один из самоедских родов, кочевавших в 1626 г. около Тидирского озера. Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 30.

[3] ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6-я, л. 454 об. и след.

[4] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 138—139, грамота № 44, 1627 г., ноября 27.

[5] Первые два требования — в 1622 и 1626 гг.; на них не было получено ответа из Мангазеи.

[6] Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, I, стр. 325.

1626 г. в этом экстракте [1] имеется такая запись: «Буляши: род юрильцы, 80 человек, платили ясак по 3, по 5 и по шти соболей; род елижан тунгусы, 6 человек, платили ясак по 5 и по шти соболей; всего з буляшей 8 сороков 33 соболя, разборная цена 475 р.; а не доплатили 17 человек 50 соболей». Из текста видно, что буляши—объединение двух тунгусских родов. Так как в последующие годы и в грамотах и в ясачных книгах это название исчезает, а входившие в состав объединения два тунгусских рода — елижане и юрильцы — платят ясак отдельно друг от друга, то надо думать, что это объединение было лишь временным, и елижане и юрильцы стали жить раздельно, причем юрильцы кочевали в 1633—1636 гг. на Нижней Тунгуске, в устье р. Титеи (Титы), совместно с другим тунгусским родом балягирцов. Это новое объединение двух тунгусских родов, впервые отмеченное в ясачных книгах 1625 г.,[2] не имеет в источниках общего наименования и распалось, вероятно, после перехода одного из родов на места новых кочевий.

[1] Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 28 об.
[2] Там же, лл. 24 об.—25.

ХРОНИКА

По СССР

Издание труда Гильфердинга А. Ф. „Онежские былины"

Фольклорная секция Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР приступила к переизданию классического труда А. Ф. Гильфердинга «Онежские былины». Первое издание вышло в 1873 г. и сразу же быстро разошлось; библиографической редкостью является и второе издание, выпущенное Академией Наук в 1895 г. Настоящее третье издание является переизданием важнейшего памятника русского фольклора. Поставленная ЦК ВКП(б) задача перед рядом издательств — об издании фольклорных работ—включена и в круг основных проблем Фольклорной секции ИАЭ. Данный сборник должен открыть серию изданий важнейшего значения, сыгравших огромную роль в развитии не только русской, но и мировой фольклористики. Гильфердингом записаны былины в местах, где они наиболее полно собирались. Записанные им былины представляют исключительное значение. В приложениях будут даны новые записи, сделанные за последние годы в тех же местах и хранящиеся в собрании Фольклорной секции ИАЭ. Вводная статья Бестужева-Рюмина будет заменена, как устаревшая, новой статьей о жизни и деятельности Гильфердинга. Написание статьи поручено проф. М. К. Азадовскому.

В. Храмова.

В кабинете Европы и Кавказа (Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР)

В первом квартале 1937 года в Кабинете Европы и Кавказа состоялось три заседания под председательством заведующего кабинетом проф. Д. К. Зеленина.

1. На заседании 21 февраля был заслушан доклад научного сотрудника Института антропологии, археологии и этнографии Л. И. Лаврова на тему: «Земельные отношения у балкарцев в прошлом».

Начало разложения патриархально-родового строя у балкарцев докладчик датирует рубежом I и II вв. н. э. Появление территориальной общины и превращение ее военачальников и хозяйственных распорядителей в «публичную власть, отделенную от массы народа» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1933, стр. 143) происходило в условиях вовлечения балкарцев в войны и меновые отношения турецких политических образований юго-восточной Европы в V—XIV вв. Соприкосновение аланских предков балкарцев с турецкими народами Предкавказья было причиной отуречивания части алан и смешения их с турками. Далее докладчик, переходя к земельным отношениям, указывает, что у балкарцев земельные отношения до Великой Октябрьской социалистической революции прошли четыре этапа. Из них древнейший вовсе не знал частной собственности на землю: это этап свободной распашки и свободного выпаса. Докладчик датирует этот этап эпохой господства родового строя. Второй этап характеризуется отсутствием частной собственности на землю и наличием ежегодных переделов, регулируемых общиною. Этот этап соответствовал преобладанию сельской общины и предшествовал развитию феодальных элементов в балкарском обществе.

Третий период докладчик характеризует прекращением переделов, появлением частной собственности на пахотные и сенокосные земли и постепенной реализацией притязаний военачальников и хозяйственных распорядителей общины на верховное владение всеми земельными угодьями своей округи. Этот этап соответствовал эпохе дальнейшего разложения балкарского рода и укрепления феодальных элементов; он начался в XV—XVII вв. и закончился в 1867 г. крестьян-

ской «реформой». Четвертый этап земельных отношений в Балкарии докладчик характеризует утверждением частной собственности на пашни, сенокосы и значительную часть пастбищ, резким расслоением балкарского селения и пробуждением революционного движения. Этот процесс сопровождался ростом меновых отношений, приспособлением балкарской экономики к требованиям рынка и уродливым сочетанием капиталистических отношений с феодальными и дофеодальными. Данный этап соответствовал колониальному положению Балкарии (XIX в.).

2. 15 марта на заседании был заслушан доклад Н. Н. Волкова на тему: «Исторический очерк саамского народа до XV в.» (По материалам археологии, этнографии и фольклора.)

Названный доклад представляет одну из глав подготовленной к печати монографии «Саами».

Докладчик, рисуя картину прошлого саамов, критикует миграционные теории, согласно которым саами рассматриваются как недавние изгнанники на север. Теории эти лишены достаточных научных оснований. Археологические памятники Кольского полуострова, Карелии и севера Скандинавии, а также данные топонимики дают основание предполагать, что уже за 1500—2000 тыс. лет до н. э. саами жили на современной территории, далеко распространяясь на юг. На территории нынешнего СССР они распространялись до Ладожского озера.

Говоря о культуре саамов, докладчик отмечает, что она весьма архаична. Ряд сохранившихся у саамов элементов оленеводства не находит параллелей у других северных народностей Союза.

Докладчик приводит в качестве исторического источника исландские саги, карельско-финский эпос — «Калевалу» и древнейшие русские исторические свидетельства, которые позволяют утверждать, что у саамов никогда не было своего государства. Героический эпос саамов многообразен, в нем заключены сведения о борьбе саамов со скандинавами и формы этой борьбы. Героический эпос саамов создан ими на племенной стадии развития и не связан с феодализмом.

Из фольклорных материалов саамов и исторических хроник IX—XII вв. имеются свидетельства о существовании у саамов отцовского рода.

Докладчик приводит тексты сказок, сказаний, преданий, лично им записанных у саамов.

В прениях по докладу среди других выступил представитель Союза советских композиторов т. М. Чулаки, недавно ездивший вместе с докладчиком в экспедицию к саамам. М. Чулаки охарактеризовал музыкальное исполнение саамами песен и других произведений народного творчества.

3. На заседании 27 марта был заслушан доклад научной сотрудницы М. Д. Торэн на тему: «Пережитки тотемизма в поверьях восточных славян о летучем змее». В восточно-славянских народных поверьях «летучий змей»—деньгоносец—представляется как реальный змей — животное или как зооморфный дух. В фольклорных сказаниях змей иногда мыслится предком. Докладчик отмечает, что в фольклоре отражено происхождение от змея богатырей русского эпоса: Тугарина Змиевича, Волх Всеславича и других. Змей служит объектом разных запретов: его нельзя убивать, кормить солью, ругать бранными словами. За нарушение этих запретов змей карает пожаром или смертью. Далее докладчик говорит о счастье, приносимом змеем в дом. Змей лечит различные болезни, воскрешает мертвых; вкушение его мяса дает чудесную способность понимать язык животных. Позднейшим заместителем змея являются умершие, в образе того же змея.

С развитием частной собственности в классовом обществе змей получает функцию хранителя кладов, он приносит богатство и разоряет хозяйство. Докладчик предполагает, что в родовом обществе змей-тотем был хранителем родовой собственности.

В. Храмова.

Выставка „Революционная Испания в борьбе с фашизмом" (Музей истории религии АН СССР)

В ноябре 1936 г. в Музее истории религий Академии Наук СССР открылась большая выставка к событиям в Испании—Революционная Испания в борьбе с фашизмом. На выставке представлено свыше 500 экспонатов: обширное собрание плакатов, листовок, газет, журналов, фотографий, полученных из Валенсии и Барселоны; скульптура, акварели и рисунки художников: Антокольского, А. Бенуа, Боголюбова, Владимирова, Остроумовой-Лебедевой, Верховской, Штернберг, Мюразье, Кругликовой, Рериха, Рицони, Якобий и др.; произведения Сервантеса, Лопе-де-Вега и др. в старинных изданиях XVI—XVII вв.; коллекции испанских марок, старинные карты Испании XVIII в., макеты, картины, карты, изготовленные художниками для выставки; произведения испанской революционной литературы и т. п.

Выставка показывает, с одной стороны, удушающий гнет королевской Испании, мракобесие озверелого фашизма, союз католических князей церкви с фашистами, благословляющими германскую и итальянскую

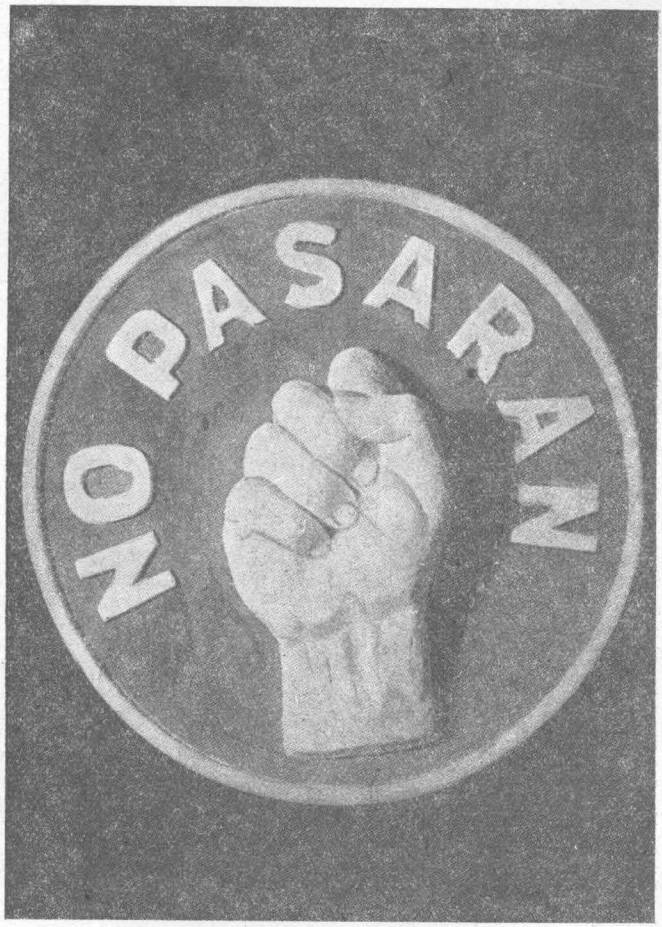

Рис. 1. Значок народной милиции «Не пройдут!».

интервенцию, с другой — отображает героическую революционную борьбу испанского народа против фашизма — за свободу и культуру. Разделы выставки «Испания в XVI—XVII вв.», «Испания в XIX—XX вв.» рисуют историю Испании. Галерея мрачных фигур — богородицы, рыцаря, монаха, инквизитора, королевского солдата — напоминает посетителю о средневековой Испании. Подлинные инквизиционные орудия: «маска голода», клещи, «груша», скульптура Антокольского на тему о преследовании маранов — все это иллюстрирует слова К. Маркса о том, что в Испании «лились потоки золота, звенели мечи и зловеще горело зарево костров инквизиции».[1] Сцена из драмы Лопе де Вега «Овечий источник» — «Восстание испанских крестьян против феодалов» — ярко говорит о революционном прошлом испанского народа. Витрины испанской литературы XVI—XVII вв. содержат книги мракобесов (напр. жизнеописание Игн. Лойолы, Антверпен, 1587 г.) и свободомыслящую литературу: сочинения Сервантеса, Лопе де Вега и др. Щит «Испания XVIII—XIX века» показывает революционное движение в Испании, борьбу с католической церковью и т. д.

Карты Испании, окруженные диапозитивами, изображающими виды этой страны, рисуют современную Испанию. Небольшие щиты знакомят с историей падения монархии Альфонса XIII, с героическим астурийским восстанием, с победой народного фронта на выборах в кортесы и возникновением фашистского мятежа. Многочисленные экспонаты показывают лицо озверелого испанского фашизма, носителя средневекового феодализма, монархизма, церковного фанатизма и изуверства. Диаграммы свидетельствуют о богатстве католической церкви,

[1] К. Маркс. Собр. соч., т. X, стр. 721.

Рис. 2. Скульптура Мюрюзье «Пассионария ведет комсомол».

сообщают феодальный состав королевской армии Альфонса XIII, имевшей шефом «пречистую деву Марию», знакомят с властью иезуитов в Мадриде, которые имели там в 1931 г. свой банк, судоходную кампанию, кино и ресторан.

Макет «Штурм собора», где засели фашисты с попами, обстреливающими народную милицию, иллюстрирует слова из Манифеста коммунистической партии Испании: «Мы беспощадно боремся с торговцами религии, с теми, кто превращает церкви и монастыри в центры заговора и шпионажа и в крепости, направляющие дула своих пушек против народа».

Католическая церковь, тесно связанная с помещиками, спекулянтами и банкирами, выступила как союзник фашизма в борьбе с революционной Испанией. Банды попов сопровождали фашистские отряды со статуями Христа, монахи организовали отряды наподобие существовавших на территориях, занятых белогвардейцами во время гражданской войны «полков Иисуса», использовали религиозные предрассудки для борьбы с единым народным фронтом. Выставка показывает, как испанские фашисты превратили церкви и монастыри в форпосты контрреволюции. Диаграммы говорят о том, что в католических церковных организациях хранились большие суммы денег, которые были использованы князьями церкви для борьбы с демократической Испанией. Фотографии, собранные в музее, показывают союз фашистов с князьями церкви: архиепископ, снятый вместе с генералом Франко, монахи у пулемета, религиозные празднества у фашистских мятежников, молебствие русских белогвардейцев о том, чтобы бог покарал республиканцев и т. д. Открытка министерства пропаганды Испанского правительства изображает «националистов», как именуют себя бургосские наемники фашистских держав. Они прилетают на самолете из Лиссабона в сопровождении германского фашиста с денежным мешком, итальянского генерала,

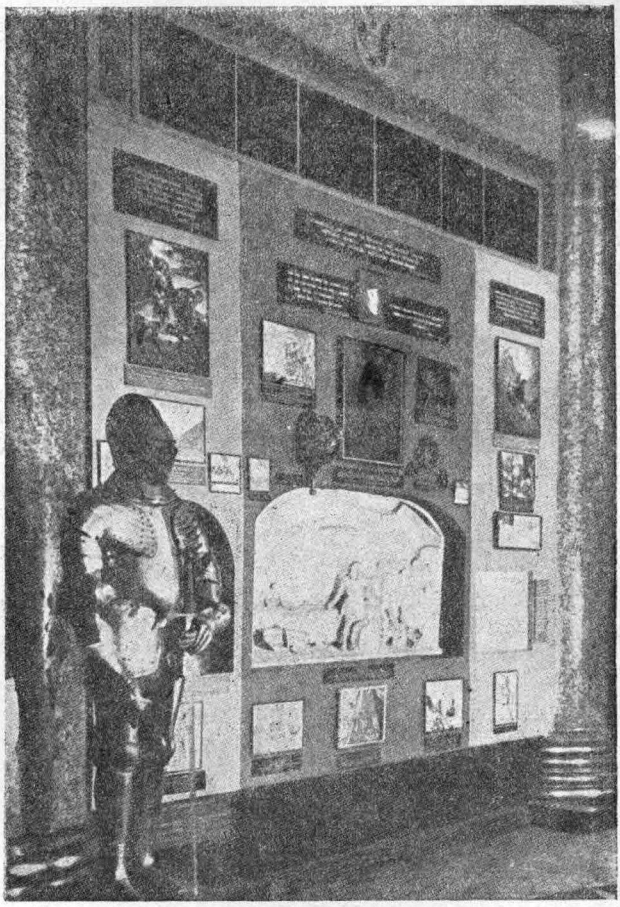

Рис. 3. Щит «Испания в XVI—XVII вв.».

вооруженных марокканских солдат и представителя Ватикана, благословляющего эту экспедицию. Они везут с собой виселицу, на которой вздернута Испания.

Выставка разоблачает деятельность испанских фашистов, вскрывает гнусную роль троцкистов, находящихся на службе генерала Франко. Большое собрание фотографий показывает ужасы фашистского террора, разгром фашистами памятников культуры. Зверства фашистских мятежников давно превзошли наиболее мрачные «подвиги» святейшей инквизиции. За 300 лет господства инквизиции в Испании было сожжено живьем около 32 тысяч человек, а только за два месяца фашистского мятежа в Испании, по данным английской газеты «Дейли геральд», фашисты расстреляли, сожгли, повесили около 30 тыс. человек. Всему этому зверству противостоит героическая революционная борьба испанского народа против фашизма. Картины худ. Владимирова «На баррикадах», «Оборона города», барельеф скульптора О. Штернберг «Испанская женщина на баррикадах», скульптура Мюрюзье «Пассионария ведет комсомол», показывают новую героическую Испанию. Художник Алексеев изготовил макет корриды, традиционного боя быков, превращенного в общенародный митинг. Панно «Прибытие советского парохода „Невы“ в Испанию» и «Испанская делегация на Красной площади в Москве», портреты деятелей Испанской коммунистической партии и испанского революционного правительства, большое число фотографий, посвященных гражданской войне, обороне Мадрида, созданию революционной армии, деятельности коммунистической партии, пятого полка и т. д. — привлекают внимание посетителей. Со времени открытия выставку посетили свыше 50.000 зрителей. У посетителей особенный интерес вызывают подлинные плакаты, листовки, воззвания и газеты

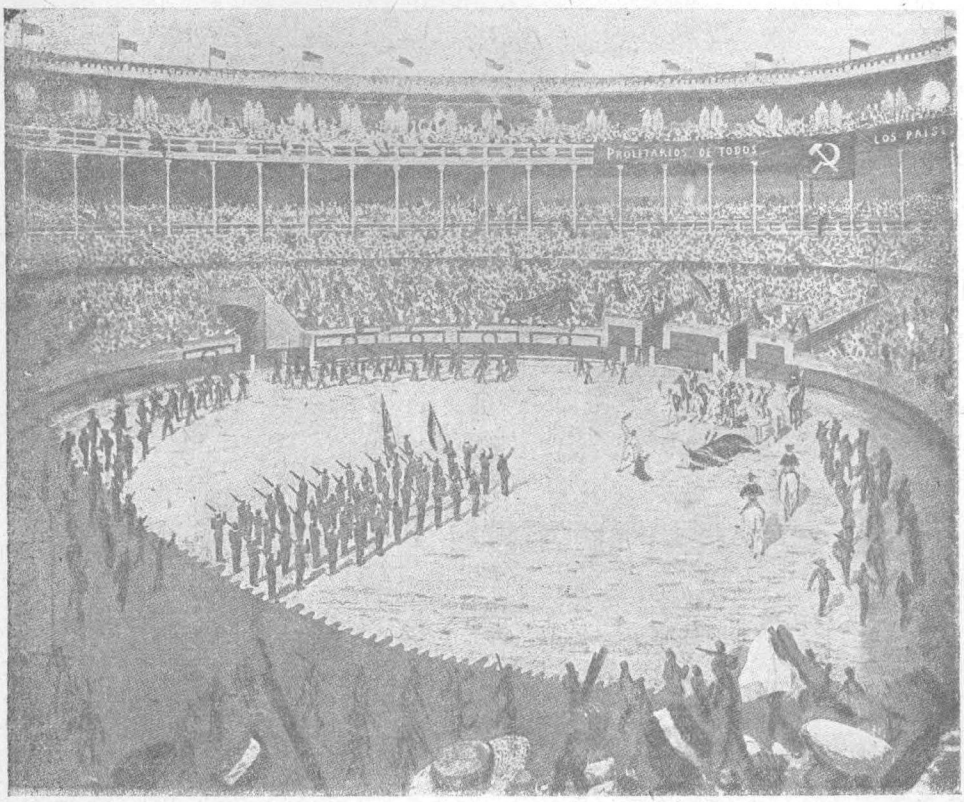

Рис. 4. Отправка революционных войск на фронт из цирка.
Макет худ. А. Алексеева.

революционной Испании. На выставке представлено свыше 20 испанских ярко красочных плакатов, программы кинотеатров, где демонстрируются советские кинофильмы, выставлена революционная литература и т. п.

Вся выставка построена как иллюстрация к ответу тов. Сталина на телеграмму генерального секретаря ЦК Испанской компартии Хозе Диаса «Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

М. Шахнович

Северо-кавказская экспедиция Государственного исторического музея 1936 г.

В 1936 г. Государственным историческим музеем были организованы и осуществлены две историко-бытовые экспедиции — в Новгородский район Ленинградской области и на Северный Кавказ.

Северо-кавказская историко-бытовая экспедиция провела свою работу в июле—августе 1936 г. на территории Чечено-Ингушской и Дагестанской автономных Советских Социалистических Республик.

План работы экспедиции обусловливался комплексом задач, стоящих перед одним из отделов Государственного исторического музея, занимающимся изучением поздних эпох истории народов СССР, в частности — народов Кавказа. Как раз для показа истории народов Северного Кавказа, для характеристики положения отдельных народностей в период колонизации Кавказа российским царизмом мате-

Рис. 1. Аварка в старинном костюме. Сел. Ругжа Губинского р-на Даг. АССР.

риал отсутствует в музее. Это обстоятельство и определило две конкретные задачи экспедиции: получить материал для вещественного отражения Кавказской войны, связанной с национально-освободительным движением Шамиля, для готовящейся экспозиции Музея на тему «Завоевание Кавказа» и собрать материал, характеризующий быт и социальные отношения населения Чечни и Северного Дагестана в середине XIX в.

Работа экспедиции, в составе научных сотрудников музея А. В. Закс (начальник экспедиции), Е. И. Крупнова и аспиранта музея В. Г. Изгачева, протекала при живом участии и содействии местных работников.

В первую очередь экспедицией были посещены районы и отдельные пункты, связанные с движением Шамиля в 40-х, 50-х годах XIX в., прославившиеся особо упорной борьбой населения с царизмом за свою независимость.

В Чечне работа протекала, главным образом, в Веденском и отчасти в Саясановском районах. Были посещены аулы и селения: Ца-Ведено, Ведено, Хутор Шамиля, Дышни-Ведено, Хорочой, Эрсеной, Тезен-кале, Болгатой, Дарго и Цонторой. В Дагестане работа велась в Буйнакском и Гунибском районах (селения Казанищи, Дженгутай, Гуниб, Чох и Ругуджа).

За время работы экспедицией собран обильный и разнообразный материал, который с успехом восполнит некоторые лакуны в собраниях музея по Кавказу и позволит показать в экспозиции быт и культуру населения Чечни и Дагестана прошлого века.

Конечно, не весь собранный экспедицией материал может датироваться середи-

ной XIX в. Да и трудно предполагать, чтобы до наших дней могли бы сохраниться в виде, пригодном для экспонирования, например, бурки старинного покроя, или чеченские войлочные коврики — «истанги», или тростниковые цыновки и прочий, легко разрушающийся инвентарь. Архаичность некоторых черт в быту и культуре народов Кавказа, в качестве пережитков нередко сохранившихся почти до наших дней, позволяет в отдельных случаях иллюстрировать современной вещью некоторые моменты производственной и общественной деятельности горцев недалекого прошлого. Не будет ошибкой для показа обстановки чеченской «кунацкой» прошлого века использовать современные «истанги», сохранившие черты и для прошлых лет — расцветку, узоры в виде причудливых оленьих рогов и другие детали.

Подавляющее же количество приобретенных вещей не вызывает сомнения в давности своего происхождения.

Для характеристики сельского хозяйства в горных условиях приобретены старинные орудия труда — примитивная горная соха, борона-волокуша, ярмо для быков, старинной формы топоры, серпы, ручная мельница, кожаные мешки, бурдюки и пр.

Для показа домашнего производства и быта собран целый ряд изделий из кожи, шерсти, различная деревянная и медная утварь, примитивный станок для производства шерстяных поясов, мялка для кожи и другие предметы.

Богатая коллекция, состоящая из оружия, одежды, обуви, разнообразных серебряных украшений, позволит представить в экспозиции имущественное неравенство населения Чечни прошлого столетия. Приобретена одна шашка с клинком 1614 г. польского дела.

Из материалов, непосредственно связанных с Шамилем, заслуживают особого внимания два экспоната, приобретенные экспедицией: серебряная, круглая, в виде выпуклой бляхи с пуговкой посредине, медаль с надписью по окружности (по арабски): «Человеку совершенного мужества и храброму, как лев, Идрису Эфанди» и небольшое, плохой сохранности, короткое письмо с печатью Шамиля, адресованное наибу Батуко. Содержание записки — сбор налогов в Чечне.[1]

Кроме того, в районе сел. Дышни-Ведено экспедицией произведена топографическая съемка местности, где сохранились остатки бывшего укрепленного лагеря Шамиля, омываемого речкой Хулкулау и ее притоком. Пользуясь консультацией местных работников, просвещенных в делах «давно минувших дней», удалось нанести на план не только сохранившиеся еще валы, рвы, брустверы и место дома Шамиля, но и водоем, места кузниц, порохового завода. На месте, где, по словам любителей старины, были кузницы Шамиля, собраны шлаки, обломки железных инструментов и гвозди. Среди камней, на месте дома Шамиля, поднят обломок пушечного ядра. Целые ядра, старинные свинцовые пули и медные коробочки для хранения трута (русские и местные) были приобретены у окрестного населения.

В Дагестане экспедиция приобрела набор инструментов для ковроткачества, станок, ковер в стадии производства, несколько «хурджин» (вьючных ковровых мешков) и исключительно ценный комплекс богатой одежды, обуви, военного снаряжения и других обиходных предметов, некогда принадлежавших одной семье местных феодалов из аула Чох. Старинное богатое седло, пистолет под серебром — дела когда-то славившихся Чохских мастеров, рукописный Коран в кожаном переплете и ряд других вещей. В ауле Ругуджа собрана интересная коллекция резных деревянных вещей и серебряных украшений. Там же приобретены судебные документы Ругуджинского сельского судьи Гунибского округа (90-е годы) и старая фотография самого судьи.

Одновременно со сбором вещевого материала, участники экспедиции знакомились с производственным процессом некоторых видов местных производств. Например, с ковровым делом в с. Казанищи и с кинжальным в сс. Казанищи и Дарго, где в производствах, уже на артельных началах, заняты несколько десятков человек.

Интересно отметить, что эти аулы, и в прошлые годы известные своими производствами, до наших дней сохранили свое значение определенных производственных центров края.

На основании бесед с местным населением, особенно со стариками, из которых некоторые помнили и лично видели Шамиля (как, напр., старик Абдул-Керим Салгиреев из сел. Дышни-Ведено — 105 лет), произведены записи рассказов о Шамиле, о прошлом своих родов, своего народа, о взаимоотношениях с грузинскими феодалами и пр.

В небольшом количестве собран фольклорный и этнографический материал, связанный с обследуемыми районами (местные анекдоты, поверья).

Экспедицией сделан ряд фотоснимков, из которых следует отметить снимки мест, связанных с Шамилем, и особенно — моментов современного этнографического порядка, как, напр., «Белхи» — коллективная помощь колхоза своему колхознику в сс. Дарго и Ведено (рис. 2). Более полусотни людей в нарядных одеждах, преимущественно молодежь, участвует в обмазке дома. Девушки месят ногами глину и обмазывают ею дом. Мужчины переворачивают глину и носят к дому. Здесь же одновременно и смо-

[1] Предварительное чтение и переводы арабских надписей на приобретенных экспедицией предметах сделаны сотрудником Чеччео-Ингушского Института т. Нажаевым.

Рис. 2. «Белхи» — коллективная помощь (обмазка дома колхозника). Сел. Дарго Чеч.-Ингуш. АССР.

трины невест. Работа перемежается частыми песнями и плясками под гармонь. Этот обычай, некогда распространенный у многих народностей Кавказа, в частности у осетин («Бигара»), особенно интересен тем, что, являясь по сути пережитком прошлых лет, иных социальных отношений, а именно родовых, сохранился до наших дней уже в ином социальном окружении. И теперь уже не род, как прежде, а новая общественная сила — колхоз — приходит на помощь своему колхознику в трудную минуту.

Параллельно с основной своей работой по сбору историко-бытового материала, экспедиция собирала сведения о всех памятниках и отдельных археологических объектах, беря последние на учет, если приобрести их почему-либо не представлялось возможным.

Е. Крупнов

Центральный музей краеведения Удмуртской АССР

В Центральном краеведческом музее Удмуртской АССР (Ижевск) сосредоточены богатые коллекции по этнографии и истории удмуртов. Музей организован в 1920 г. и имеет отделы: исторический, этнографический, социалистического строительства и отдел сельского хозяйства и природы. В конце 1936 г. музеем проведена, совместно с другими организациями Республики, большая работа по организации выставки самодеятельного искусства удмуртов. На выставку были собраны многочисленные экспонаты со всех районов Удмуртии. Очень богато представлена одежда удмуртов и вышивки.

Переходя к краткой характеристике этнографического и исторического отделов музея, следует отметить, что выставочные щиты этих отделов зачастую обесцениваются многочисленными цитатами сомнительного в научном отношении характера.

В этнографическом отделе музея показан быт удмуртской деревни при капитализме. Здесь наибольший интерес представляют старые сельскохозяйственные орудия. Очень плохо отражены в этнографическом отделе социальный строй удмуртов в прошлом и их религиозные воззрения.

Исторический отдел содержит в себе ряд щитов, отображающих мултанское дело, революционное движение на территории Удмуртии, гражданскую войну и классовую борьбу в период строительства социализма (лудовайское дело). Основными

предметами коллекций, отображающих революционное движение в Удмуртии, являются фотографии.

В деле улучшения экспозиции и освоения музейной техники работникам музея предстоит немало трудов. Техника научной обработки коллекций (этнографического отдела) особенно нуждается в большом улучшении. Научных описей по отдельным этнографическим коллекциям, так же как и по коллекциям других отраслей, нет. Это может быть, отчасти, объяснено и тем, что поступлений отдельных коллекций и групп предметов было очень немного. Все поступающие предметы заносятся в общую инвентарную книгу, которая называется — «Запись поступающих коллекций». Книга эта имеет следующие графы:

№ по пор.	Время поступления	От кого и когда	Способ приобретения	Сопроводительн. документ	Время выдачи в отд.	Расписка отдела в получ.	№ по инв. книге	Сумма	Примечания

Судя по записи в общей инвентарной книге музея, первые предметы в музей поступали в 1926 г., причем стоит отметить, что такие графы, как «время выдачи в отдел предмета», «наименование отдела» и «расписка отдела в получении» во всей инвентарной книге не заполнены. В инвентарную книгу музея, в порядковые номера поступления отдельных предметов заносятся и документы, говорящие о способе приобретения предметов (дар, покупка, находка). Эти документы в инвентарной книге музея значатся как «протокол в четверть листа, записанный на обеих сторонах». Таким образом из общего количества порядковых номеров коллекций и отдельных предметов (1902) большое количество номеров падает на эти «протоколы».

Каждый подотдел музея имеет свою книгу, в которую записаны предметы, относящиеся к данному отделу. Книга этнографического подотдела музея носит название «Материалы по этнографии». Форма этой книги, как и книг других подотделов музея, следующая:

№ по пор.	№ по инв. книге	Наименование и описание предмета	Материал	Размер	Источники и способ поступл. Место происхождения и предыдущая история	Время поступления в музей	Место хранения в музее	Сумма	Примечание
6/72	17	Чучиськончалма — полотенце, сотканное в клетку из белой, красной и синей ниток	Ткань	Длина 2 м, шир. 27 см	Приобретено Жуйковым в дар от молодого человека — удмурта. Он, в свою очередь, получил его в дар от девушки вотячки	1927 г.			

Из приведенного видно, что научная обработка и описание поступающих коллекций и отдельных предметов находится не на должной высоте.

Плохо поставленная научная обработка коллекций отражается и на экспозиции некоторых отделов, о чем свидетельствуют многочисленные записи в книге пожеланий. Один из посетителей замечает, что ему «непонятны материалы могильников... не указана дата раскопок, местность и век»; другой посетитель, побывавший в музее вторично, в книге пожеланий отмечает: «Мое пожелание при вторичном посещении музея остается старым — путеводитель в музее нужен, так как непонятного много». Путеводитель для небольшого музея, может быть, и не обязателен. Нужно больше пояс-

нительных надписей в музее и необходимо тщательнее продумывать планы экспозиции. Иногда при плохо поданной экспозиции отдельных щитов могут быть печальные недоразумения, о которых можно прочесть в той же книге пожеланий Удмуртского музея. В музее установлен маятник Фуко; он привлекает множество посетителей разного возраста. Но при плохом объяснении принципа его работы и отсутствии краткого, но научно правильного объяснения, в Удмуртском музее бывали и такие случаи, когда посетитель уходил с неясным представлением о маятнике Фуко и его значении.

Урок из этого для работников музея должен быть один — нужно перестроить как можно скорее свою работу, внимательнее относиться к запросам и нуждам посетителей.

В заключение нашей заметки следует отметить и то обстоятельство, что имеющийся в Ижевске научно-исследовательский институт социалистической культуры, располагающий рядом специалистов по истории Удмуртии, до сих пор ничем не помог музею в его перестройке. Связи между институтом и музеем нет никакой, плана экспозиций отдельных частей музея институт не просматривает, и вообще нужно сказать, что институт совершенно не интересуется работой музея.

И. М. Лекомце

За рубежом

Кинофильм из жизни коренного населения Южной Австралии

Недавно в Антропологическом институте Великобритании и Ирландии (Лондон) демонстрировался интересный фильм «День из жизни туземцев хребта Манна», заснятый N. B. Tindal'ем и C. I. Hackett'ом во время экспедиции, организованной в 1933 г. Аделаидским университетом в резервацию на северо-западе южной Австралии, в районе горных хребтов Манна и Томкинсона. От поселения Ernabella, расположенного у восточной оконечности хребта Musgrave Range, экспедиция передвигалась на верблюдах. Встретив группу племени Pitjandjara, путешественники присоединились к ней, и за два месяца совместного странствования собрали ценный материал по языку, социальному строю, верованиям, фольклору этого племени. Опубликована лишь небольшая часть собранного материала, именно, материалы по обряду инициации (см. N. B. Tindale, Initiation among the Titjandjara Natives of the Mann and Tomkinson Ranges in South Australia. Oceania, v. VI, № 2, pp. 199—224).

Кроме упомянутого фильма, экспедицией заснят также фильм, иллюстрирующий последовательные стадии обряда инициации и сделаны фонографические записи песен, выполняемых во время обряда. Племя Pitjandjara представляет большой интерес для этнографа, так как оно до сих пор почти не приходило в контакт с белыми, если не считать немногих случайных нарушителей границ резервации, и сохранило в полной неприкосновенности свою культуру. Экспедиция обнаружила, что Pitjandjara до сих пор не знают железа и продолжают пользоваться каменными орудиями; последние являются орудиями палеолитического типа; топоры с наточенным рабочим краем у Pitjandjara отсутствуют. Это племя не знает также бумеранга. Язык Pitjandjara обнаруживает больше сходства с языками племен южной части Западной Австралии, чем с языком аранда и диалектами племен района озера Эйр. Деление на брачные классы отсутствует: есть только деление по поколениям: родственники Ego делятся на две группы, каждая из которых состоит из членов противоположных поколений. Таким образом все лица, принадлежащие к одному поколению с Ego, а также лица, принадлежащие к поколениям дедов и внуков, соединены в одну группу, называемую nanandaruka, тогда как лица, принадлежащие к поколениям родителей и детей, образуют другую группу, называемую tjanmiltjan. Термины эти взаимны.

Краткое изложение содержания заснятого экспедицией фильма, иллюстрирующего повседневную жизнь Pitjandjara, дано в февральском номере журнала «Man» за 1937 г., в заметке «Natives of the Western Desert of Australia».

В фильме показаны: стойбище, перекочевка, охота на кенгуру, сумчатую крысу и сумчатого крота, собирание съедобных семян, приготовление пищи, изготовление копья. Фильм был заснят без ведома коренного населения: они не видели аппарата и не знали о производившейся съемке.

А. Пиотровский

Новый бюллетень по антропологии, этнографии, языкам и истории

Панамериканский Институт географии и истории (Instituto Panamericano de Geografia e Historia) находящийся в городе Мексико, приступил к изданию библиографического бюллетеня по физической антропологии, этнографии, языкам и истории американских индейцев.

Бюллетень этот, носящий название «Boletin bibliográfico de Antropologia Americana», будет выходить четыре раза в год. Первый номер предположено выпустить в начале 1937 г.

Институт обратился в Академию Наук СССР с предложением принять участие в этом издании трудами по соответствующим областям американистики и информацией о проводимых работах, планах задуманных работ и т. д.

Н. Ш.

Третий международный конгресс по истории и географии Америки

Третий международный конгресс по истории и географии Америки, созванный Американской Академией истории (Academia Americana de la Historia), состоялся в Буэнос Айресе 8—15 июля 1936 г.

В работах конгресса приняли участие представители 78 научных учреждений 18 стран.

Н. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

М. Альтман

К ВОПРОСУ О РОДОВЫХ ПЕРЕЖИТКАХ У САЯНО-АЛТАЙЦЕВ

(По поводу книги С. А. Токарева «Докапиталистические пережитки в Ойротии». Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, Л., 1936).

Не будучи специалистом по всему кругу вопросов, поднятых С. А. Токаревым в его работе, я могу иметь научное суждение главным образом об одной из ее глав: «Родовые пережитки». И в отношении к этой главе мне хотелось бы быть не столько критиком, сколько, в некоторой степени, ее иллюстратором, дополняющим сообщения С. А. Токарева аналогиями и параллелями из наиболее близкой мне области древней Греции. Эти дополнения, полагаю, обоюдоинтересны и для Ойротии, и для Греции. В отношении к последней они, mutatis mutandis, вновь подкрепят известное положение, что за «греком» выглядывает «ирокез». Я делаю это с тем большим удовлетворением, что в наши дни, когда фашистская псевдонаука подняла на щит «расовую теорию», переклики между саяно-алтайскими «монголами» и «арийцами»-греками представляют интерес не только научный.

Работа С. А. Токарева появилась в печати через четыре года после того, как была им написана — срок при темпах нашей страны вообще и исторической науки в частности довольно значительный.

За это время утратили значение некоторые из практических выводов работы С. А. Токарева (см. гл. XIII: «Докапиталистические пережитки и социалистическое строительство»), но материал, собранный исследователем из литературных и архивных источников и пополненный его собственными этнографическими наблюдениями во время поездок по Ойротии в 1930 и 1932 гг., представляет собой значительный интерес, и, несомненно, привлечет внимание исследователей не только страны, являющейся объектом работы С. А. Токарева, но и исследователей областей, с ней географически смежных и исторически аналогичных. Работа С. А. Токарева интересна, однако, не только по представленным в ней историческим материалам, но и по их методологической обработке, хотя в этом отношении некоторые формулировки автора, при его в общем правильных установках, представляются сомнительными. Мне кажется, что работа значительно выиграла бы, если бы констатируемые им в Ойротии «пережитки» были снабжены этнологическими параллелями, а в части, касающейся терминов родства в алтайской номенклатуре, был бы дан их анализ.

Но прежде чем перейти к рассмотрению главы «Родовые пережитки», необходимо указать, что понимает С. А. Токарев под термином «пережиток» и как он осмысляет его социальную значимость. Здесь следует с удовлетворением отметить, что в отличие от многих исследователей, даже и советских, С. А. Токарев совершенно правильно поступает, четко отмежевываясь от тэйлоровской трактовки пережитков как общественного явления, которое, потеряв свой первоначальный социальный смысл, продолжает существовать как бы по инерции, не имея в настоящем никакого значения, словно труп, который почему-то еще не успели похоронить. Возражая такому пониманию пережитка, С. А. Токарев верно указывает, что историк-марксист не может допустить существования каких бы то ни было общественных явлений, которые не были бы закономерно обусловлены. Всегда должны быть налицо достаточные причины не только возникновения и развития, но и их сохранения (38 стр.). И отсюда — вывод, что раз «пережитки» продолжают сохраняться, они должны быть общественно переосмыслены и по новому использованы. «Но в классовом обществе социальный смысл любого общественного явления состоит в том, что оно удовлетворяет потребности и интересы одного из борющихся классов» (там же).

Это одна из положительных установок С. А. Токарева. Другая не менее ценная его установка состоит в том, что, прослеживая изучаемое им явление до его самых ранних истоков, он при своем анализе не упускает из виду и промежуточные звенья; у него нет, и это делает его работу ценной своей живой исторической конкретностью, «коротких замыканий», быстрых сведений «начал» и «концов» без учета всего исторического пути. Именно благодаря этому ему удается установить, что «алтайско-хакасский род, как он сохранился до последнего времени, далеко не является непосредственным пережитком ее первобытно-коммуни-

стического общественного строя. Он является пережитком тех переродившихся родовых форм, которые в феодальную эпоху служили формой и орудием классового угнетения. Это, следовательно, как бы пережиток пережитка — пережиток в квадрате. Повидимому, такова судьба родовых отношений везде, где они сохраняются в классовом обществе» (90 стр.).

До сих пор все верно, но обобщение, которое С. А. Токарев из сказанного делает, совершенно неправильно. «Родовые пережитки», продолжает он, «могут сохраняться лишь постольку, поскольку они служат классовым интересам феодала». Почему только феодала? У саяно-алтайцев — да, но вовсе не повсюду. Но может быть С. А. Токарев только о них здесь и говорит? Нет, он именно свое положение универсализирует: «В е з д е, где мы имеем сохранившиеся пережитки рода... мы в е з д е найдем их тесно переплетенными с феодальными элементами. Вне этой обстановки род в классовом обществе едва-ли может сохраняться» (там же).

Это, по моему, или крупная ошибка исследователя или, по крайней мере, крайне неудачная формулировка. Здесь у С. А. Токарева выпадает не для саяно-алтайцев, а в мировом историческом процессе целая социальная формация — рабовладельческая. Родовые отношения ведь могут быть использованы не только феодалами, но и рабовладельцами: Греция и Рим дают этому достаточно ярких примеров. Это одна погрешность в выводе С. А. Токарева. Другая его погрешность — в недоучитывании многозначности общественных пережитков. Верно, что на каждой новой формации пережитки, если они сохраняются, используются в борьбе классов. Но из этого вовсе не следует, что их использует целиком только господствующий класс; здесь процесс сложней и диалектичней: нередки исторические ситуации, при которых именно порабощаемый класс выдвигает эти исторические фикции как щит самообороны.

Перехожу к специальному рассмотрению родовых пережитков саяно-алтайцев.

«В ч и с л е п е р в ы х с т е р е о т и п н ы х в о п р о с о в в з а и м н о задаваемых незнакомыми алтайцами п р и п е р в о й в с т р е ч е — с ӧ ӧ г и н н е — к а к о г о р о д а» (16 стр.).

При совокупности всех других родовых примет и этот стереотипный вопрос есть отголосок того прошлого, когда ответ на него во взаимных общениях имел огромное значение. Это тот же вопрос, который в поэмах Гомера, отражающих стадию разложения родового строя, неизменно задают герои друг другу.

«В о з н и к н о в е н и е р о д а Оргончи п р е д а н и е о б ъ я с н я е т т е м, ч т о о д н а д е в у ш к а р о д а Тёёлес, р о д и в р е б е н к а, о т к а з а л а с ь н а з в а т ь е г о о т ц а, п о э т о м у р о д о в о е н а ч а л ь с т в о в ы н у ж д е н о б ы л о и з о б р е с т и н о в ы й с ӧ ӧ к — О р г о н ч и и» (стр. 17).

Это алтайское предание перекликается с рассказом об индейской девушке, у которой спросили об ее отце, на что мать со смехом отвечала, что у нее нет отца. Приводя этот рассказ, Ф. Энгельс добавляет: «То, что представляется здесь цивилизованному человеку удивительным, является попросту общим правилом при существовании материнского права и группового брака» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1932, гл. II, стр. 51).

Напомним также ответ Телемаха, который он дает Афине на ее вопрос, сын ли он Одиссея: «Мать говорит, что я его сын, но я сам не знаю: никто ведь сам не знает, кто его отец» (Одиссея, I, 207—216).

Это, наконец, то самое, что вскрыто Н. Я. Марром в самих терминах, обозначающих «отца» и «мать». «Многие думают, — пишет Н. Я. Марр в работе „К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории", — что папа и мама это два различных слова. Ничего подобного, папа наследовал свое название от мамы с ее правами: в начале не было ни папы, ни мамы, а потом настал период, когда была мама, когда мама была известна, но папа был еще не известен . . .»

Не в капризном нежелании, как мы видим, причина того, что алтайка не называет имени отца своего ребенка; его тогда еще исторически не было. Отсюда и алтайский обычай, запрещающий женщине называть имя своего мужа, обычай, совершенно правильно объясненный С. П. Швецовым: «предполагается, что она как бы не знает его имени» (стр. 25). Впрочем, здесь вопрос несколько сложнее, так как на известной общественной стадии и собственное имя называется, особенно человеку чужому, весьма неохотно. Так арауканец на вопрос путешественника о его имени обычно отвечает: «У меня его нет» (см. Фрезер, Золотая ветвь, т. I, 1909, стр. 407). У Н. Я. Марра в одной из его еще ненапечатанных рукописей по этому обычаю находим следующее пояснение : «В определенной обстановке в различных трудмагически воспринимаемых отраслях коллективного производства, например, охоты, где это пережиточно осталось в быту, нельзя произносить и просто нарицательных имен соответственной производственной терминологии, они заменяются не условными в данном ремесле, данном занятии синонимами. Так, у сванов, в охоте за турами, в общей охоте, требующей коллективности и не обходящейся без обмена сигналами звуковой речи, словами, ни один предмет не может быть назван его обычным названием. Отсюда так называемый охотничий язык не одних сванов, но и абхазов и др. В то же время, независимо от того, культовые предметы ныне, пережиточно определенные существа, не называются их именами; доселе, например, змея на моей родине в Гурии (да не в одной это Гурии), в простой беседе

змея называется не словом gwel-c 'змея', а словом uqsenebel-i, означающим 'неупоминаемая'» (весь контекст приведенной цитаты см. в моей работе «Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера», Л., 1936, стр. 18 и примеч.).

«Слово „карындаш" означающее „брат" (в широком смысле) или сородич, происходит от корня „карын" — „утроба" и, следовательно, переводится буквально „единоутробный". В этом термине, таким образом, вскрывается идея материнского, а не отцовского родства» (стр. 17).

Совершенно верно. Аналогичное имеем и в греческом ἀδελφός — «брат», ἀδελφή — «сестра», где термин этот, несомненно, стоит в связи с δελφύς «матка», из чего явствует, что и здесь мы имеем в терминах родства отражение связи с матерью, а не с отцом. Указанием на связь между «утробой»— у алтайцев, «маткой» — у греков и термином родства — сам термин еще, однако, до конца не уяснен и требует дальнейшего конкретно-исторического анализа.

Сомнительный пример находим в работе С. А. Токарева, который, ссылаясь на Л. П. Потапова, сообщает о научно-показательных фактах перехода экзогамных ограничений с рода на колхоз. Факты эти отмечены Л. П. Потаповым в 1931 году в колхозах Чемальского аймака Ойротской Автономной области: «В колхозе живем, — значит все мы друг другу братья, свои, и жениться между собою нельзя» (22 стр.).

Можно было бы внести еще дополнения, иллюстрации, а кое-где и коррективы в работу С. А. Токарева, но полагаю, что и сказанного достаточно, чтобы показать, насколько работа С. А. Токарева и по богатству представленных в ней материалов и по выдвинутым в ней проблемам представляет научный интерес не только специальный, но в ряде отделов и принципиальный.

Е. В. Таланова

MAIR, L. P. AN AFRICAN PEOPLE IN THE TWENTIETH CENTURY. G. Routledge, Лондон, 1934, p. 300, ill., VI Map.

В книге Mair'a дается описание современной Уганды.

Расположенная в районе Монсозерья на пути к Центральной Африке, Уганда привлекала внимание многих исследователей-колонизаторов второй половины XIX в. (в том числе Стэнли, Эмин-Паши). Ко времени ее захвата англичанами в Уганде складывалось ранне-классовое государство. Roscoe, один из наиболее осведомленных авторов, давший описание почти всей группы племен Междуозерья, трактовал социальную организацию Уганды как феодальную.

Книга Mair'a важна не только тем, что дает новые по времени сведения, но и тем, что допускает возможность пересмотреть более или менее установившиеся в среде африканистов-этнографов взгляды. Mair провел в Уганде около года. Благодаря хорошему знанию языка луганда, он имел возможность собирать сведения без переводчика. Mair ставил своей задачей «изучение влияния европейской цивилизации на структуру африканского общества для применения полученных выводов при разрешении тех или иных вопросов колониального управления». Эта политическая установка автора определяет содержание его книги. Главы об экономической организации, о «держании земель», о политической организации составляют основной стержень книги. В главе о наделении землей мы находим у Mair'a утверждение, что «Уганда представляет контраст с тем, что часто думают о типичном африканском племени, где группа родственников живет из поколения в поколение на земле, считающейся своей по праву предков. И далее: «молодой Муганда (т. е. человек племени Ганда), когда приближается время его женитьбы, желая получить землю, идет к территориальному начальнику, который может быть, а может и не быть главой рода, но может вовсе и не принадлежать к его роду» (стр. 154—155). Это утверждение Mair'a стоит в известном противоречии с тем, что пишет Roscoe, давший подробное описание родовых отношений в Уганде, но не заметивший распада родовой организации, и тем самым сделавший непонятным процесс ее феодализации. Интересны случаи своеобразного складничества, приводимые Mair'ом: «Если участок становится слишком большим для лица, первоначально его занявшего, и его родственников, он может позволить товарищам (friends) обосноваться тут же, и один старый крестьянин говорил мне, что он имел одновременно восемь таких товарищей, живущих около него. Он мог требовать от таких держателей (tenants) работы на себя». Если он сам покидал поселок, «... они не могли быть согнаны начальниками, но просто становились его людьми» (стр. 156). Многостепенность держаний, на которую впервые обратил внимание Mair, во многом объясняет тот социальный порядок, где вождь (king) является одним из многих лиц, распределяющих землю, утверждающим свои права на верховное владение ею.

Функциональный метод, воспринятый Mair'ом от школы Б. Малиновского, очень удобен при его попытке дать представление об изменениях, происходящих в угандской деревне. В отличие от других этнографов Mair говорит не только о деревнях старого типа с родовым советом и родовыми преданиями, но описывает и деревни иного типа:

сравнительно большое селение, центр небольшого округа, где местный рынок и школы англиканской миссии притягивают население окружных деревень, и где своеобразной фигурой является священник-туземец, владелец больших стад; он описывает также и селения — конгломерат землевладельцев, не спаянных родством, владельцев крупных, скупленных уже участков. Здесь, по словам Mair'a, легко услышать расспросы о том, удастся ли англичанам удержать Танганьику, и здесь же «один молодой туземец, обучающийся в католической миссии, услаждал Mair'a чтением „Подражания Христу" на латинском языке» (стр. 19).

Принцип комплексного описания помогает ему показать сложность взаимоотношений в среде подвергнувшегося ломке туземного общества, изменяющегося под влиянием проникновения капиталистических отношений. Распространенная прежде передача детей в другую семью, в семью брата матери, затем брата отца, явившаяся отголоском общности детей рода, заменяется в Уганде передачей ребенка уже в чужую влиятельную семью, или вождю, или в миссионерскую школу, для устройства его жизненной карьеры. Далее Mair показывает, как два факта разного порядка, введение моногамии и одновременно внедрение хлопководства, переплетаясь, вносят изменения и в использование земли и в семейные взаимоотношения. Раньше каждая жена полигамной семьи обрабатывала лишь свой участок. Посевы хлопка для продажи в новой «моногамной» семье ведутся мужем и женой на разных участках. «Но,—пишет Mair, — жена покидает своего мужа, если он, стремясь побольше продать хлопка, заставляет ее работать на своем участке».

Сообщая много фактов и подробностей, интересных для исследователей социального строя, автор не дает и не может дать в силу своей типично буржуазной методологии обобщающего анализа социальных отношений Уганды.

С. А. Ратнер-Штернберг

MADISON GRANT. THE CONQUEST OF A CONTINENT, OR THE EXPANSION OF THE RACES IN AMERICA, New-York — London, 1934.

Уже с первых страниц этого довольно объемистого труда (более 400 страниц, включая предисловие, и 14 карт) становится ясно, что названный труд не дает научной трактовки вопроса, обстоятельного исторического обзора того, как произошло завоевание Америки — истребление местного населения белыми насильниками, постепенный захват его земель и источников его существования, а является типичной фашистской фальсификацией науки, игнорирующей и искажающей ее основы и данные. Так, завоевание континента Америки, точнее, территории США, как это видно уже из коротенького предисловия, автор трактует лишь с точки зрения расового и национального состава его населения и дальнейшей политики этого государства в вопросе о будущей иммиграции. И тут же с присущею фашистам наглостью он заявляет, что необходимо отбросить всякий «гуманитаризм», по милости которого США были превращены в «убежище для угнетенных», ибо это вредно отразилось на национальном составе их населения и является угрозой для культуры и цивилизации этой страны в будущем (sic!).

Несмотря на эту явно тенденциозную цель книги, автор старается придать своему «труду» научную видимость. Прежде всего он предпосылает ему охранительный щит в виде хвалебного предисловия американского палеонтолога — Осборна. Затем первую главу он посвящает рассмотрению «колыбели человечества», историческому обзору распространения древних человеческих рас по эйкумене. Попутно автор указывает, что взгляд, будто первоначальное человечество представляло один вид, homo sapiens, из которого потом выработались различные расы, «ныне устарел» (стр. 6) и тут же отмечает своеобразие и высокие качества белокурой, так называемой северной расы — «nordisca», не конкретизируя, однако, и не обосновывая этих «высококачественных признаков» и не указывая, откуда и когда раса эта появилась.

Вторая глава представляет собою очерк продвижения по европейскому континенту «северной расы», сосредоточившейся впоследствии преимущественно в северной и северо-западной Европе.

Далее следует длинный обзор иммиграции европейцев в нынешние США, по отдельным районам и штатам, с указанием национального состава переселенцев, местами со статистическими данными. Обзор этот показывает, что в первый период колонизации восточной окраины Северной Америки, т. е. от начала XVII в. до окончания войны за независимость в 1776 г., представители «северной расы» — англичане, шотландцы, северные французы, голландцы — преобладали и, по утверждению автора (стр. 206), составляли девять десятых всех иммигрантов. В обзоре этого периода автор почти не касается коренного населения, предшествовавшего появлению в США белых: вместо научной классификации индейцев и их характеристики, вместо изложения истории борьбы их с белыми, автор с присущей фашистам беззастенчивостью, ограничивается лишь противоречащим исторической действительности голословным и лживым утверждением, что это были «самые жестокие представители человечества, превосходившие в этом отношении ассирийцев» (стр. 143), дикари, «которые почти все жили в лесах, занимаясь охотой» (стр. 277), и что «кто знал истинную природу индейцев, не сожалел, что их изгнали из

их территории» (стр. 143). Умышленно, а не по незнанию сей «ученый зоолог» в своем историческом обзоре совершенно игнорирует данные многочисленных старинных исследователей и путешественников, данные, свидетельствующие о былой жизни индейцев, об их обычаях, нравах, социальной организации и пр., отнюдь не подтверждающие приведенную характеристику автора. Индейцы нагло оболганы автором.

Однако, в дальнейшем автор волей-неволей вынужден признать, что состав населения США сильно изменился. Все возраставший из года в год поток переселенцев приносил туда миллионы самых разнообразных национальностей. Особенно силен был наплыв иммигрантов из южной и восточной Европы. Но это отнюдь не были представители «северной расы». Испанцы и португальцы, итальянцы и южные французы — все это представители расы альпийской и средиземноморской, да и то не чистокровные, ибо в их крови есть примесь крови арабской (со времен господства арабов в Испании) и негритянской (со времени рабства негров, ввозившихся римлянами). По данным самого автора, хотя и не подкрепленным ссылками на источники (он вообще, за редкими исключениями, никаких ссылок не делает), но во всяком случае скорее преуменьшенным, чем преувеличенным, одних южных итальянцев в XIX столетии иммигрировало в США 4.5 миллиона, а за сравнительно короткий период с 1890 до 1913 гг. иммигранты из южной и восточной Европы составляли 85%, причем сюда входят опять-таки национальности, далекие от «северной расы», а именно, кроме вышеперечисленных национальностей, — большое число евреев, поляков, выходцев из Галиции и пр. Далее большими массами стали переселяться метисы, мулаты, индейцы и негры (и частью испанцы и португальцы) из Мексики, Вест-Индии, Центральной и южной Америки. А иммиграция китайцев, японцев, индусов, филиппинцев? Ведь это тоже как-будто не представители «северной расы». А негры, составляющие 10% населения США? Единственную отрадную для нашего автора статистику дают индейцы, от которых осталось всего 332 397 чел. (не считая индейцев Канады), представителей 371 племени.

Таким образом обзор расового и национального состава США, сделанный автором, не говорит о значительном преобладании там «северной расы», но автор этим не смущается и все же утверждает, что она представляет там не меньше 50% и даже до 70%.

Теперь посмотрим, что дает Гранту и автору предисловия Осборну основание считать американцев представителями «цивилизации нового типа, которой мир еще не видел до этого» (стр. VIII) и ради сохранения которой нужно оградить страну от вторжения чуждых элементов и принять самые строгие меры к парализованию дальнейшего размножения тех нежелательных национальностей, которые уже успели вселиться? Осборн хотя делает красивый жест, говоря, что он не признает существования высших и низших рас, но тем не менее создание американцами цивилизации «нового типа» он ставит в связь с их расовой конституцией. Вполне соглашаясь с Ripley, «исследователем» расового состава народов Европы, он считает, что моральные, интеллектуальные и духовные признаки у разных рас так же различны между собою и так же характерны, как форма головы, цвет волос и глаз и прочие антропологические признаки (стр. VIII). Это, разумеется, подхватывает наш автор. Но в чем же конкретно выражается это превосходство? Что дает право этим фашистам отнести американцев к расе исключительной, помимо голословного утверждения автора, что «Америку (читай США) создали протестанты северной расы и что их идеи — драгоценнейшее наследие, из-за которого нельзя допустить вторжения и преобладания чуждых ценностей и народов чуждых сердец и умов». В чем же выражаются те особенные качества, за которые Грант причисляет американцев к расе высшей марки, которой «мир еще не видел до этого»? Неужели только в подчеркиваемых им белокурости, высоком росте, английском языке, протестантской религии и «индустриальных способностях американцев» («american industrial capacity»)?

Теперь посмотрим, какие меры предлагает Грант для сохранения «чистоты» американской нации «в интересах прогресса и сохранения ее цивилизации» (стр. 137).

Меры эти двоякого рода: внешние и внутренние. Из внешних мер на первом плане стоит ограничение иммиграции. И тут американский фашизм опередил все прочие страны: автор предлагает ни больше, ни меньше, как полную изоляцию США, окончательное закрытие всех ее границ для иммиграции — и с востока (против европейцев), и с запада (особенно против китайцев, японцев, филиппинцев, индусов и пр.), и с юга, являвшегося до сих пор «открытыми воротами» для вторжения крайне нежелательных ему по национальному составу потоков иммигрантов из Мексики, Вест-Индии, Центральной и Южной Америки (беглый анализ национального состава этих стран он дает в главе XVII). Закрытию подлежит и северная граница, но так как там, по утверждению автора, до 60% представителей «северной» расы, то он делает исключение для тех из них, у кого родной язык английский, и, надо думать, тут же подразумевается, у кого религия протестантская (стр. 305). Особенно ополчается автор против вторжения филиппинцев, причем он готов на «жертву», предлагая своему правительству дать этой колонии полную независимость и предоставить ее «на волю провидения и Лиги Наций» (стр. 280), лишь бы освободиться от вторжения ее населения и, прибавим мы, избавиться от конкуренции филиппинского

сахара. Но, как истый практичный американец, автор, отстаивая самые строгие запреты иммиграции представителей «чуждых рас», делает великодушно исключение для выдающихся людей этих же «чуждых» рас. В этом отношении он расходится с Гитлером, который не останавливается перед тем, чтобы изгнать из Германии даже крупнейших ученых, как Эйнштейн, писателей, художников и других выдающихся деятелей, раз они не арийцы. Далее автор считает необходимым запрет уже натурализовавшимся иммигрантам введения их семей, а «если, — говорит он, — те будут настаивать, то предложить им убраться, откуда они пришли» (стр. 350).

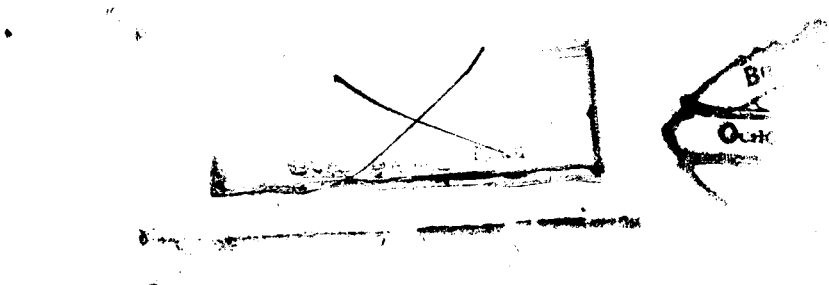
Что касается внутренних мер, то они, естественно, сводятся прежде всего, как и в прочих фашистских странах, к мерам «профилактической генетики», к стерилизации не только преступников и неизлечимых больных, но и лиц, стоящих «ниже среднего уровня американца», и вообще элементов «нежелательных». К таковым он причисляет огромные массы южных и восточных европейцев (стр. 353—354), не говоря уже о неграх, и, можно догадываться, ненавистных ему коммунистов, страх перед которыми и лежит в основе широчайшего по размаху американского фашизма.

Для осуществления этих мер он предлагает организовать «Совет для усовершенствования». В этом отношении сам автор, действительно, «не превзойденный тип». В самом деле, до идеи стерилизации и разных ограничений для тех, кто ниже среднего уровня господствующей нации, не додумались еще даже фашисты Германии и Италии. Но что такое «средний уровень американца?» Чем он характеризуется? Чем он измеряется? На это автор, естественно, ответа не дает. И вполне понятно — это не в интересах фашизма. Именно пользуясь расплывчатым и неопределенным понятием «средний уровень» (не говоря уже о его абсурдности и неосуществимости), фашисты хотели бы получить возможность широкого применения любых ограничительных мер к «нежелательным» категориям, как национальным, так и социальным, и, можно догадаться, особенно к столь пугающим автора коммунистам, число которых растет в США с каждым днем. Далее, в виду того, что в США имеется в настоящее время до 5 миллионов еще не натурализовавшихся иммигрантов, он предлагает запретить их натурализацию в течение целого поколения (стр. 352—353).

Но указанных мер по его мнению недостаточно по отношению к северо-американским неграм, которым, к крайнему сожалению автора, в свое время дали гражданские права и не сумели, по проекту Гарвея, — выселить «назад в Африку». Тут, говорит автор, требуются меры исключительные, меры социального ограничения и изоляции и строжайший запрет смешанных с ними браков, который должен быть распространен на всю страну, а не только, как теперь, на некоторые штаты.

Таким образом, рассматриваемый нами «труд» Гранта представляет собою типичный образец фашизации буржуазной науки в Соединенных Штатах Америки, и рисует все мракобесие и весь цинизм этой звериной «идеологии».

Книга эта отражает растлевающее влияние фашизма в США как в области научной, теоретической, так и в сфере национальной политики. Фашизм в США грозит развернуться в чисто американском масштабе в зловреднейший фактор жизни этой страны; фашизм зовет назад к мрачному средневековью, к утверждению нового варварства. Но можно с уверенностью сказать, что все усиливающийся рост социалистического движения среди рабочих США и единый мировой антифашисткий фронт дадут сокрушительный отпор в ближайшем будущем и парализуют эту позорную и страшную угрозу, нависшую над человечеством и его культурой.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Советская этнография» просит авторов, присылающих ей свои статьи, придерживаться следующих правил:

1. Размер статьи не должен превышать двух авторских листов, т. е. 40 стр. машинописи.

2. Рукопись должна быть перепечатана на машинке через два переката на одной стороне листа с полями по левой стороне в 4 см. Ни в коем случае недопустимы в статье вставки от руки чернилами и карандашом, кроме знаков транскрипции.

3. К статье необходимо прилагать краткое резюме на русском языке, исходя из расчета 1 стр. на авторский лист.

4. Цитаты должны быть сверены с источниками абсолютно точно, включая и знаки препинания, и заверены автором.

5. Иллюстративный материал прилагается с подписями и очередными номерами. Качество фотографий должно быть максимально хорошо и пригодно для печати.

По техническим соображениям настоящий № 2—3 выходит в несколько сокращенном размере. Следующие номера журнала будут изданы в значительно большем объеме.

Редакция.

П. 53 г. 56

За рубежом

Стр.

А. Пиотровский. Кинофильм из жизни туземцев Южной Австралии 124
Н. Ш. Новый бюллетень по антропологии, этнографии, языкам и истории 125
Н. Ш. Третий Международный конгресс по истории и географии Америки 125

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

М. Альтман. К вопросу о родовых пережитках у саяно-алтайцев. 126
Е. В. Таланова. Mair L. P. An African People in the Twentieth Century 128
С. А. Ратнер-Штернберг. Madison Grant. The Conquest of a Continent, or the Expansion of the Races in America 129

A l'étranger

Pages

A. Piotrovskij. Un film sur la vie des indigènes de l'Australie du Sud 124
N. Š. Un nouveau bulletin d'anthropologie, d'ethnographie, de linguistique et d'histoire 125
N. Š. Le troisième congrès international d'histoire et de géographie de l'Amérique 125

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

Analyses

M. Altmann. Sur les survivances du clan chez les peuples des monts Saïan et de l'Altaï 126
E. Talanova. Mair L. P. An African People in the Twentieth Century 128
S. Ratner-Sternberg. Madison Grant. The Conquest of a Continent, or the Expansion of the Races in America 129